

prof. Muts
10, 37

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

465

**СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ**

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ XX

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHİK 465 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ.
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ XX

ТАРТУ 1979

Редакционная коллегия

Л. Н. Столович (отв. ред.), К. А. Виммсааре, Р. Н. Блюм, Т. В. Лойт,
Р. А. Вихалемм. Секретарь редакции Н. Ф. Кулли.

К АНАЛИЗУ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

А. Г. Волон

В многочисленных работах наших философов, посвященных исследованию процессов познания и его продуктов, явно прослеживается тенденция ко все более углубленному, конкретному подходу к решению теоретико-познавательных проблем. Эта тенденция обусловила потребность в уточнении ряда важных гносеологических категорий.

К собственно гносеологическим категориям мы относим понятия «отражение», «знание», «истина», «ложь», «заблуждение», «достоверность» и т. п. Среди гносеологических категорий особое место занимает категория «знание». Познание — это деятельность, целью которой является получение знаний. Между тем слишком широкий и неопределенный смысл придаем мы этой категории при обсуждении гносеологических проблем. Знанием называют всевозможные продукты познавательной деятельности, даже гипотезы, явно не получившие еще достаточного обоснования истинности. Встречаются попытки выделить как особого вида знание «недостоверное знание», «вероятное знание». Можно даже встретить оборот «ложное знание». Но ведь само понятие «знание», как полагают многие философы и логики, предполагает логически как истинность, так и наличие достаточного обоснования истинности или достоверность. Если это так, то указанные выше словосочетания, будучи взятыми в прямом, буквальном смысле, являются самопротиворечивыми выражениями.

Ясно, что понятие «знание» нуждается в уточнении. Нуждаются в уточнении и другие гносеологические категории. Проблема определения и уточнения гносеологических категорий тесно связана с проблемой систематизации этих категорий. Более того, можно утверждать, что именно в попытках систематизации, в попытках выявления основных отношений между гносеологическими категориями только и возможно дать общее определение, уточнение категориям теории познания. Этот момент важно подчеркнуть в связи с тем, что существовало немало попыток определения гносеологических категорий в терминах логики или пси-

хологин, попыток, приводящих к логицизму или психологизму в гносеологии.

Решение проблемы уточнения и систематизации гносеологических категорий, нам кажется, следует начинать с анализа одной из важнейших категорий всякой гносеологической системы — с анализа категории «знание». Нет сомнения, что понятие «знание» — это собственно гносеологическая категория. Эта категория связана с другими гносеологическими категориями внутренними связями, выявление которых может дать основание для систематизации и определения основных гносеологических категорий.

Попытки дать точное истолкование термину «знание» приводят, как свидетельствует история, к необходимости использования категории, аналогичной категории «знание» в некоторых отношениях, но охватывающей любые продукты познавательной деятельности, претендующие на истинность. Именно такой категорией является категория «мнение». Проблема соотношения категорий «знание» и «мнение» была поставлена и активно обсуждалась уже философами античности. Вычленение философии и других наук из мифологии и обыденного сознания, вместе с осознанием специфики теоретических наук, необходимо приводили к мысли о том, что не всякое представление о мире достойно быть названным подлинным знанием. Гераклит, Демокрит, Парменид и другие философы осознали, что знание не есть дар богов, что оно, как и другие продукты человеческой деятельности, может и должно совершенствоваться. Существующим воззрениям о мире в их время они противопоставляли идеал подлинного знания, призывая стремиться к нему.

Большинство античных философов видело главное отличие подлинного знания от простых мнений в том, что знание должно иметь рациональную достоверность. Такого воззрения о подлинном знании придерживались как материалисты Гераклит и Демокрит, так и представители элейской школы Ксенофан, Праменид, Зенон и Мелисс. Однако выводы, которые были связаны с этим положением, в их философских воззрениях были весьма различными. Если элейцы и Платон, противопоставляя мнениям подлинное знание, делали при этом рационалистические выводы, что чувственная достоверность, опыт есть нечто несущественное для знания, то материалист Демокрит осознавал диалектику разума и чувств. По свидетельству Галена, Демокрит утверждал в форме диалога разума и чувств: «Жалкий разум, взяв у нас доказательство, ты нас же пытаешься ими опровергнуть. Твоя победа — твое же поражение».¹

Материалист Гераклит, утверждавший, что большинство воззрений о мире его современников есть лишь простые мнения, что

---

¹ Материалисты древней Греции. М., 1955, с. 78.

для получения подлинного знания следует искать логос, закон, призывал к настойчивому поиску истины, подчеркивая, что «природа любит скрываться»², что поиск истины подобен труду золотоискателя, перерывающего много земли. Такого рода выводы имели прогрессивное значение в период становления наук.

Иного плана выводы были сделаны представителем элейской школы Парменидом. Исходя из противопоставления подлинного знания простому мнению, он учил о двух путях познания — пути мнений и пути истины, словами богини утверждая в поэме «О природе», что на пути мнения истины не найдешь.

Протагор и другие софисты, наоборот, считали, что чувственно удостоверенные положения и есть знание, отрицая при этом значение рациональной достоверности или возможность её достижения. Они пытались показать, что все доказуемо и потому научного знания быть не может. В полемике с такого рода утверждениями софистов Сократ, Платон и Аристотель развили учение об определениях и доказательствах. Аристотель развил теорию вывода — силлогистику.

Особенно критически оценивали существующие мнения о мире Пиррон, Карнеад, Секст-Эмпирик и др. В их критике существующих взглядов на мир, в их скептическом отношении к ним содержались как положительные, так и отрицательные моменты. Обнаруживая противоречия в прежних системах, они предостерегали от заблуждений, призывая к осторожности в суждениях. Они явились родоначальниками учения о вероятностях, предвосхитили кантовское учение о противоречивости разума, лишённого чувственной основы. Вместе с тем, внушая идею о невозможности достижения рациональной достоверности, они заложили основы реакционного учения о непознаваемости действительности.

Важное место отводится проблеме знания и мнения в философии нового времени. Сравнивая относительную бесплодность схоластики, которая в умозрениях игнорировала чувственную достоверность, опыт с плодотворностью естествознания, опирающегося на опыт, эксперимент, многие философы этого периода приходили к осознанию значения чувственной достоверности для знания. Наряду с рационалистическими доктринами, большое влияние стали приобретать эмпиристские гносеологические учения. Представители эмпиризма, правильно подмечая большую роль опытного обоснования в познании, вместе с тем метафизически отрицали или недооценивали роль разума.

Если рационалисты в философии нового времени в духе античной традиции продолжают отождествлять мнение с результатами чувственного познания, то эмпиристы считают подлинным знанием чувственно удостоверенные положения, факты. К примеру,

² Материалисты древней Греции. М., 1955, с. 52.

Гегель «связывал мнение с чувственной достоверностью и рассматривал его как результат чувственного восприятия объекта (вещи)».³ Что касается эмпиристов, то они считают восприятия абсолютным знанием. Все, что не сводится к ним считается простым мнением. Вместе с тем, как заметил Б. А. Ерунов, в философии нового времени имела место тенденция преодоления ограниченного понимания мнения.⁴ Эту тенденцию можно рассматривать как свидетельство того, что идеи диалектики постепенно пробивали себе дорогу в области теории познания. Переход на позицию диалектики в области теории познания требует отказа от абсолютного противопоставления знания и мнения, требует признания движения от незнания к знанию, признания наличия в познании внутренних противоречий, борьбы мнений, требует учета всех сторон и уровней в познании. В диалектико-материалистической теории познания категория мнение должна занимать в силу этого важное место.

Однако сам термин «мнение», в силу определенных сложившихся исторических условий, до последнего времени очень редко использовался в нашей гносеологической литературе. Стремление избегать категорию «мнение» в гносеологических рассуждениях отчасти объясняется тем, что в идейной борьбе по гносеологическим вопросам главным нашим противником длительное время был субъективный идеализм. Желание подчеркнуть момент объективности содержания отражения, независимость содержания познавательных образов от субъекта и обусловило, как нам кажется, это явление. Образовавшийся категориальный «вакуум» отчасти заполнялся психологическими и логическими эквивалентами категории «мнение», отчасти путем расширительного истолкования термина «знание». В результате получается так, что знанием называют не только установленные факты и законы, но и гипотезы. Между тем, даже в обыденных рассуждениях когда мы говорим, что знаем, что нечто имело место, мы предполагаем, что наше мнение истинно и мы имеем достаточные свидетельства в пользу его истинности.

При анализе и уточнении философских категорий вообще и гносеологических категорий в частности, весьма полезным может оказаться выявление основных значений соответствующих слов естественного языка, способов их употребления в рассуждениях. Рассмотрение попыток экспликации основных значений слов «знаю», «полагаю», «верю», предпринятых философами-аналитиками, убеждает, что эти слова в естественном языке имеют целый ряд различных значений. Различия в значениях настолько велики, что трудно найти объединяющую их основу. Это обстоятельство послужило для Л. Витгенштейна и других философов осно-

---

³ Б. А. Ерунов. Мнение в системе человеческого познания. Л., 1973, с. 62.

⁴ Там же.

ваннем для утверждения принципиальной невозможности нахождения удовлетворительного определения термину «знание». Между тем, понятие «знание» как гносеологическая категория вовсе не обязано охватывать все оттенки значения слова «знаю» в естественном языке. Гносеологические категории, как и термины других наук, находят свое определение в системе науки довольно далеко иногда уходя в своем значении от значения соответствующих слов естественного языка. Вместе с тем следует признать, что между гносеологическими категориями и соответствующими словами естественного языка должно быть единство в основе, в некоторых главных, логических значениях.

Определенный интерес представляют в деле уточнения категории «знание» основные результаты, полученные в эпистемической логике. Прежде всего это относится к системе Я. Хинтикки.⁵ В его системе показано, что в главных своих значениях между понятиями «знание» и «мнение» имеется много общего, что понятие «знание» логически предполагает как истину, так и достоверность. С точки зрения его системы, утверждать «а знает, что р» и утверждать одновременно, что «р» ложно — значит допустить эпистемически незащитимое положение, своего рода абсурд. Это означает так же, что не следует говорить в прямом смысле «ложное знание», «недостоверное знание».

Одной из центральных категорий марксистской гносеологии является категория «отражение», «образ». Главным гносеологическим отношением является отношение образа к действительности. Через это отношение определяются такие гносеологические категории как «истина» и «ложь». Истинными мы называем такие идеальные образы, которые соответствуют действительности, ложными же называют те идеальные образы, которые не соответствуют действительности. Вместе с тем очевидно, что учитывая лишь отношение образов к действительности трудно определить понятие «знание». Для определения понятия «знание» в строгом смысле, с тем, чтобы не включать в его объем необоснованные гипотезы, следует различать соответствие образов действительности или истину «в себе» и то, превратилась ли истина «в себе» в истину «для нас», для субъекта. Иными словами, для определения понятия «знание» необходимо использовать не только категории «образ», «истина», но и категорию «достоверность».

Рассмотрение материалов по проблеме определения категории «знание» убеждает, что так называемое классическое определение термина «знание» как удостоверенное в истинности мнение, при правильной диалектико-материалистической интерпретации

---

⁵ Jaakko Hintikka. Knowledge and Belief. Introduction to the Logic of the Two Notions. N. Y. 1962.

категорий «мнение» и «достоверность», может быть принято за основу.

Мнением можно считать всякий идеальный образ, который полагается субъектом как соответствующий действительности, претендующий на истинность. Иными словами, всевозможные продукты познавательной деятельности суть мнения. Мнения могут быть как истинными, так и ложными, как объективными, так и субъективными, как удостоверенными в истинности, так и неустоверенными. Мнение не является непременно чем-то не-объективным, ложным, как это иногда интуитивно представляют. Говоря, что некоторое представление всего лишь мнение, мы имеем в виду обычно, что это представление недостаточно обосновано. Мнение может быть как истинным, так и достаточно обоснованным в своей истинности. В этом случае мнение оказывается тождественным знанию. Понятие «мнение» шире по объему чем понятие «знание». Заблуждения, ложные мнения, гипотезы не являются знанием будущи мнениями. Через понятие «мнение» можно определить не только понятие «знание», но и другие важные категории гносеологии.

Основные положения нашей гносеологии, рассмотрение диалектики процесса познания необходимо предполагают использование таких категорий как «противоречие», «проблема», «борьба мнений». Проблемы, имеющие место на переднем крае всякой развивающейся науки, суть диалектические противоречия процесса познания. В конечном итоге движущими силами, источниками развития познания являются противоречия в материальной деятельности людей, в практике. Однако познание имеет относительную самостоятельность, внутреннюю логику развития, внутренние противоречия. Понятие «противоречия в познании» и понятие «проблема» являются весьма близкими по содержанию понятиями.⁶

Видимо, не совсем правильно называть все противоречия в познании логическими противоречиями. Если в некоторой теории некоторое положение можно логически доказать и опровергнуть, то это свидетельствует о наличии внутреннего противоречия в теории, логического противоречия. Обнаружение логического противоречия является стимулом к уточнению логических средств теории, логической основы теории. Если же в опыте не подтверждается некоторое следствие из теории, то это свидетельствует о неправильности данной эмпирической интерпретации теории, а не о ее логической самопротиворечивости. И в первом, и во втором случае имеет место противоречие, проблема. Мнения возникают в попытках решить проблему, выступая сторонами, противоположностями, в борьбе которых рождается знание. Использование

---

⁶ Л. О. Лобовиков. Логика соотнесения противоречий и проблем в научном познании. — «Философские науки», 1976, № 4, с. 81.

категории «мнение» при определении понятия «знание» ведет к тому, что главное внимание в гносеологии смещается на творческий аспект в познании, на сам процесс становления нового знания. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин специально указывал, что «в теории познания как и во всех других областях науки следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать каким образом из незнания является знание, каким образом неполное и неточное знание становится все более полным и точным».⁷

Традиционно собственно мнения понимаются как нечто среднее между незнанием и знанием. На определенной ступени развития мнение является знанием лишь в возможности, потенциально. Затем оно может превратиться в актуальное знание. Однако превращение мнения в знание не есть акт творения самой действительности. Знание не есть «сами по себе существующие мысли», как это пытаются представить объективные идеалисты. Знание — это продукт человеческой познавательной деятельности, элемент духовной культуры общества. Знание — это обоснованные, истинные, объективные по содержанию идеальные образы материальной действительности. Как и всякие идеальные образы, знание не существует вне связи с субъектом. Понятие «мнение» неразрывно связывает познавательные образы с субъектом и в этом смысле истолкование категории «знание» через категорию «мнение» служит средством предотвращения идеалистического отрыва познавательных образов от субъекта. Напротив, стремление избегать категории мнение и, как следствие, использование психологических и логических эквивалентов этого термина в гносеологических рассуждениях может привести к ошибкам психологизма или логизма.

Анализируя чувственное познание, мы широко используем понятия и данные психологии, физиологии и других наук. Ясно, что нельзя создать целостное философское представление о чувственном познании, не опираясь на данные этих наук. Однако попытки определения понятия «знание» в терминах этих наук ведет к абсолютизации какого-то конкретного, частного аспекта проблемы. Верно, что знание в конечном итоге происходит из ощущений, но было бы неверным сказать, что знание — это ощущения. Определив понятие «знание» через понятие «ощущение» или «восприятие», мы исключаем возможность считать теоретические положения знаниями, так как они не сводимы к совокупности ощущений.

Встречаются попытки определить понятие «знание» с помощью таких выражений как «совокупность понятий», «совокупность высказываний». Термины «понятие», «высказывание» —

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, с. 102.

это по преимуществу логические термины. Определив понятие «знание» через эти понятия, мы неизбежно будем разделять те исходные абстракции, которые характерны для этой науки в ее подходе к идеальным образам. Самой характерной особенностью логического подхода к идеальным образам является то, что эти образы берутся в связи с языком, в котором они выражаются. При этом абстрагируются от отношения образов к действительности и от конкретного содержания этих образов. Логика исследует по преимуществу абстрактное мышление в определенном аспекте. Основным объектом ее являются дедуктивные выводы, широко применяемые в теоретическом познании. Определив понятие «знание» через выражения: «совокупность понятий» или «совокупность высказываний», мы тем самым отождествляем знание как таковое с логическими формами его. Содержание познавательных образов кажется при этом чем-то несущественным и возникает иллюзия принципиальной невозможности для опыта, практики служить критерием истины, средством обоснования истинности образов. Даже если мы будем истолковывать термин «понятие» расширительно, отождествив понятия с совокупностями высказываний или с теориями в целом, как это делают некоторые наши философы, мы не избежим формализма и рационализма в гносеологии, так как исключим возможность считать знаниями все чувственно удостоверенные положения. Между тем чувственно удостоверенное, в опыте удостоверенное положение, факт считаются знанием, даже если они еще не получили рационального объяснения. Кроме того, если все содержание науки возможно включить в содержание понятий, то все конкретные положения науки следует рассматривать как аналитически истинные высказывания. Это означает признание возможности только посредством семантического анализа значений слов, в которых выражены научные положения, выявить не только условия истинности, но и саму истинность. В таком случае все же остается непонятным, зачем в науке прибегать к опытам и экспериментам в процессе обоснования истинности гипотез, с одной стороны, и как возможен вообще научный прогноз, с другой стороны.

В гносеологии мы нуждаемся в таком определении понятия «знание», которое бы охватило все стороны и все формы знания. Вообще гносеологические категории несводимы к терминам логики, психологии, логической семантики и др. наук, исследующих познание в разных аспектах. Что касается того положительного содержания, которое получено в современной формальной логике, логической семантике, психологии и др. науках, то оно имеет самое непосредственное отношение к гносеологии. Это не означает, что современные представления об адекватности выражения мнений в языке, об условиях наличия обоснованности истинности мнений и т. п. следует включать в само понятие «зна-

ние». Эти представления развиваются с развитием науки и практики. Уточняются, делаются все более строгими наши представления о наличии чувственной достоверности. Становятся более строгими критерии логической обоснованности. Однако в любой данный момент считается, что знание — это достаточно обоснованное в истинности мнение, истинное и удостоверенное в истинности положение о мире.

Как известно, любая гносеологическая теория не беспредпосылочна. Общее представление о мире в целом авторов гносеологических теорий существенно сказывается не только при истолковании природы познания, но и в вопросах определения и систематизации гносеологических категорий. Так, например, отрицательное отношение к возможности определить понятие «знание» через понятие «мнение», которое было у Платона, явно связано с претензией на обладание «сверхчеловеческим» знанием истинного мира идей. Известно так же, что отрицательно относился к возможности определения понятия «знание» через понятие «мнение» Гегель. В частности, он утверждал, что нельзя философское знание, стремящееся к истине и объективности, рассматривать как особого рода мнение. При этом «мнение» Гегель определял как «случайную мысль», «субъективное представление», нечто противоположное истине и объективности. «Что противостоит мнению? Истина: перед истиной бледнеет мнение».⁸ Гегель так же утверждал, что «мнение принадлежит мне; оно не есть внутри себя всеобщая, сама по себе сущая мысль».⁹ Между тем нет ни логической, ни какой иной необходимости исходя из признания того, что знание должно быть объективным по содержанию, истинным, общезначимым по форме выражения, считать, что оно должно быть чем-то сверхчеловеческим, «по себе сущими мыслями». Материалисты обоснованно полагают, что самих по себе сущих мыслей не бывает, что знание, как и любые другие виды мнений, есть продукт человеческого познания, человеческой практики. Идеальные образы нельзя отрывать от субъекта, их носителя. Принадлежать субъекту и быть объективным по содержанию вовсе не являются несовместимыми свойствами идеальных образов. Гегель психологически истолковал понятие «мнение». Определяя термин «знание» через понятие «мнение», мнением следует считать такие образы, которые берутся как в отношении к действительности, так в отношении к субъекту, в отношении к языку, образы, которые полагаются субъектом как соответствующие действительности.

Принимая во внимание различные существенные для гносеологии отношения идеальных образов, можно выделить несколько оснований для деления мнений на виды. Прежде всего мнения

⁸ Гегель. Соч., т. 9, М., 1932, с. 19.

⁹ Там же.

делятся на истинные и ложные. Те мнения, которые соответствуют действительности являются истинными. Мнения, которые не соответствуют действительности, являются ложными. Весьма важным основанием деления мнений в гносеологическом плане является достоверность. Достоверность в общегносеологическом плане можно, видимо, определить как наличие у субъекта, носителя мнения, достаточного обоснования истинности мнения. Класс истинных мнений не совпадает с знанием. Чтобы утверждать категорически, что некоторое мнение истинно, надо знать, иметь достаточное обоснование истинности, иметь достоверность. Однако это не означает, что невозможно говорить об истинности мнения, предполагать о его истинности, не имея достаточных оснований для этого. Иначе мы вынуждены были бы исключить возможность применения истинностной оценки к гипотезам. Если предположение сформулировано, осмысленно и соответствует действительности, то оно истинно даже в тот момент, когда мы еще не удостоверились в его соответствии действительности. Понятие «достоверность» предполагает принятие в расчет не только соответствие образов действительности, но и отношение образов к субъекту, требует учета того важного обстоятельства, что не всегда субъект находится в позиции знать нечто полагаемое как истинное. Получение достаточного обоснования истинности или достоверности есть превращение «истины в себе» в «истину для нас». Мнения, которые еще не получили достаточных обоснований истинности, называются гипотезами, предположениями, просто мнениями. Те мнения, в истинности которых субъект удостоверился, естественно называть знаниями

Слово «достоверность» синонимично слову «несомненность». Термин «вероятность» в гносеологическом плане можно определить как степень или меру обоснованности истинности мнения. Чем больше у нас имеется объективных оснований полагать, что некоторое мнение истинно, тем выше вероятность того, что оно истинно. Слово «сомнение» в одном из своих значений означает наличие нескольких более или менее обоснованных и несомнительных мнений по одной и той же проблеме. Когда одна из гипотез получает достаточное подтверждение и превращается в теорию, знание, то «со-мнения» при этом опровергаются, устраняются.

Так как достоверность бывает чувственная и рациональная, то можно выделять чувственно удостоверенные мнения и рационально удостоверенные мнения. Результаты чувственного познания в науке, то, что принято называть эмпирическим знанием, и есть чувственно удостоверенные положения, факты. Рационально удостоверенные положения суть содержание теорий, законы.

Как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне есть положения, которые непосредственно удостоверены в своей истинности, так и положения, которые удостоверены опосредованно, положения выводные. В истинности общих фактов удостоверя-

ются с помощью серий опытов и индукции. Что касается единичных, то говорят, что истинность такого рода положений видна непосредственно. Но эта непосредственность относительна. Некоторые философы считают, что понятие «истина» неприменимо к восприятиям в силу их несомненности, другие считали, что вообще чувственное познание может дать только простые мнения, сомнительные положения. Мы признаем, что и ощущения и восприятия есть образы материальной действительности. Это означает, что восприятия могут быть как истинные, так и ложные. Если это так, то и термины «мнение» и «знание» так же применимы к такого рода образам. Бывают сомнительные и даже ложные восприятия. В большинстве случаев восприятия представляют знания. Даже в обыденном языке выражение «я видел, что р» предполагает истинность выражения «я знаю, что р».

По специфике предмета отражения мнения можно делить на мнения о природе, обществе, о себе, о ценностях и т. п.

Мнения, которые считаются истинными, но на самом деле не соответствующие действительности, ложные, называются заблуждениями. В результате познавательной деятельности получают не только знания, но и заблуждения. Категория «заблуждение» является одной из важнейших гносеологических категорий, так как выявление причин их появления и способов преодоления весьма важная задача гносеологии.

Человеческие мнения, как правило, выражаются в языке. Когда мнение осознается, оно непременно выражается в языке. В связи с этим возникают вопросы об адекватности выражения мнений, о требованиях к языку, основной функцией которого является выражение мнений о мире. Уточнение понятий «осмысленное мнение», «неосмысленное мнение», «абсурд» весьма важно для гносеологии.

Категория «мнение» не является излишней в системе категорий марксистской гносеологии. Для исследования и адекватного изложения диалектики процесса познания эта категория полезна и необходима. Она является весьма общей категорией и потому через нее можно уточнить ряд других гносеологических категорий.

ОБ ОДНОМ ДОПОЛНЕНИИ ГИПОТЕТИКО-ДЕДУКТИВНОЙ ТЕОРИИ

Ю. Каеватс

В методологии науки широко распространена точка зрения, по которой гипотетико-дедуктивная (сокращенно ГД) теория как методологическая модель теоретического знания в принципе не способна воссоздать некоторые существенные стороны современного естественнонаучного знания. Мы считаем эту точку зрения обоснованной. Не выводят ГД модели знания из тупика, как показывает анализ, и попытки ее «нетрадиционной интерпретации», попытки «называть «гипотезами» сами уравнения теории» и т. п. спасательные меры.¹

С другой стороны, содержание ГД метода и теории во многом соответствует реальному способу познавательного движения в теоретической науке. Ведь новое теоретическое знание порождается как мысленное развертывание знаний, потенциально содержащихся в новообразованной гипотетической системе абстрактных объектов (конструктов), которые заимствуются из уже функционирующих областей знания. Прямое или косвенное практическое обоснование (через дедуцированные следствия!) созданной системы превращает ее в достоверное знание.

Таким образом, гипотетико-дедуктивная модель возникновения и организации теоретического знания является необходимой и достаточной при воспроизведении структуры теории на метаязыке; гипотетико-дедуктивная же сторона ее оказывается необходимой и недостаточной. Многообразные формы и типы согласования и связи эмпирического и теоретического уровня и развертывания теоретической системы не вкладываются в рамки дедуктивного вывода. Естественно возникает проблема: в каком направлении надо дополнить ГД теорию (поскольку она являет-

---

¹ См.: Е. А. Мамчур. Проблема выбора теории. М., 1975, с. 14—35; А. М. Мостепаненко. Методологические и философские проблемы современной физики. Л., 1977, с. 14.

ся необходимой, но недостаточной основой для построения более адекватной модели теоретического знания)?

Основные недостатки ГД модели знания в том, что эта схема в основном ограничивается моделированием только плана выражения (формы) языка науки, оставляя «за бортом» многие содержательные стороны реального знания. Содержание просто не выражается полностью через форму.² Другая основная причина ее ограниченности состоит в статическом подходе к знанию: в ГД теории основное внимание уделяется логической структуре сформировавшейся системы знания, а не выдвижению новых основных понятий и принципов создаваемой теории. Вопрос о том, как возникают (или откуда берутся) исходные абстракции и постулаты теории, в ГД методе не ставится. Связь теории и метода при таком подходе лишь внешняя, не необходимая, не конструктивная. В данной статье мы попытаемся показать, что эти недостатки во многом устраняются в гипотетико-конструктивно-дедуктивной (ГКД) теории, которая получается как одно из возможных дополнений ГД теории путем синтеза в ГКД теории дедуктивно-аксиоматических и генетически-конструктивных форм введения объектов и развертывания теоретического знания.

В методологической литературе сложилась своеобразная ситуация: в то время как изучению дедуктивно-аксиоматического метода в марксистской, а еще более в немарксистской литературе посвящено огромное количество работ, генетически-конструктивный метод оказывается намного менее исследованным. Хрестоматийной в этой области стала статья московского логика В. А. Смирнова³, опубликованная в 1962 году.

Причина такого положения заключается в том, что под влиянием неопозитивистской концепции знания до сих пор распространено не обоснованное с точки зрения диалектического материализма представление, что физическая теория не может строиться конструктивным методом. Последний как будто может быть использован только в логике и математике. При аксиоматическом методе «за исходное берут некоторую систему высказываний, описывающих некоторую область объектов, и систему логических действий над высказываниями»,⁴ а при конструктивном методе оперируют непосредственно абстрактными объектами теории, теория же образуется в процессе конструирования ее объектов из совокупности исходных объектов по определенным правилам.

Тем не менее, конструктивный метод построения теории при-

---

² См. подробнее, напр.: И. С. Алексеев. Возможная модель структуры физического знания. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974, с. 208—209.

³ В. А. Смирнов. Генетический метод построения научной теории. — В кн.: Философские вопросы современной формальной логики. М., 1962.

⁴ Там же, с. 269.

меняется и в физике. Например, построение квантовой электродинамики — «это не выведение цепочки следствий из четко сформулированных принципов, а последовательный ряд операций, в результате которых происходит постепенная достройка теории, причем на более высоких этапах этого процесса предыдущие этапы рассматриваются лишь как «леса», отбрасываемые после завершения строительства. . . . Конструктивистский подход к физической теории выражается также в том, что в современной физике строится огромное число более или менее частных моделей, не противоречащих явно опыту, но и не имеющих веского обоснования (конструирование множества гипотетических частиц, экзотических астрофизических объектов, моделей Вселенной и т. д.).⁵

В опытно-математизированных науках конструктивный метод всегда выступает в своем содержательном варианте, где непосредственно оперируют абстрактными объектами теории в форме мысленного эксперимента. Мысленные модели, т. е. относительно замкнутые системы абстрактных объектов различного уровня общности, служат в структуре теории той основой, которая обеспечивает конструктивное развертывание теоретических знаний. Дедуктивное выведение — это движение на плоскости синтаксиса. Действительный процесс выведения следствий из основных определений, принципов и фундаментальных законов теории (а в этом процессе образуется «тело» теории, реализуются ее основные гносеологические функции и т. д.) двуедин: наряду с движением в математическом формализме и формально-логическими операциями с терминами и высказываниями теории, развертывание знаний происходит и путем мысленных экспериментов с абстрактными объектами моделей разных уровней.

Последние положения далеко не тривиальны и самоочевидны. Поэтому более детальному рассмотрению синтеза в ГКД модели знания дедуктивных и конструктивных сторон (как в процессе введения конструктов в теоретическую систему, так и развертывания знаний в системе) должна предшествовать экспликация некоторых представлений о теории вообще. Что представляет собой текст изложения теории для методолога? Как генезис теории определяет ее функционирование? Какие структурные единицы в теории обуславливают существование и развитие содержательных и формальных аспектов знания?

Существующие, а также создаваемые физические теории не однородны по логико-методологическим параметрам, а отличаются по степени общности, логической структуре, по широте и глубине предметной области, характеру объяснения и т. п. Поэтому в большинстве методологических текстов нельзя гово-

---

⁵ А. М. Мостепаненко. Цит. соч., т. 147. См. там и описание схемы построения квантовой электродинамики.

речь о физической теории вообще. В случаях, когда речь идет о формировании, структуре и функционировании знания, теоретическую методологию интересуют, главным образом, фундаментальные теории. Такая установка, характеризующая прежде всего относительно незрелую стадию и общий уровень в построении систематической теории знания, ничуть не умаляет методологическую проблематику более конкретных теорий, моделей и методов, используемых в ежедневной исследовательской работе. Характер изучаемых в данной работе проблем и уровень общности их решения, предполагает рассмотрение только фундаментальных теорий, под которыми мы понимаем такие теории, которые не предполагают никаких других физических теорий⁶, синтезируют широкий круг знаний конкретной отрасли науки и составляют методологическую основу дальнейшего развития познания в данной области на определенном этапе развития науки.

Основным первичным источником для методолога-исследователя являются оригинальные тексты фундаментальных работ ученых. Поскольку они по своей природе существенно отличаются друг от друга, то возникает вопрос, как соотносятся текст изложения «готовой» теории и сама теория в том смысле, как ее понимают в логико-методологическом анализе. Физическая теория — текст первых статей вновь создаваемой теории (например, статья А. Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел» для частной теории относительности)? Или текст итоговой монографии (например, «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона для ньютоновской механики)? Или тексты учебников по данному предмету, тексты описаний последовательного исторического становления и функционирования данной системы знаний, или текст в зрелой стадии развития аксиоматически переформулированной теории?

Ограниченность такого семиотического подхода в том, что, во-первых, сами эти тексты об одной и той же теории существенно различны, и, во-вторых, понимание гомоморфно тексту. Но текст — единственное средство материализации идей, содержащихся в теории. Связный текст есть материализованная форма объекта, т. е. знаний для методолога. С. Б. Крымский в этой связи пишет: «Теория есть продукт логической идеализации и организации определенных научных текстов. Ни в одной книге мы не встретим теорию в той форме, в которой ее излагает логика, хотя фрагменты теорий, безусловно, будут входить в научный текст.»⁷ С другой стороны, поскольку каждая теория представляет собой некоторое бесконечное множество утверждений⁸, то она принципиально не может быть полностью представ-

⁶ См.: М. Бунге. Философия физики. М., 1975, с. 204.

⁷ С. Б. Крымский. Научное знание и принципы его трансформации. Киев, 1974, с. 31.

⁸ См.: М. Бунге. Указ. соч. с. 52.

лена каким-либо конечным текстом. Следовательно, в методологическом анализе научной теории такой подход, где теорию рассматривают только как связную систему высказываний в плане выражения (формы) языка теории, явно ограничен для понимания ее сущности. В основу анализа должны быть положены структурные единицы другого рода, стоящие за текстуальной формой выражения.

Таким образом, ответ на вопрос о том, что представляет собой изложение «готовой» теории с точки зрения содержания, требует обращения к структурной и генетической характеристике теории. Такой подход реализует диалектико-материалистическое положение о том, что «генезис теории диалектически снимается в ее организации и определяет ее дальнейшее функционирование.»⁹

В основании сложившейся теории лежит сеть несводимых друг к другу взаимосогласованных конструкторов. Это образование называют по-разному: идеализированный объект (И. В. Кузнецов), элементарный объект (Н. Ф. Овчинников, Л. А. Бух и др.), фундаментальная теоретическая схема (В. С. Степин).¹⁰ Эти фундаментальные абстрактные объекты и отношения между ними представляют в очень абстрактном виде модель реальности, изучаемой теорией, идеализированную схему исследуемых взаимодействий, высший уровень в иерархической референтной модели. Авторы, наметившие существование такой модели в структуре теории, довольно единогласны в определении ее основной функции — служить идеализированным представлением объекта исследования и быть средством получения теоретических знаний о нем. Неодинаково разработанными остаются пока их структура, генезис и функционирование в составе теории.

Так, в ньютоновской механике элементарным объектом служит «материальная точка», корреляции которой с абстрактными объектами «сила» и «инерциальная пространственно-временная система отсчета» составляют фундаментальную теоретическую схему, т. е. максимально отдаленную от реальных механических взаимодействий модель, самый высокий слой модельной действительности механики Ньютона. Такого рода модельная схема наделена «небольшим числом весьма общих свойств и простой структурой», она «является абстрактным образом, отражением сущности фрагмента объективной реальности».¹¹

Если объект исследования был бы представлен в теории

---

⁹ В. С. Степин. Становление научной теории. Минск, 1976, с. 280.

¹⁰ См. И. В. Кузнецов. Избранные труды по методологии физики. М., 1975, с. 30—44; Л. А. Бух. Понятие элементарного объекта физической теории. — В кн.: Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974; В. С. Степин. Становление научной теории. Минск, 1976 и другие его работы.

¹¹ И. В. Кузнецов. Указ. соч., с. 34, 39.

только на уровне фундаментальной теоретической схемы, то теоретические высказывания ничего не могли бы утверждать о конкретных характеристиках и состояниях объекта. Их просто нет на таком высоком уровне абстракции. Поэтому изучаемая теорией реальность отображается в ней и на более низком уровне абстракции — на уровне «частных теоретических схем» (В. С. Степин).¹² Конструкты частной теоретической схемы образуют относительно замкнутую подсистему в структуре теории; подсистемы такого рода независимы друг от друга и подчинены только фундаментальной теоретической схеме. Эти частные теоретические схемы либо предшествуют построению фундаментальной теории, либо конструируются в процессе развертывания теории. В качестве примера назовем здесь некоторые частные теоретические схемы той же ньютоновской механики: модели свободного падения тел, движения тел по наклонной плоскости, колебания маятника, движения планет и т. п. Эти теоретические образования, функционировавшие до создания фундаментальной теории в качестве теоретических объяснений,¹³ называют обычно моделями. А в составе теории, в которой они подвергаются некоторым, а иногда существенным изменениям, их целесообразно назвать частной теоретической схемой, чтобы отличать данные модели от других типов моделей (в структуре теории или как вспомогательные средства теоретического поиска) и фиксировать их место в иерархической структуре теории.

Описанная иерархичность содержательной структуры физической теории — высокоабстрактная фундаментальная теоретическая схема и подчиненные ей не зависящие друг от друга относительно замкнутые системы конструктов, т. е. частные теоретические схемы — свойственна теориям как классической физики, так и теориям современного этапа развития физической науки. При этом существенно подчеркнуть различный, частично даже противоположный путь образования этих схем в до- и постзейнштейновской физике. В классической физике типичным был такой ход познания, когда содержательное построение модели (т. е. частной теоретической схемы) объекта или процесса предшество-

---

¹² Существует несколько подходов к изучению содержательной структуры физической теории. Мы здесь во многом опираемся на результаты исследований В. С. Степина, поскольку они многостороннее и основательнее других охватывают рассматриваемые нами стороны теории.

¹³ О «концептуальных конструкциях, выступающих в качестве объяснения какой-либо группы эмпирических фактов» см.: В. С. Швырев, К анализу категории теоретического и эмпирического в научном познании. — «Вопросы философии», 1975, 2, с. 5.

О моделях электростатики, магнитостатики и взаимодействия стационарных токов, электромагнитной индукции и постоянного тока как своеобразном эмпирическом материале и об их изменениях при создании электродинамики Максвеллом см.: В. С. Степин. Становление научной теории. Минск, 1976. с. 142—169.

вало математическому оформлению модели, и фундаментальные теории конструировались путем обобщения и соединения частных теоретических схем. Современный теоретический поиск начинается как бы с другого конца, с верхних этажей: с помощью содержательных методологических принципов и «угаданных изоморфизмов структур изучаемых объектов уже известным теоретическим (и математическим) структурам развитого до этого научного знания»¹⁴ построенные фрагменты математического аппарата являются исходной структурой, концептуальной сеткой, из которой в процессе семантической и эмпирической интерпретаций «выводятся» частные теоретические схемы и эмпирический уровень знания. В качестве примера укажем на изоморфизм структур производных значений дифференциальных уравнений в частных производных и устойчивых состояний атома водорода, который использовал Э. Шредингер, и на изоморфизм свойств симметрии всех сильно взаимодействующих элементарных частиц и определенных групп преобразований, на который опирался Гелл-Манн.

Процесс развертывания теории «всегда представляет собой создание на базе фундаментальных признаков и отношений абстрактных объектов теоретической схемы, новых абстрактных объектов, признаки и корреляции которых фиксируются в системе соответствующих высказываний.»¹⁵ Поскольку теоретические схемы представлены и математически, то развертывание теории всегда происходит двумя дополнительными способами: дедуктивно — при помощи формального движения в математическом аппарате, — и конструктивно — путем мысленного экспериментирования с абстрактными объектами, в процессе которого, продвигаясь на плоскости теоретического содержания, образуются новые абстрактные объекты, и, тем самым, получается новое знание.

Следовательно, развертывание физической теории обязательно предполагает редукцию фундаментальной теоретической схемы к частным. Каковы способы и приемы осуществления этой редукции и что соответствует этой «методологической операции» в реальной научно-исследовательской работе?

Как на основе фундаментальной теоретической схемы конструировать частные теоретические схемы — такую конкретную постановку эта фундаментальная проблема при изучении функционирования научной теории получила только у В. С. Степина. Тем не менее она с различной степенью четкости встает у всех тех авторов, которые более или менее пытаются уточнить поня-

---

¹⁴ От редакционной коллегии. В кн.: И. В. Кузнецов. Избранные труды по методологии физики. М., 1975, с. 7.

¹⁵ В. С. Степин. Указ. соч., с. 40—41.

тне «экстенсивное развитие научной теории».¹⁶ Некоторые существенные стороны этой проблемы проанализированы И. В. Кузнецовым («воспроизведение конкретного в понятиях»), В. П. Бранским («потенциальная проверка исходных принципов теорий»), Б. Я. Пахомовым («необходимым моментом применения базисной теории (исходных идеализаций и основного закона) к реальным материальным системам (представляемым в виде референтных моделей) является построение теоретических моделей реальных систем»), а также М. Бунге, Т. Куном и др.¹⁷

Т. Кун, рассматривая так называемые ординарные ситуации в научном исследовании, т. е. применение уже построенной теории к объяснению и предсказанию явлений, выяснил, что это приложение осуществляется на основе направляющей схемы видения — парадигмы, позволяющей изучать одну ситуацию по образцу и подобию другой. Понятие образцов решения задач (как главный компонент парадигмы) у Куна не определено вполне четко. Дело в том, что поскольку Т. Куном не дана разносторонняя характеристика мысленных моделей и их иерархия в структуре физической теории, то эксплицитное решение проблемы образцов в рамках ее концепции невозможно. Тем не менее, из контекста его работы и многих пояснений самого автора, его сторонников и критиков можно установить, что под образцами решения задач понимаются способы оперирования модельными представлениями, которые обеспечивают вывод одних формул математического формализма из других.

Как видно, в понимании сущности научной теории идея образцов решения задач имеет принципиальное значение. Как и откуда в теории появляются первые образцы решения теоретических задач? Т. Кун, у которого отсутствует последовательный целостный диалектический взгляд на процесс научного познания, в попытках ответа на этот важнейший вопрос должен был в своей методологической концепции опираться на внеметодологические аргументы, а именно, на представления психологии творчества. Диалектический подход позволяет раскрыть **объективные** истоки и предпосылки формирования эталонных образцов в более широ-

---

¹⁶ См. В. И. Кузнецов, А. А. Печенкин. Становление квантовой химии. — В кн.: Синтез современного научного знания. М., 1973; А. А. Печенкин. Функции научной теории. — В кн.: Философия. Методология. Наука. М., 1972; А. А. Печенкин. Методологические проблемы развития квантовой химии. М., 1976; Ю. В. Сачков. Процессы обобщения в синтезе знаний. — В кн.: Синтез современного научного знания. М., 1973.

¹⁷ См.: И. В. Кузнецов. Избранные труды по методологии физики. М., 1975, с. 28—44; В. П. Бранский. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. ЛГУ, 1973; Б. Я. Пахомов. Способ применения научного знания, строение теории и принцип дополнителности. — В кн.: Принцип дополнителности и материалистическая диалектика. М., 1976; М. Бунге. Философия физики. М., 1975; Т. Кун. Структура научных революций. М., 1975.

ком контексте связи между процессами генезиса и функционирования теории. В. С. Степин следующим образом разъясняет эту проблематику: «Формирование и включение в состав теории такого рода эталонных ситуаций происходит в самом процессе ее становления. ... Методы такой редукции в главных чертах воспроизводят те приемы, посредством которых в обобщающую модель включались существенные характеристики отражаемых теорией конкретных физических ситуаций. Это включение производилось посредством мысленных экспериментов, опирающихся на реальные возможности и особенности опыта. В ходе указанных экспериментов исследовательская мысль двигалась от модели к опыту и от опыта к модели, проходя все основные опосредующие звенья между моделью и опытом. Эти же мысленные эксперименты в главных чертах повторяются при экспликации включенного в модель конструктивного содержания, когда модель редуцируется к той или иной частной теоретической схеме».¹⁸ Значит, способы построения частных теоретических схем на основе фундаментальной теоретической схемы и составляют содержание процедур редукции, и в реальной исследовательской работе физика-теоретика эта методологическая операция реализуется в процессе перехода от основных уравнений теории к их следствиям. «Движение в плоскости математического формализма также выступает как особый способ исследования свойств и отношений абстрактных объектов теоретической схемы. Поскольку такие свойства и отношения представлены в уравнениях в виде физических величин и их связей, постольку решение уравнений может быть рассмотрено как своеобразная процедура оперирования с соответствующими абстрактными объектами теоретических схем.»¹⁹

Даже в случае математически обобщенного и унифицированного представления теории невозможно избежать содержательных соображений. Именно за счет таких операций с абстрактными объектами, входящими в теоретические схемы, накладываются ограничения на основные уравнения теории и можно получить более частные законы, которые применимы к решению той или иной конкретной теоретической задачи. На стадии развертывания теории абстрактные объекты частной теоретической схемы строятся (а готовые, уже существующие, выводятся) на основе объектов фундаментальной теоретической схемы. «При выводе с самого начала принимается во внимание специфика тех реальных процессов, для объяснения которых должна быть введена соответствующая частная теоретическая схема. Исследователь рассматривает эти процессы сквозь призму фундаментальной теоретической схемы (например, видит движение колеблющегося тела

¹⁸ В. С. Степин. Указ. соч., с. 277—278.

¹⁹ Там же, с. 48.

как перемещение материальной точки в системе отсчета), а затем осуществляет ряд мысленных экспериментов, в ходе которых налагает на фундаментальную теоретическую схему ограничения, соответствующие особенностям исследуемых процессов (например, отмечает, что процесс колебания связан с действием сил, которые каждый раз возвращают материальную точку в положение равновесия).»²⁰ Операции этого преобразования абстрактной модельной системы в структуре теории в более конкретную, как показывает анализ В. С. Степина, **не описываются** в явном виде, а **демонстрируются** на конкретных примерах. Например, в классической механике в качестве таких эталонных ситуаций, демонстрирующих в большинстве изложений, как осуществляется вывод следствий из основных уравнений теории (т. е. как надо провести процедуру редукции), выступают выводы из законов Ньютона (отношения абстрактных объектов фундаментальной теоретической схемы ньютоновской механики) закона малых колебаний, закона движения тела в поле центральных сил, законов вращения твердого тела (отношения конструктов частных теоретических схем). Такого рода выводы представляют собой сложные теоретические задачи. Всякое изложение теории обязательно включает описанные эталонные ситуации, образцы решения задач. Все остальные задачи в рамках данной теории должны решаться в соответствии с эталонными образцами.

Дальнейшее функционирование теории²¹ и расширение области ее приложений увеличивает количество решений теоретических задач. Наряду с теми первичными ситуациями, на основе которых формировалась данная теория и которые образуют «ядро» изложения теории, эти дополнительные выводы следствий, схемы редукций, решения задач (эти выражения в данном контексте синонимичны) также включаются в состав теории. Расширение области приложения, т. е. предметной области теории возможно до тех пределов, когда еще имеет смысл отождествление реальных физических объектов с элементарным объектом теории. Например, понятие материальной точки применимо к движению планет, снаряда, атома; волновая функция сопоставляется с нерелятивистским фотоном или электроном, атомом или молекулой в процессах рассеяния и т. п.

Следовательно, изложение «готовой» теории в рассматриваемом здесь плане состоит из следующих «блоков»: фундаментальной теоретической схемы, схемы редукции (которая демонстрируется на наборе эталонных образцов решения теоретических задач), соответствующих частных теоретических схем и большого количества **потенциальных** частных теоретических схем (на кото-

²⁰ В. С. Степин. Указ. соч., с. 50.

²¹ См.: А. А. Печенкин. Функции научной теории. — В кн.: Философия. Методология. Наука. М., 1972.

рые обычно только ссылаются). Теория — это структура, порождающая решения теоретических задач по подобию эталонных ситуаций. Она состоит, таким образом, из основания (фундаментальная теоретическая схема + схема редукции), из некоторого подмножества актуально решенных типовых задач и бесконечного подмножества потенциальных теоретических задач. Именно содержание этого основания остается неизменным в различных изложениях²² одной и той же теории на определенном этапе ее развития (например, различные тексты изложений ньютоновской механики как один исторически и логически законченный этап классической механики). Ясно, что развиваемый здесь подход к методологической реконструкции теории, где мы с самого начала опираемся на «затекстуальные» структуры, существенно отличается от подхода, результатом которого в логико-методологической литературе является длинный ряд различных определений научной теории как модификаций позитивистской трактовки теории «исключительно как язык для выражения верифицируемых эмпирических истин».²³

Экспансия теории (без ее переформулировки), т. е. расширение ее предметной области, происходит до тех пор, пока отождествление реальных физических объектов с конструктами фундаментальной теоретической схемы имеет смысл и результаты теории еще практически значимы. Общей основой различия основных функций, т. е. объяснения и предсказания, является наличие или построение в процессе редукции частной теоретической схемы. Как уже сказано, некоторые модельные схемы существуют самостоятельно до создания теории, и их включают в состав последней в перестроенном в необходимой мере виде, некоторые создаются в ходе этого конструирования, а остальные «выводятся» на стадии функционирования теории.

Предсказательная сила теории расширяет ее эмпирический базис. Характерно, что ассимиляция нового эмпирического материала не происходит пассивно, механически, чисто экстенсивно, а что поток новой эмпирической информации активно воздействует на теорию, требуя ее изменения. Такое воздействие является существенным каналом преемственности в развитии науки, поскольку природа и своеобразие процесса функционирования сложившейся теории активно влияют на будущие формы теоретического синтеза, на интенсивную стадию формирования будущей теории²⁴ (заимствование конструктов, новое видение

²² Важнейшее различие изложения теории в оригинальных статьях и монографиях, с одной стороны, и учебниках, с другой, заключается в том, что в первом случае основное внимание уделяется конструктам, способам их вхождения в систему и иерархической организации, соотношению конструктов и математических структур, процедуре интерпретации и т. п., а во втором случае главным образом учатся применять эту теорию.

²³ Л. М. Косарева. Предмет науки. М., 1977, с. 6.

²⁴ См.: В. С. Степин. Указ. соч., с. 280.

предмета и т. п.). Основная причина изменения теории в процессе ее функционирования состоит в следующем. Математический аппарат любой фундаментальной физической теории представляет собой не одну конкретную математическую теорию, а синтезирует методы и понятия нескольких математических теорий. Например, уже в механике применяются методы векторного анализа, дифференциального и интегрального исчисления, теории функций; уравнения ее задаются в трехмерном евклидовом пространстве. Математические методы и понятия первого изложения теории начинают меняться в результате стремления ученых к унифицированному и обобщенному представлению, потребность в котором возникает в процессе решения трудностей, появляющихся при решении новых задач старыми методами. «Чтобы выработать методы, обеспечивающие решение широкого круга таких задач, — пишет В. С. Степин, — приходится менять математические средства и развивать новые теоретические модели исследуемой реальности. В результате происходит переформулировка сложившейся теории: создается новый математический аппарат и происходит развитие ее понятийной структуры».²⁵ В качестве примера напомним, что классическую механику перестраивали несколько раз (Ньютон, Эйлер, Лагранж, Гамильтон-Якоби) в связи с применением этой фундаментальной теории к объяснению и предсказанию новых областей физики (твердое тело, сложные механические системы, сплошные среды и т. п.) и стремлением разработать эффективные, обобщенные и универсальные методы решения различных задач. Впоследствии формирование квантовой механики во многом опиралось на математические средства и понятия двух последних формулировок классической механики.

Содержательный подход к физической теории с самого начала предполагает, во-первых, четкое различие абстрактных объектов и математических средств, при помощи которых они выражаются в рамках теории. Абстрактные объекты надо исследовать как синтетические образования, которые получаются в результате пересечения абстрагированных структур экспериментальных ситуаций, с одной стороны, и извлеченных из математических теорий и адаптированных для описания физических ситуаций математических понятий — с другой. Эти абстрактные объекты в языковой структуре теории образуют ее понятийный каркас. При этом обогащение абстрактного объекта новыми признаками приводит к развитию содержания понятий; понятийный каркас теории образуется в мысленных экспериментах с абстрактными объектами, где они приводятся в систему с другими конструктами посредством чувственно-наглядных или формальных преобразований. Следовательно, процесс развертывания теоретического

---

²⁵ См.: В. С. Степин. Указ. соч., с. 280.

содержания осуществляется, по меньшей мере, двумя взаимосвязанными способами: 1) на уровне синтаксиса, путем формальных операций со знаками теоретического языка, т. е. дедуктивно (операции с физическими величинами по правилам математики); 2) на уровне содержания за счет исследования методом мысленного эксперимента корреляций объектов, объединенных в теоретические схемы, т. е. конструктивно. В зрелой теории эти два способа выведения знаний тесно переплетены и дополняют друг друга. ГД теория воспроизводит только первую сторону, а ГКД теория в органическом единстве воссоздает обе стороны развертывания знаний.

Во-вторых, ГКД подход обнаруживает, что исследуемые теорией объекты отображаются в ней при помощи иерархической системы мысленных моделей (теоретических схем). Эта двухуровневая самокорректирующая система, верхний уровень которой назван фундаментальной теоретической схемой, а нижний — частными теоретическими схемами, в статическом положении представляет собой референтную модель. В динамическом подходе прибавляются, по В. С. Степину, еще дополнительные «модели»: эмпирические схемы (под частными теоретическими схемами), модельные представления (между уровнями теоретических схем), участвующие в генезисе теории и в процессе редукции фундаментальной теоретической схемы к частным, и физическая картина мира (над и рядом с фундаментальной теоретической схемой). ГД схема не позволяет выделить в теории иерархически расположенные уровни организации конструкторов (в лучшем случае, это констатируется только внешне, а не конструктивно). Из поля зрения ГД теорий полностью ускользнула интенсивная стадия «жизни» теории, и функционирование реальных теорий воспроизводится в ней в жестких (читай: мертвых) «идеальных» схемах. Установка ГКД метода а priori является динамической, и тем самым он (метод) реализует «живой дух» материалистической диалектики. Приемы и способы формирования теоретических структур, осуществляемые «коллективным субъектом» на «стыке между картиной мира, математическим аппаратом и эмпирическим слоем знаний» диалектически сняты в результатах этой деятельности, т. е. в структуре теории, и определяют природу выполнения основных задач теории, т. е. ее функционирование. Последнее, в свою очередь, воздействует на формирование новой теории.²⁶

Структура (и диалектически связанные с ней генезис и функционирование) теории изменяются во времени, в процессе развития физической науки. Поэтому дальнейшие исследования должны показать, какую более конкретную форму примет ГКД теория

---

²⁶ В. С. Степин. Указ. соч., с. 275, 280.

как реализация «гносеологической программы»²⁷ как классической, так и современной физики.

Многое на этом пути уже достигнуто, особенно в исследовании познавательных особенностей классической физики: некоторые подходы и результаты изучения хода познания в современной теоретической науке также многообещающи.²⁸

Какова роль в теоретическом синтезе и структуре теории «элементов», относительно априорных по отношению к данной теории: «мировых константов», законов сохранения, требований симметрии для законов и объектов, универсальных вариационных принципов? Как система методологических требований (регулятивных принципов, конструктивных принципов и т. п.) направляет исследовательскую мысль? Каковы закономерности взаимодействия математики, эмпирических данных и физической картины мира, наглядных и формальных сторон знания и т. д.? Большое количество подобного рода фундаментальных проблем стоит на пути конкретизации общей идеи ГКД теории как модели знания.

В заключении можно утверждать, что ГКД теория и метод открывают методологически обширные и эвристически эффективные возможности метатеоретического воссоздания многих принципиальных, а также подчиненных, но важных сторон теоретического знания.

---

²⁷ А. Ф. Зотов. Диалектика развития науки, ее ценностные установки и познавательные схемы. — «Вопросы философии», 1976, № 1.

²⁸ Здесь мы имеем в виду прежде всего работы В. С. Степина, на которые и мы во многом опирались, а также некоторые исследования И. С. Алексеева, Л. Б. Баженова, В. П. Бранского, М. Бунге, Л. О. Вальта, П. С. Дышлевого, В. И. Кузнецова, И. В. Кузнецова, Т. Куна, А. Ф. Зотова, Е. А. Мамчур, В. С. Швырева и др.

АНТИНОМИЧНОСТЬ ПОНЯТИЯ «СИММЕТРИЯ»

Ю. В. Таммару

Интерес к антиномиям и парадоксам мышления также древен, как и сама философия. Гегель сформулировал диалектическую точку зрения на проблему антиномий следующим образом: «...всякое понятие (в гегелевском смысле, разумеется — Ю. Т.) есть единство противоположных моментов, которым можно было бы, следовательно, придать форму антиномических утверждений».¹ Истинное разрешение антиномий, по Гегелю, «...может состоять только в том, что два определения, будучи противоположными друг другу и необходимо (присущими) одному и тому же понятию, не могут быть значимы в их односторонности, каждое само по себе, а имеют свою истину лишь в их снятости, в единстве их понятия».²

Указанный Гегелем путь разрешения антиномий реализуется далеко не просто. Некоторые антиномии существовали и существуют тысячелетиями, срок немалый даже с точки зрения той же истории науки. В качестве примера можно привести известную с античных времен антиномию прерывного и непрерывного, рассмотренную также Гегелем.³ Несмотря на солидный стаж и внимание к этой антиномии известнейших философов и ученых, она до настоящего времени не может с точки зрения точных наук считаться окончательно разрешенной.⁴

В последнее время опять заметно возрастание интереса к проблеме антиномий. Это можно объяснить тем, что во многих областях современной науки достигнут или достигается предел существующих теорий. Общепризнанным же является положение

---

¹ Гегель. Наука логики. Т. 1. М., 1970, с. 263. См. также В. И. Ленин. ПСС, т. 29, с. 106.

² Гегель. Указ. соч., с. 264.

³ Там же, с. 265—275.

⁴ См., например, одну из последних публикаций на эту тему: А. И. Панченко. Континуум и физика. М., 1975.

о том, что возникновение парадоксов в теориях свидетельствует о приближении их к своему пределу.⁵

Понятно, что антиномии могут быть различной глубины и степени общности и более глубокие и общие из них требуют для своего разрешения и большего времени. Понятно, что от той или иной формы антиномичности мы можем избавиться, но полностью этого сделать невозможно. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» выражает «суть диалектики» в следующей общеизвестной формуле: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, он и всякого понятия».⁶

Представляется, что в этой цитате существенна не только неизбежность «огрубления и омертвления», но и также необходимость этого для того, чтобы «представить, выразить, смерить, изобразить» действительность в наших мыслях, в теориях, в науке. Другими словами, нам кажется, что в ленинском положении заключена мысль, согласно которой огрубление и омертвление действительности в познании не только «неприятное обстоятельство», сопутствующее познавательному процессу, но и необходимая предпосылка всякого познавательного процесса.

Мы постараемся подтвердить вышеприведенное мнение на примере антиномичности симметрии. Постараемся показать, что симметрия «заражена» антиномичностью в «самом понятии», «в чистом виде», «сама по себе», как это и требуется по Гегелю.⁷ В то же время имеются серьезные исторические и методологические основания считать симметрию одним из исходных принципов, по крайней мере, большей части современной физической науки.

Сошлемся здесь на одного из известнейших математиков XX века, знатока симметрии, для которого далеко небезынтересны были философские проблемы математики, на Германа Вейля.

Относительно точечного евклидова пространства Р. Вейль отмечал следующее: «Координаты (точки — Ю. Т.) суть объективно индивидуализированные воспроизводимые символы, тогда

⁵ См. напр.: М. Э. Омеляновский. Аксиоматика и поиск основополагающих принципов и понятий в физике. — «Вопросы философии», 1972, № 8. И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.

⁶ В. И. Ленин. ПСС, т., 29, с. 233.

⁷ Гегель. То же с. 263. Конечно, приведенные ниже рассуждения Г. Вейля о точечном евклидовом пространстве относятся не к самому понятию симметрии «в чистом виде», однако, как будет показано ниже, приведенные рассуждения сохраняют свою силу и в случае чистого понятия симметрии, как свойства объекта сохранять свою самотождественность, несмотря на производимые над ним преобразования.

как точки все одинаковы. Не существует никакого объективного отличительного свойства, с помощью которого можно было бы выделить одну точку среди всех остальных; фиксирование точки возможно только путем указательного акта, варажаемого какими словами, как «это», «здесь». Все декартовы системы отнесения одинаково допустимы; никакое объективное геометрическое свойство, которым обладает одна из них, не может не быть присутствующим и всем остальным».⁸

И далее: «Самое большее, на что мы можем надеяться, — это объективно определить класс одинаково допустимых систем отнесения так, чтобы любые две системы из этого класса были эквивалентны. Это есть проблема относительности: фиксировать объективно класс эквивалентных координатизаций и установить группу преобразований... связывающих их друг с другом».⁹

Другими словами, точки в пространстве неразличимы; различать их можно лишь соотнося с определенной системой координат. Системы координат, в свою очередь, входят в класс эквивалентных систем образующих группу (в смысле теории групп).

Приведенные здесь пространственные цитаты из работ Г. Вейля указывают на внутреннюю противоречивость, антиномичность представлений о симметричном пространстве. С одной стороны, мы видели, что отдельные точки симметричного пространства неотличимы друг от друга. Единственная возможность их отличить (поскольку мы все же предполагаем, что это различные точки) — это соотносить их с определенной системой координат. Но подробное решение не является окончательным. Системы соотнесения оказываются неразличимыми, точнее, существует класс эквивалентных систем координат. Различать указанные системы соотнесения мы можем лишь «привязывая» их к каким-либо объектам в непустом пространстве. Пространство, в совокупности с находящимися в нем объектами, уже не является симметричным или же предполагается симметричным лишь приближенно, при некоторых допущениях.

Рассуждения Г. Вейля о точечном евклидовом пространстве применимы к любому абстрактному объекту, обладающему симметрией. Симметричный объект противоречив. В нем нет внутренних оснований для различения симметричных элементов. Возможность различения возникает в том случае, если симметричный объект входит в качестве элемента в некоторую систему. В этом случае различение возможно по отношению к внешним объектам.

Но с точки зрения антиномичности нас интересуют именно универсальные, бесконечные объекты. Положения о свойствах таких универсальных объектов не могут быть обоснованы в пре-

⁸ Г. Вейль. Классические группы, их инварианты и представления. М., 1947, с. 29.

⁹ То же, с. 31.

делах самой теории и, как правило, выступают в качестве предпосылки исследования.¹⁰ Достижение теорией своих пределов, симптомом чего может быть выявление антиномий, в первую очередь указывает на то, что мы достигли пределов применения предпосылок теории.

Таким образом, представление о реальном симметричном объекте оказывается чреватым антиномичностью.¹¹ Действительно, подходя к рассмотрению симметричного объекта с точки зрения категорий — вещь (субстанция), свойство и отношение, — оказывается, что его нельзя, не впадая в противоречие, отнести ни к одной из трех указанных рубрик.

В симметричной вещи нет внутренних оснований для различения симметричных элементов, они тождественны, поскольку объект описывается определенной группой симметрии, тождественны не в каком-либо относительном смысле, а абсолютно, так как наши представления о внутренней структуре такого (разумеется, абстрактного) объекта сводятся к представлениям об его симметрии. Таким образом, возникает противоречивая ситуация существования неразличимых, одинаковых, тождественных, но все же различных, разных, несовпадающих элементов.

Может возникнуть естественный вопрос: почему, собственно, такую ситуацию считать антиномичной, противоречивой? Разве мало в действительности тождественных, идентичных и все же разных объектов? Однояйцевые близнецы, микроорганизмы одного штамма и, наконец, «элементарные» частицы одного рода. Однако относительно объектов в двух первых примерах мы знаем или предполагаем, что одинаковость их приближительна, неабсолютна, а «элементарные» частицы различаются по их состояниям, предполагается отсутствие у них «индивидуальности».

Если речь идет о математическом объекте, то можно согласиться с тем, что противоречия тут нет, поскольку «разные» и «различные» как предикаты неидентичны. Однако другое дело, если объект предполагается реальным. С материалистических позиций мы можем «предъявить» к такому объекту определенные гносеологические требования.

Представим себе, что с нашим объектом происходят какие-либо изменения, описываемые его преобразованиями симметрии.

---

¹⁰ А. М. Мостепаненко. Топологические свойства пространства и времени и телеологический аргумент. — Логика и методология науки. Философские вопросы естествознания. (Тезисы) М., 1973.

¹¹ Последующие рассуждения неприменимы к абстрактным математическим объектам, а лишь к таким, относительно которых предполагается (с точки зрения какой-либо науки), что они существуют в действительности. Необходимо согласиться с М. А. Кисселем, что «экспериментально-теоретическое естествознание обладает собственной логико-методологической структурой, отнюдь не тождественной ни математике, ни философии.» М. А. Киссель. Судьба старой дилеммы. М., 1974.

В таком случае результат движения, процесса, по определению симметрии, ненаблюдаем, принципиально нефиксируем. Конечное состояние ни чем не должно отличаться от начального. В то же время мы исходим из положения о принципиальной наблюдаемости всех процессов и их результатов. Противоречие налицо.

Аналогичная ситуация возникает в случае, если идеально симметричный объект мыслится как объект приложения практической деятельности. (Случай с Буридановым ослом — элементарный пример подобного положения). Для выбора «точки» приложения действия нет оснований в самом объекте — все симметричные элементы равноправны.

С онтологической точки зрения симметричный объект — это такой объект, в котором ничего не может произойти. Это свойство симметричности отмечалось как древними, так и современными авторами. Аристотель видит в указанном обстоятельстве аргумент против существования пустоты. Раз в пустоте все точки равноправны (пустота обладает максимально возможной симметрией), то нет основания для того, что раз приведенное в движение тело «где-нибудь остановится, ибо почему оно скорее остановится здесь, а не там».¹²

В этом плане законы сохранения являются естественным следствием симметрии, что и является одним из основных положений современной физики. Но физика не ограничивается рассмотрением лишь симметрии и сохранения. Если бы дело обстояло так, то физика описывала бы «мир», в котором ничего не происходит, где все сохраняется, все пребывает в вечном покое. Такие «знания» были бы ни к чему не применимы.

Из всего вышеизложенного можно было бы сделать вывод, что симметричный объект нельзя рассматривать как самостоятельный существующий, как вещь, как нечто субстанциональное, а следует описывать его в категориях свойства или отношения.

Именно так рассуждал в свое время Лейбниц. Если симметричное евклидово пространство не может быть рассматриваемо как самостоятельная сущность, субстанционально, то его следует рассматривать как систему отношений между материальными вещами.¹³ Рассуждая в системе понятий вещь, свойство, отношение и применяя закон исключенного третьего, такой вывод представляется вполне закономерным. Поэтому если признавать правильными аргументы против субстанциональности пространства и времени, то кажется, что нет необходимости проверять реляционное предствление о пространстве и времени на соответствие принципам научного метода. А между тем оказывается, что

---

¹² Аристотель. Физика. М., 1936, с. 70—71, 215^a. Разумеется, это не основной и не главный аргумент Аристотеля. Аристотель усматривает противоречие во взглядах, «утверждающих существование пустоты».

¹³ Т. н. реляционная концепция пространства (см. Философия естествознания. М., 1966, с. 137).

евклидово пространство и однородное время, именно ввиду их симметричности, нельзя рассматривать как систему свойств или отношений. Мир состоит из различных объектов, а пространство и время во всем, везде и всегда одинаковы, независимо от того, что в них находится, или отношениями между чем и чем они, по определению, должны являться. Возникает парадоксальная ситуация абсолютно независимых от вещей отношений. Правда, здесь пока речь идет об отношениях, которые не зависят от вещей по своему характеру, по своим свойствам, а не в своем существовании. Но и при такой независимости совершенно необъяснимой остается связь вещей и отношений. Указанных парадоксов в случае реляционной концепции пространства можно бы избежать, если предположить, что пространство и время характеризуют отношения внутри некоторого единообразного, однородного фундамента материи. Однако такое решение означало бы лишь перенесение противоречия в другую область. Образование мира макроскопических объектов с его видимым разнообразием из подобного однообразного фундамента было бы в свою очередь противоречием.

Мы видели, что симметрия — противоречивое понятие, включает в себя противоречие неразличимости, тождественности различных элементов. При такой формулировке явно просматривается искажающий характер абстракции симметрии; понимая в качестве тождественных различные элементы, мы тем самым неявно предполагаем их нетождественность — иначе нельзя было бы их различать, приписывать им различные координаты и т. д. Однако в понятии симметрии мы абстрагируемся от этой нетождественности. Возможно выразить эту мысль иначе: противоречивость симметрии заключается в том, что она в качестве своего основания предполагает асимметрию.

Мы видели также, что универсальный объект (пространство, поле и т. п.) нельзя рассматривать ни субстанционально, ни реляционно. Обе точки зрения одинаково хорошо доказываются и опровергаются. Налицо антиномия, аналогичная по своей структуре антиномиям Канта и даже родственная первой антиномии чистого разума.

Гегель, конечно, прав, критикуя Канта и утверждая, что для обнаружения антиномии достаточно чистого понятия (разумеется, добавим, когда оно уже имеется в наличии, сформулировано или, по крайней мере, может быть сформулировано). Думается, что Кант не без основания «брал антиномию не в самих понятиях, а в уже конкретной форме космологических определений».¹⁴ Антиномии Кантом не придуманы для подтверждения своих взглядов. Эти антиномичные положения

---

¹⁴ Гегель. То же, с. 263.

уже были высказаны в истории мысли и науки, Кант же записал рядом эти положения и их доказательства.¹⁵

И недостаточно только сказать и доказать, что истинное разрешение антиномий в снятости, в единстве противоположных определений, но надо и показать как это сделать. И показать это не только в области чистых понятий, а и в области конкретной науки и, в частности, «в конкретной форме космологических определений».¹⁶

В области конкретных знаний мы не можем избавиться от антиномий, лишь указав на единство противоречивых сторон, тем более, что не всегда существует необходимость избавляться от антиномий, даже когда они выявлены. Так например, антиномичность классических представлений о пространстве и времени была выявлена в споре Г. Лейбница и С. Кларка за два столетия до того, как появилась необходимость и возможность от этих представлений отказаться.

История науки показывает, что отказ от тех или иных симметрий происходит не ввиду их антиномичности, а под давлением, в первую очередь, эмпирических данных, не согласующихся с существующими теоретическими схемами. Причем развитие теорий происходит не путем отбрасывания симметрий вообще, а путем перехода от одной симметрии к другой, как правило, более общей, сохраняя тем самым антиномичность.

В то же время работы целого ряда авторов¹⁷ убедительно показывают, что симметрия и связанные с ней относительность и инвариантность являются необходимыми атрибутами научного описания мира по крайней мере на ее современном этапе и по крайней мере в точных науках. Авторы указанных работ показывают, что принципы симметрии в физических теориях есть необходимая предпосылка для проведения измерений (Ю. В. Новожилов, Н. П. Коноплева и В. Н. Попов), физических экспериментов (В. А. Фок), формулировки физических теорий и законов в них (Е. Вигнер и Н. Нötz), т. е. они неизбежны как

---

¹⁵ Совсем другой вопрос, это вопрос о том, можно ли это сделать лучше, но в реальной науке, в ее истории антиномии существуют именно в конкретной форме.

¹⁶ Такое разрешение антиномий характерно для классиков марксизма. См. напр., анализ решения некоторых антиномий в работах И. С. Нарского: *Диалектическое противоречие и логика познания*. М., 1969; *Проблема противоречия в диалектической логике*. М., 1969.

¹⁷ Новожилов Ю. В. Роль понятия симметрии в современной физике. — В кн.: *Философские вопросы физики*. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1974; Коноплева Н. П., Попов В. Н. *Калибровочные поля*. М., 1972; Фок В. А. *Теория Эйнштейна и физическая относительность*. М., 1967; Шубников А. В., Копчик В. А. *Симметрия в науке и искусстве*. М., 1972; Вигнер Е. *Этюды о симметрии*. М., 1971; Павлов В. Г. *Логические функции категорий пространства и времени*. Киев, 1966; Н. Нötz. *Materiestruktur*. Berlin, 1971, S. 339, 364—365.

на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях физического знания. Эта неизбежность есть следствие необходимости сравнивать между собой результаты измерений и экспериментов, трансформировать законы из одной системы в другую, т. е. следует из требования универсальности и интерсубъективности научного знания.

Вышесказанное, конечно, не означает, что симметрию, инвариантность, относительность следует понимать лишь как отражение в науке требований научного метода, носящее субъективный характер. Несомненно, симметрии в теориях имеют референтов в объективном мире. Эти референты могут быть определены на языке философских категорий, как относительная самостоятельность, независимость явлений друг от друга, свойств и отношений от их носителей и т. п. В научных же теориях, основанных на измерениях и формулирующих универсальные законы для какой-либо области или среза действительности, эта относительная самостоятельность и независимость отражается в форме абсолютной симметрии.¹⁸

---

¹⁸ Это, конечно, не значит, что любая симметрия в научной теории должна носить характер абсолютной, неограниченной.

К ПРОБЛЕМЕ ИСТИНЫ В «ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ» ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Ю. Матьюс

Просматривая некоторые исследования, посвященные возникновению и дальнейшему развитию феноменологии и феноменологической философии Э. Гуссерля, можно заметить, что отношение к пониманию Э. Гуссерлем истины, изложенному в «Прологоменах к чистой логике», т. е. в I томе «Логических исследований», в них отнюдь не одинаково. Так, например, одни исследователи (Н. Мотрошилова¹ и др.) в своих трудах постоянно занимаются этой первоначальной концепцией истины, уделяя ей сравнительно много внимания, другие (Г. Сульженко² и др.), занимаясь «проблемой истины» вообще, привлекают как ранние, так и более поздние исследования Э. Гуссерля, третьи же (Э. Тугендхат³ и др.), даже специально занимаясь упомянутой проблемой у Э. Гуссерля, спокойно проходят мимо концепции истины, изложенной в «Прологоменах...».

Таким образом, возникает вопрос о том, чем объясняется такое, в самом корне различное отношение к пониманию Э. Гуссерлем истины в «Прологоменах...». Для того, чтобы получить более или менее удовлетворительный ответ на возникший вопрос, очевидно, следует хотя бы кратко рассмотреть упомянутую концепцию истины.

Известно, что в «Логических исследованиях» Э. Гуссерль изучал проблему сущности и существования логики, и одним из вопросов, нуждающихся в обоснованном однозначном ответе, стал следующий: «Является ли она (т. е. логика — Ю. М.) независимой от других наук, и в частности от психологии или

¹ Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии. М., 1968; она же. Феноменология. — В кн.: Современная буржуазная философия. М., 1972, с. 461—510.

² Г. Д. Сульженко, Истина и критерий истины в феноменологии. В сб.: — Практика — критерий истины в науке. М., 1960, с. 419—443.

³ E. Tugendhat. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger, Berlin, 1967.

метафизики?»⁴ Таким образом, фундаментальным, по существу, является вопрос о взаимоотношении логики и психологии. Э. Гуссерль сознательно, целеустремленно выступает против психологизации логики, очень распространенной (Милль, Спенсер, Вундт, Байн, Липпс, Зигварт, Эрдманн и др.) в XIX веке. На многих страницах «Прологоменов к чистой логике» он доказывает не только возможность чистой логики как науки, но прежде всего экзистенциальную необходимость чистой логики в самой себе, как логики, основанной лишь на самой себе, частным проявлением которой оказывается человеческая логика — логика как «практика» и как теория. В этой борьбе против психологизации логики вместе с проблемой о не- и сверхпсихичности законов логики возникает также проблема о не- и сверхпсихичности истины. И Э. Гуссерль совершенно логично, в полном согласии со своей концепцией, чистой от всякой психичности, логики, обосновывает соответствующую концепцию истины.

Прежде всего следует сказать, что эта концепция, изложенная в «Прологоменах...», не имеет для Э. Гуссерля самостоятельного значения, она действительно порождена и развита лишь в связи с обоснованием чистой логики — как необходимое побочное явление. Потому она также нигде не изложена сразу целиком и полностью, а как будто развивается по внешней надобности, складывается как мозаичная картина, хотя очертания ее проступают с самого начала.

Сперва речь идет о некотором *царстве истины* (*Reich der Wahrheit*)⁵, далее мы узнаем, что это царство истины *делится на области*⁶ — следовательно, истин много. Действительно, далее прямо утверждается, что существуют *бесконечные разнообразия*⁷ истин, которые, в свою очередь, делятся на *естественные провинции*⁸, точнее на *низшие и высшие регионы царства истины*⁹, т. е. «... царство истины не является неупорядоченным хаосом, в нем царит единство законности; и потому должно также изучение и представление истин быть систематическим...»¹⁰ Тем самым Э. Гуссерль четко подчеркивает идею объективности истины в отношении человеческого общества, подразумевающую уже словосочетанием *царство истины*: систематичность, системность изучения истин предписывается самой системой истин.

---

⁴ E. Husserl. Logische Untersuchungen, I Bd.: Prolegomena zur reinen Logik, 2., umgearbeitete Auflage, Halle a. d. S., 1913, S. 7. Далее: E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik.

⁵ Там же, S. 5, 15, 25 и др.

⁶ Там же, S. 5.

⁷ Там же, S. 16.

⁸ Там же, S. 25.

⁹ Там же, S. 15.

¹⁰ Там же.

Далее об объективности истины говорится более подчеркнуто, говорится с новым ударением как о самой истине (*Wahrheit selbst*)¹¹. Если иметь в виду то обстоятельство, что бесконечные сферы истин различаются между собой «спецификой» с своей истины, то Э. Гуссерль может утверждать по отношению к каждой из них: «Существует одна и единственная истина, которая исключает любую инообразную возможность и сохраняется в качестве разумно познанной законности, чистой от всех фактов как по содержанию, так и по основанию».¹² Э. Гуссерль имеет здесь в виду проявление истины (*разумно познанная законность*), т. е. человеческую логику, но в ее чистой форме. Ее «сохранение» в качестве познанной законности по отношению людей несколько не подрывает ее самостоятельности, независимости, автономности, подлинности, т. е. абсолютности. «Никакая истина не есть факт, т. е. нечто определенное во времени. Истина, правда, может иметь то значение, что вещь существует, состояние имеется налицо, изменение совершается и т. п. Но сама истина выше временного, т. е. не имеет смысла приписывать ей временное бытие, возникновение и уничтожение».¹³ Истиной называется идеально, т. е. вне времени, существующее единство (и единица¹⁴) значения, которое на человеческом языке представляется как, например, логический закон, облеченный в словесную форму. Т. е. «содержание» логического закона, всегда действительное в человеческой (а, полагается, и в возможной другой) практике, т. е. всегда имеющее одно и единственное значение, и есть истина. Идеальным законам логики время чуждо.¹⁵ Истина — это мыслимая возможность значения, но такая возможность, для которой эта возможность и есть действительность, т. е. возможность, которая имеет свое фундаментальное (действительное, настоящее, истинное) бытие независимо от того, открывается она или не открывается человеку. Она в своей возможности действительности всегда, на все времена, т. е. вневременна, значима. Э. Гуссерль выражает это ее фундаментальное свойство словом *gelten*, т. е. *значить, иметь значение, иметь силу, иметь действие, быть действительным, быть в действии, действовать* и т. п. Таким образом, истина значит, истина действительна (*Wahrheit gilt*), но действительна она в возможности.

И здесь мы сталкиваемся с новыми проблемами. Некоторые исследователи, особенно те, которые сразу откликнулись на первые произведения Э. Гуссерля, считают, что Э. Гуссерль в них, во всяком случае в «Прологеменах к чистой логике», стоит на пла-

¹¹ E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. 63, 87 и др.

¹² Там же, S. 73.

¹³ Там же, S. 76—77.

¹⁴ Немецкое слово *Einheit* включает в себе как значение *единство*, так и *единица*. Следовательно, *Geltungseinheit* переводится как *единство значения*, так и *единица значения*. См. также примечание 36.

¹⁵ См.: E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. 76

тонистских позициях. Так, например, П. Наторп в своей рецензии «К вопросу о логическом методе» (1901), ссылаясь на понимание Э. Гуссерлем истины, в отличие от психологических толкований, пишет: «Она скорее «идея» (вполне в платоновском смысле стр. 129)»¹⁶. Но в современных марксистских исследованиях указывается, что собственная ориентация Э. Гуссерля весьма отлична от ориентации абсолютного идеализма, что Э. Гуссерль в некотором смысле попадает в противоречивое положение.¹⁷ На наш взгляд, это не совсем правомерно, во всяком случае в отношении «Прологоменов к чистой логике», на которых основана вся аргументация приведенных возражений.

В «Прологоменах...» Э. Гуссерль впервые вводит понятие *очевидности* (*Evidenz*) следующим образом: «В актуальном знании, к которому в конечном счете должно быть сведено все знание, мы обладаем истиной как объектом правильного суждения. Но одного этого недостаточно, ибо не каждое правильное суждение, не каждое, согласное с истиной утверждение или отрицание фактического отношения есть знание о бытии или небытии этого отношения. Напротив, если речь идет о знании в самом тесном и строгом смысле, то для него нужна очевидность, ясная уверенность, что то, что мы признали, есть на самом деле, и что того, что мы отвергли, — не существует».¹⁸ В связи с этим возникает вопрос, правомерно ли сделать на основе приведенного отрывка следующий вывод: «Итак, истина есть 1) объект суждения и одновременно 2) чувство очевидности, уверенности в правильности высказанного утверждения».¹⁹ На наш взгляд, вывод этот как по тексту, так и по всему контексту «не выводится». То, что относится к познанию истины, может не относиться к самой истине. Ибо, хотя истина может быть «объектом правильного суждения», она все же не в нем, не в суждении заключается, а с ним только «согласуется». «Очевидность, ясная уверенность» требуется истинным знанием, а не истиной. Нельзя отождествлять истину с познанием, узнаванием, знанием истины, с процессом восхождения к истине, для которых, по «Прологоменам...», действительно нужна «очевидность», ясная уверенность». Она нужна для уверен-

¹⁶ P. Natorp. Zur Frage der logischen Methode. Mit Beziehung auf Edmund Husserls «Prolegomena zur reinen Logik», S. 6. — In: «Husserl», Darmstadt, 1973, S. 1—15. Первая публикация: Kant-Studien 6 (1901), S. 270—283. Примечательно, что В. А. Штофф и Л. А. Микешина в ст. «Проблема истины в качестве примера объективно-идеалистической концепции истины приводят гуссерлевскую из «Прологоменов к чистой логике» (см. «Философские науки», 1976, № 2, с. 131).

¹⁷ См.: Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии, с. 37 и сл.; она же, Феноменология, с. 475 и сл.

¹⁸ E. Husserl, Prolegomena zur reinen Logik, s. 12—13.

¹⁹ Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии, с. 38.

ности, убежденности в том, что нам действительно дана истина, но она (не еще в «Прологоменах...») не присваивается Э. Гуссерлем самой истине. Истина в своем бытии, в своем существовании, следовательно, и в своей сущности не есть результат познания истины. Познание, тем более узнавание истины не отождествляется с самой истиной. Понятие очевидности у Э. Гуссерля здесь еще тесно связано с понятием переживания истины. Но истина по своей сущности и по своему существованию не связана с переживанием. Данность истины также не отождествляется с самой истиной. Она, по представленной концепции Э. Гуссерля, энтитет совсем другого порядка. Фундаментальные качества истины по этой концепции (впоследствии отвергнутой Э. Гуссерлем) существенно другие. Очевидность в «Прологоменах...» еще очевидность для человека, для отдельного познающего человека — об этом говорит весь контекст. Очевидность «сопровождает» переживание истины как идеальной, а совершается этот процесс все же в «реальных актах» отдельных индивидуальных и конкретных людей. Или другими словами: очевидность есть способ временного «существования» идеального в реальном, в психическом и т. п. «Совершеннейшим признаком правильности (суждения об истине — Ю. М.) является очевидность, она дается нам как непосредственное осознание самой истины»,²⁰ — повторяет Э. Гуссерль. Некоторые исследователи также подчеркивают существенную разницу в статусах истины и очевидности. «В «Логических исследованиях» Гуссерль приходит к выводу, что критерием истины является очевидность».²¹ «Понимание очевидности как чувства, функционирующего в качестве «критерия истины»..., основывается на понимании истины как чего-то трансцендентного по отношению к сознанию»,²² — утверждает Э. Тугендхат. Наилучшим образом подводит свои взгляды сам Э. Гуссерль: «Мы отрицаем, будто чисто логические предложения сами хоть сколько-нибудь способны высказаться об очевидности и ее условиях. Мы уверены в возможности показать, что этого отношения с переживаниями очевидности они (чисто логические предложения — Ю. М.) могут добиться только путем употребления, превращения...».²³

На наш взгляд, в «Прологоменах к чистой логике» у Э. Гуссерля речь вообще идет еще о двух рядах разных явлений, с одной стороны, о не- и сверхвременных идеальных энтитетах логики, включая истину, с другой стороны, о временных энтитетах переживания, включая очевидность.

²⁰ E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. 13.

²¹ Г. Д. Сульженко. Истина и критерий истины в феноменологии, с. 425.

²² E. Tugendhat. Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger, S. 102.

²³ E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. 183.

Первые (истины) могут быть даны во вторых (переживания), и тогда они характеризуются очевидностью. Ведь Э. Гуссерль сам утверждает: «Истина относится к очевидности, подобно тому как бытие чего-либо индивидуального относится к его адекватному восприятию».²⁴ Здесь, в общем контексте борьбы против психологического толкования логики, эти ряды еще резко противопоставляются, их будущая связь, столь значительная в самой феноменологии, только прощупывается, но она отнюдь еще не такая, чтобы дать возможность для отождествления этих двух рядов. На наш взгляд, Н. Мотрошилова это очень хорошо показывает, когда подчеркивает, что Э. Гуссерль, сам этого не подозревая, по-существу вступил в проблемную сферу «восприятия готового знания»²⁵, т. е. в сферу социологии познания, где нельзя не предположить идеального бытия истин²⁶ в описанном выше смысле. Можно, пожалуй, даже утверждать, что именно с точки зрения «социологии познания» Э. Гуссерль не мог отождествлять истину (как готовую истину) с очевидностью ее в переживании.

Далее утверждается: «При этом Гуссерль часто оговаривается, что он вовсе не имеет в виду чисто субъективную, «психологическую» очевидность, но такую, которая зависит от некоторых «идеальных условий».²⁷ Э. Гуссерль действительно оговаривает, что очевидность, по его пониманию, не является «психическим характером»²⁸, потому что ее существенным предусловием является только истина.²⁹ Но, на наш взгляд, этой понятной оговоркой Э. Гуссерля неправомерно обосновывается тенденция «обратного» сведения гуссерлевской очевидности к некоторой «очевидности в себе». Не обнаруживается ли здесь, по существу, та самая тенденция отождествления истины с «чувством очевидности», только в обратном направлении: в виде сведения очевидности к истине? Если просмотреть то место (ссылка дана при главе «Феноменология»³⁰), где Э. Гуссерль говорит об «идеальных условиях», то можно убедиться, что 1) эти «идеальные условия» происходят из идеальности переживаемого, воспринимаемого, т. е. также из идеальности истины, 2) они все же связаны с той очевидностью, которая сопровождает суждение об истине как идеальной, а совершается процесс суждения в «реальном акте» психического человека, а 3) связь эта такого же типа, как связь

²⁴ См.: Г. Д. Сульженко. Истина и критерий истины в феноменологии, с. 425.

²⁵ См.: Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии, с. 39.

²⁶ См. там же, с. 40.

²⁷ Там же, с. 38.

²⁸ E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. 189—190.

²⁹ См. там же, S. 191.

³⁰ См.: Н. В. Мотрошилова. Феноменология, с. 475.

истины с суждением об истине, т. е. для очевидности истины истина («идеальное условие») нужна, но для существования истины в самой себе никакая очевидность еще не нужна. Я хочу сказать, что в «Прологоменах...» между «идеальными условиями» и очевидностью не существует такой необходимой взаимосвязи, позволяющей возвести очевидность к противоречивой «очевидности в себе». Упомянутый Э. Тугендхат пишет прямо, что это «идеальное условие» есть «соответствующая истина»³¹, но — прибавляем мы — не в самой себе, а как данная в «реальном акте». Вообще нельзя забывать о том, что в «Прологоменах...» Э. Гуссерль уже различает между идеальными (сами истины) и естественными, или психологическими (концентрация интереса, духовная свежесть, навыки и т. п.³²), условиями очевидности, или эвиденции. Не стоит смешивать то обстоятельство, что очевидность «переживания» истины, суждения об истине, всегда совершается в чисто человеческих операциях, с существенной проблемой об идеальных и реальных условиях совершения этой очевидности, с проблемой условий происхождения очевидности. «Скорее всего очевидность не является ничем другим, как «переживанием» истины. Переживается истина, естественно, ни в каком другом смысле как вообще нечто идеальное может существовать в реальном акте переживания. Другими словами: истина есть идея, единичный случай которой в очевидном суждении является отдельным переживанием».³³ Понятно, что очевидность «реальных актов переживания», «случаев» зависит только от того, открывается в них истина как идеальная сущность, — или нет. Именно ее присутствие является фундаментальным условием, «идеальным условием» очевидности суждения. В отношении очевидности истина первична. Возможность очевидности исходит от истины, но очевидность не есть свойство истины а свойство переживания истины, более того — в «Прологоменах...» она означает и свойство «единичного случая» переживания истины, которая сама, как идеальная, в ней не нуждается. Если нет истины, нет и очевидности, но если нет очевидности, это не значит еще, что также нет соответствующей истины. Могут ведь быть не исполнены «естественные», или «психологические» условия очевидности, а истина от них не зависит. Очевидность — присутствие истины в переживании, но чтобы «доводить» истину до присутствия, следует учитывать не только онтологические «идеальные» условия.

Исходя из сказанного, можно, следовательно, также спорить с мнением, будто Э. Гуссерль уже в «Прологоменах...» говорит

---

³¹ E. Tugendhat, Der Wahrheitsbegriff bei Husserl und Heidegger, S. 102.

³³ Там же, S. 190.

о сфере некоторой «очевидности в себе»³⁴, о «ничьей» очевидности».³⁵ В «Прологеменах...» четко вырисовывается первоначальное понятие очевидности, заключающееся в переживании идеальной, сверхвременной истины, в конечном счете, единичным психическим человеком. Здесь еще нет такой «абсурдности» как «ничья очевидность». Она, правда, появляется у Э. Гуссерля позднее, но тогда он также отказывается от описанной нами первоначальной концепции истины (названной П. Наторпом платоновской). После этого, действительно, может появиться и «ничья очевидность», «очевидность в себе», но тогда она уже не окажется, на наш взгляд, разительным противоречием, а понятием, органично входящим в саму суть концепции интенциональности, т. е. также в суть феноменологии и феноменологической философии. Разумеется, с точки зрения философии субъекта ~ ~ объекта, т. е. также с точки зрения марксистской философии, упомянутая «идея» действительно абсурдна, но в самой феноменологии, претендующей на снятие противоречия субъекта ~ ~ объекта, она представляет «абсурдность», *sine qua non*. Но в «Прологеменах...» всего этого еще нет. Таким образом, когда эта «абсурдность» появляется, тогда уже нет той концепции истины, на основе которой она могла бы оказаться абсурдной, следовательно, и абсурдности нет.

Вернемся сейчас еще к квалификации концепции истины, изложенной в «Прологеменах...», как платоновской. Прав ли П. Наторп? В некотором смысле — да; в некотором — нет. Изучая описанную концепцию, мы убедились, что Э. Гуссерль настаивает на своего рода теории значимости истины. Истина как будто всегда готова «реализоваться» в единичных случаях человеческой (или возможной другой) практики, что объясняется тем, что истина существует вне и сверх времени, т. е. истина всегда есть, или — другими словами — истина всегда истинна. Далее — истина у Э. Гуссерля в «Прологеменах...» никак не определяется пространственно: «Каждая истина сама по себе остается такою, какова она есть, сохраняет свое идеальное бытие. Она не находится «где-то в пустом пространстве», а есть единство значения в надвременном царстве истины. Она принадлежит к области абсолютно обязательного...».³⁶ Именно в этих смыслах³⁷ истина в «Прологеменах...» отличается от

³⁴ Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии, с. 38.

³⁵ Там же, с. 39.

³⁶ E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. 130. Заметим, что выражения *Geltungseinheit* (единство значения) и *absolut Geltende* (абсолютно обязательное) в русском издании «Прологеменов...» (1909) переводятся по единому принципу, что в некотором смысле затемняет внутреннее единство приведенного отрывка.

³⁷ См. о том также: Н. В. Мотрошилова. Принципы и противоречия феноменологической философии, с. 39—40.

платоновской. Подчеркивая такую непространственную трансцендентность истины в отношении сознания, Э. Гуссерль в дальнейшем может без особых трудностей перейти к собственно феноменологической концепции истины. Именно потому он еще в 1913 году счел возможным издать вторично «Прологомены к чистой логике», не изменяя концепцию истины, хотя последняя, конечно, целиком и полностью еще до феноменологическая. «Разумеется, некоторые, отчасти очень существенные недостатки — как слишком односторонне по *vérités du raison*³⁸ ориентированное понятие «истины в самой себе» — должны были как принадлежащие к единому уровню труда, оставаться».³⁹ Этой существенной до феноменологичностью концепции истины в «Прологоменах...» объясняется, на наш взгляд, также то обстоятельство, что некоторые исследователи (например, Э. Тугендхат), даже специально изучая развитие гуссерлевской концепции истины, почти что молчаливо обходят «Прологомены...». Нельзя ли также утверждать, что из-за обращения основного внимания на первоначальную, в дальнейшем снятую концепцию у нас, по существу, остается в стороне собственно феноменологическая, довольно сложная, богатая, глубокая концепция истины, в которой, по меньшей мере, можно различать четыре определения истины? Уже эта возможность должна предупредить нас о том, что чрезмерно увлекаясь до феноменологической концепцией истины или даже некоторой гуссерлевской концепцией истины «вообще», и в то же время оставляя в тени саму феноменологическую концепцию истины со всеми ее содержательными проблемами, мы легко можем дело Э. Гуссерля или вообще не понять, или понять превратно. «Прологомены...» по своему замыслу критические, конструктивность, позитивность феноменологической программы еще только намечается. Понимание истины также отчетливо носит на себе противопсихологические следы, истина трансцендентна, но далеко еще не во всех отношениях трансцендентальна. Концепция эта как бы стартовая площадка, вполне годная для программы «чистой логики», но годная для программы «чистой феноменологии» только после фундаментальной реконструкции, которая началась с VI главы «Логических исследований».

---

³⁸ См. о них: Г. Г. Майоров. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. М., 1973, с. 193—194.

³⁹ E. Husserl. Prolegomena zur reinen Logik, S. XII—XIII.

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОТНОШЕНИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Б. И. Чумаков

В последние десятилетия логика обогатилась целым рядом теорий, представляющих практический интерес для многих гуманитарных дисциплин. К таким теориям относятся: деонтическая логика, логика оценок, логика действий, логическая теория человеческого взаимодействия, логика изменения (времени), логика знаний и логика убеждений. Понятия «обязательно», «запрещено», «лучше», «плохо», «добро», «воздействует», «реализует», «требует», «хочет», «знает», «сомневается», «стремится» и другие, являющиеся объектами изучения в перечисленных теориях, существенным образом входят в концептуальный аппарат политической экономии, социологии, права, этики, психологии. Знание логических законов, которым подчиняются данные понятия, необходимо при глубоком изучении механизма рассуждения в использующих их науках, оно имеет важное значение для систематизации и совершенствования этих наук. Использование новейших логических теорий открывает возможности для более корректных определений основных понятий ряда гуманитарных дисциплин, для более точных формулировок некоторых их принципов, а также стимулирует процесс совершенствования языка этих дисциплин, процесс развития их понятийного аппарата.

Однако вплоть до недавнего времени даже наиболее развитые из указанных теорий, такие, например, как логика норм, не имели (за редкими исключениями) приложений для анализа реально встречающихся в науках рассуждений. Практическая ценность этих теорий, возможность их прикладного использования, нередко подвергалась сомнению. Отсутствие практического интереса к этим логическим системам объясняется, отчасти, чрезмерной абстрактностью большинства из них. Например, анализ логических связей норм в деонтической логике чаще всего сводится к рассмотрению отношений между терминами «обязательно», «разрешено», «запрещено». При этом без внимания

остаются все другие понятия, входящие в структуру норм и подчас существенно определяющие их логическое поведение.

В последние годы появились работы, тенденцией которых является конструирование более содержательных систем, выразительные средства которых способны представить новые логические связи, учитывающие целый ряд компонентов структуры норм и оценок. Расширение языка стандартной логики оценок средствами временной логики и логической теории причинных отношений позволило построить достаточно конкретную логическую концепцию утилитарных оценок, учитывающую существенные компоненты в структуре аксиологических высказываний.¹ Обогащение логики норм средствами логики действия, времени и логической теории человеческого взаимодействия позволяет строить формальные модели, принимающие во внимание деятельный характер поступков, а также тот факт, что нормативный закон представляет связь двух или более субъектов.² Было сделано несколько попыток прикладного использования имеющихся «логик» для реконструкции достаточно сложных фрагментов рассуждений.³

В настоящей статье предпринята попытка дальнейшего продвижения в русле указанной тенденции. В § 1 и § 2 мы строим формализм для описания структурных характеристик отношений ответственности. Основу этого формализма составляет система логики человеческого взаимодействия, над которой надстраивается деонтическая система. Наша логика взаимодействия отличается от аналогичной системы А. А. Ивина, описывающей логику юридических взаимодействий, более общим характером: она является моделью всех типов взаимодействий, или контактов между людьми. В § 3 указываются возможные приложения данного формализма для моделирования различных сложных форм ответственности.

Представленная здесь логическая модель отношений ответственности была использована практически в конкретных социо-

---

¹ Ивин А. А. Основания логики оценок. Изд-во МГУ, 1970.

² Ивин А. А. Человеческое взаимодействие и логика норм. — «Вестник Московского университета. Философия», 1971, № 5; Ивин А. А. Логика норм. Изд-во МГУ, 1973; Чумаков Б. И. Принципы нравственности на языке логики. — «Вестник Московского университета. Философия», 1974, № 5.

³ Примеры прикладного использования модальных систем на материале практических текстов (моральных и правовых) даны в: Ивин А. А. Человеческое взаимодействие и логика норм. «Вестник Московского университета. Философия», 1971, № 5; Ивин А. А. Логика норм. Изд-во МГУ, 1973; Чумаков Б. И. Принципы нравственности на языке логики. «Вестник Московского университета. Философия», 1974, № 5; Чумаков Б. И. О логической структуре принципов справедливости. — В сб.: Исследования по логике и методологии науки. Изд-во МГУ, 1976; Wright C. H. von. An essay in deontic logic and the general theory of action. Amsterdam, 1968; Wright C. H. von. Explanation and Understanding. London—New York, 1971.

логических исследованиях, проводимых кафедрой философии Тартуского государственного университета по заданию Министерства Легкой промышленности ЭССР.

1. Логическая схема человеческого взаимодействия

Логическая система взаимодействия, которую мы опишем в этом параграфе, является предельно абстрактной моделью, включающей в свою предметную область все виды контактов между людьми. Всякое взаимодействие, с такой крайне обобщенной точки зрения, представляет собой только предоставление или получение одним субъектом от другого субъекта некоторого объекта. Объектами взаимодействия могут быть явления (предметы, события, отношения) неограниченно широкого класса. Субъектами взаимодействия являются индивиды, группы индивидов (сколь угодно большие) и организации. Субъекты каждого конкретного взаимодействия среди прочих отличий имеют различия чисто функциональные, важные для нас в логическом плане. Один из них, который может быть назван активным субъектом взаимодействия, передает (предоставляет, навязывает и т. д.) нечто (что является объектом взаимодействия) второму субъекту, в то время как последний (назовем его пассивным субъектом взаимодействия) что-либо получает (принимает, терпит и т. п.) от него.

Итак, будем считать, что взаимодействие, или контакт, имеет структуру 3-местного отношения: между двумя субъектами и некоторым объектом контакта. Два аспекта этого отношения мы представим символически. Аху(р) будет означать высказывание: «Субъект х предоставляет (передает, причиняет) субъекту у состояние, описываемое высказыванием р» (или короче: «х передает р для у»). Пху(р) представит следующее: «субъект х получает (испытывает, принимает) от субъекта у состояние, описываемое высказыванием р» или «х получает р от у».

В выражениях логики взаимодействия А и П будут специфическими для этой логики константами; х, у, z, х', т. д. — именными (индивидуальными) переменными, вместо которых могут подставляться имена взаимодействующих субъектов; р, g, г, р' и т. д. пропозициональными переменными, вместо которых могут быть подставлены высказывания, описывающие те или иные состояния.

Определение правильно построенной формулы логики взаимодействия:

- (1) ппф пропозициональной логики есть ппф логики взаимодействия;
- (2) если а есть ппф пропозициональной логики и α и β — именные переменные, то $Па\beta(a)$ и $Aa\beta(a)$ являются ппф логики взаимодействия;

(3) если a и b — ппф логики взаимодействия, α и β — именные переменные, то $a \supset b$, $a \equiv b$, $a \& b$, $a \vee b$, $\sim a$, $\Pi\alpha\beta(a)$, $A\alpha\beta(a)$ являются ппф этой логики.

Логика взаимодействия определяется следующим множеством аксиом и правил вывода:

A0. множество аксиом классической пропозициональной логики:

A1. $Axy(p \& g) \equiv Axy(p) \& Axy(g)$,

A2. $Axy(p \vee g) \equiv Axy(p) \vee Axy(g)$,

A3. $Axy(p) \supset \sim Axy(\sim p)$,

A4. $Axy(p) \equiv \text{Пу}x(p)$;

(R1) правило подстановки ппф логики взаимодействия вместо пропозициональных переменных;

(R2) правило оделения;

(R3) правило экстенциональности, позволяющее замещать одно или более вхождений некоторого выражения в формулу вхождением эквивалентного ему выражения;

(R4) из теоремы логики взаимодействия может быть получена новая ее теорема заменой всех вхождений символа Π вхождением символа A и наоборот;

(R5) вместо индивидуальной переменной может быть подставлена другая индивидуальная переменная.

Содержание аксиом A1 — A3 не требует специальных пояснений. Эти аксиомы являются очевидными аналогами соответствующих аксиом логики человеческого взаимодействия А. А. Ивина. Аксиома A4 говорит о том, что предоставление некоторым субъектом некоторого состояния другому субъекту имеет место в том и только в том случае, если последний получает это состояние от первого. Эта аксиома выражает нашу трактовку понятия «предоставляет — получает», согласно которой «передача» (предоставление) и «получение» рассматриваются как два описания, или два названия для одного и того же процесса. В этом смысле «получение» и «передача» не могут быть поняты как две части, или две стадии процесса взаимодействия. В силу этого, исключается возможность, что адресат взаимодействия (пассивный субъект) получает не тот объект, или «не в точности тот же самый», какой передал ему активный субъект взаимодействия. Передача некоторого объекта в течение промежутка времени t^i — t^j является в то же время (в t^i — t^j) и получением этого объекта.

Пониманию взаимодействия как такого процесса, начало которого составляет передача (предоставление), а конец — получение некоторого объекта, будет соответствовать следующая

возможная аксиома, являющаяся следствием A_4 и представляющая более слабое утверждение:

$$A_4'. (\exists p)Axu(p) \equiv (\exists g)Pux(g).$$

«Если существует такой объект p , что субъект x передает его субъекту y , то существует такой объект g , (возможно, равный p), что y получает g от x .» A_4' допускает, в частности, что в процессе взаимодействия объект взаимодействия (p) мог измениться, так что субъект y получает от x уже не p , а некоторое g , отличное от p .

Обратим внимание на возможную конкретизацию отношения «передал-получил» путем установления логических связей данного понятия с понятием «имеет» или «обладает».

Логическую истину представит, как кажется, следующее утверждение: если субъект x получил от субъекта y какой-то объект p в системе S в момент t , то x обладает (имеет) p в системе S в момент t .

Ссылка на время здесь существенна, потому что субъект может утратить полученный объект сразу же (в следующий момент) после приобретения. Важно также для приведенного утверждения, чтобы «передача—получение» и «обладание» относились к одной и той же системе. Субъект x обладает полученным объектом именно в той системе, в которой он его получил. Если субъект получил какую-то вещь на хранение (т. е. в системе определенного рода отношений с другим субъектом), то отсюда следует, что эта вещь находится у него на хранении, но не следует, что он имеет ее в каком-либо ином отношении (например, системе собственности, в системе экспертизы, как объект аренды и т. д.).

Отметим еще один аспект логической связи «взаимодействия» и «обладания». Субъект может получить некоторый объект взаимодействия от другого субъекта только в том случае, если в момент, непосредственно предшествующий получению, он не является обладателем этого объекта. «Передача—получение», является, таким образом, частным случаем «приобретения» объекта взаимодействия пассивным субъектом взаимодействия. «Приобретение» может быть эксплицировано как изменение или переход от состояния необладания некоторым объектом к состоянию, когда субъект имеет данный объект.⁴

Итак, понятие контакта необходимо логиче-

---

⁴ Формальное описание «приобретения» может быть сделано с помощью оператора логики времени «и затем» (см. Wright G. H. von, «And next». — Acta philosophica fennica, 1965, fasc. 18.) и модального оператора «возможно». В этом случае «обладание» будет интерпретироваться как возможность определенных манипуляций с объектом в соответствующей системе.

ски связано с такими характеристиками пассивного субъекта как «обладание объектом взаимодействия» и «приобретение объекта взаимодействия».

Более сложен вопрос о том, имеет ли аналогичные логические характеристики активный субъект взаимодействия. Справедливо ли, в частности, утверждение что активный субъект может передать пассивному только то, что сам имеет? Решение этого вопроса, по-видимому, не может быть однозначным для всех типов взаимодействия. Что касается физической передачи материальных объектов (например, передачи из рук в руки какой-то вещи), то ответ, как кажется, может быть утвердительным: чтобы передать данную вещь другому субъекту, активный субъект взаимодействия должен прежде ее иметь. От таких типов контакта отличаются по структуре передачи знаний или убеждений. Чтобы передать убеждение, или, проще говоря, убедить в чем-то некоторого субъекта, для активного субъекта взаимодействия совершенно не обязательно иметь это убеждение самому. То же самое верно и для случая, когда объектом взаимодействия является информация, или сигналы передаваемые одним субъектом другому. Утверждение о том, что отправитель (активный субъект) имеет некоторый сигнал или владеет им, не имеет ясного смысла и вряд ли может быть признано истинным. Поскольку в данном случае нас интересуют только универсальные характеристики для всех типов контакта, то ограничимся этими краткими замечаниями, не вдаваясь в обсуждение интересного самого по себе вопроса о специфических логических характеристиках отдельных типов взаимодействия.

2. Логика норм на базисе понятий взаимодействия

1. Логика норм, обогащенная средствами рассмотренной логики взаимодействия, может быть представлена таким образом. Алфавит: p, g, r, p' — пропозициональные переменные; x, y, z, x' — именные переменные; $\supset, \equiv, \&, \vee, \sim$ пропозициональные связки; $\forall, \exists$ — кванторы («все» и «некоторые» соответственно); Π, A — специфические операторы логики взаимодействия;

O, P, R — специфические операторы логики норм;
(,) — скобки.

Определение правильно построенной формулы логики норм: (1) ппф логики взаимодействия есть ппф логики норм; (2) если a — ппф логики взаимодействия, α и β — индивидуальные переменные, то $O\alpha\beta(a)$ — ппф логики норм, а также $P\alpha\beta(a)$ и $R\alpha\beta(a)$ — ппф этой логики; (3) если α и β — ппф логики норм, то $\alpha \supset \beta$,

$\alpha \equiv \beta$, $\alpha \vee \beta$, $\alpha \& \beta$, $\sim \alpha$ также являются ппф логики норм; если α — ппф логики норм и a — индивидуальная переменная, то $(\forall a)\alpha$ и $(\exists a)\alpha$ — ппф логики норм.

Значения некоторых правильных построенных формул:

$(\exists x)(\exists y)Oxy(Pxy(p))$ — «некоторый субъект x отвечает перед некоторым субъектом y за то, чтобы y получил от него (от x) состояние p »;

$(\exists x)(\exists y)(\exists z)Oxy(Axz(p))$ — «некоторый субъект x отвечает перед некоторым субъектом y за то, что он (x) передаст некоторому субъекту z состояние p »;

$(\forall x)(\forall y)Pxy(Axy(p))$ — «Всякому субъекту x разрешено относительно любого субъекта y предоставить этому y состояние p »;

$(\exists x)(\exists y)(\exists z)Rxy(Ayz(p))$ — «существует такой субъект x , существует такой субъект y и существует субъект z , что x правомочен следить за y , чтобы y предоставил субъекту z состояние p ».

Основанная на логической теории взаимодействия логика норм может быть задана следующим множеством аксиом и правил вывода, присоединяемых к аксиомам и правилам вывода классической логики предикатов первого порядка:

A1. $Oxy(p \& g) \equiv Oxy(p) \& Oxy(g)$,

A2. $Pxy(p \vee g) \equiv Pxy(p) \vee Pxy(g)$,

A3. $Oxy(p) \supset Pxy(p)$,

A4. $Oxy(p) \supset \sim Pxy(\sim p)$,

A5. $Oxy(p) \equiv Ryx(p)$;

(R1) Правило подстановки ппф логики взаимодействия вместо пропозициональных переменных;

(R2) правило экстенциональности, позволяющее заменять одно или более вхождений некоторого выражения в формулу вхождениями выражения, эквивалентного ему на базе пропозициональной логики, логики взаимодействия или логики норм.

Определения:

$Ixy(p) =_{df} Oxy(\sim p)$; $Ixy \sim p =_{df} \sim Oxy(p) \& \sim Oxy(\sim p)$.

Согласно первому из этих определений, выражение «запрещено x перед y делать p » равнозначно высказыванию «обязательно x перед y воздержаться от p ». Согласно второму определению, p является безразличным для x относительно y тогда и только тогда, когда x не обязан перед y реализовать p и x не обязан перед y воздерживаться от реализации p .

Из аксиом A1—A5 обратим внимание на две последние. A4 эквивалентна конъюнкции принципа деонтической непротиворечивости и полноты. Принципы деонтической непротиворечиво-

сти обычно бывает представлен формулами такого вида: $\sim (Oxy(p)) \& Oxy(\sim p)$. Этот принцип утверждает, что выполнение действия и воздержание от него не могут быть вместе обязательными. Наличие в нормативном кодексе противоречивых обязанностей ставит их субъекта в положение, в котором как бы он ни вел себя, он нарушит одну из своих обязанностей. Идея полноты нормативного кодекса часто формулируется так: действие разрешено, если воздержание от него не является обязательным. Символически: $\sim Oxy(p) \supset Pxy(p)$. Данная формула эквивалентна в описанной логике формуле $Oxy(p) \vee Ixy(p) \vee Fxy(p)$, которая означает: всякое действие или обязательно, или безразлично, или запрещено. О принципе деонтической полноты можно сказать, что им предполагается охват нормативным кодексом всех человеческих действий (в нашем случае взаимодействий).

Аксиома А5 характеризует обязанность именно как ответственность перед определенным субъектом. Участие в отношении обязанности второго субъекта, который может быть назван адресатом обязанности, или адресатом ответственности, состоит в том, что этот субъект обладает определенными полномочиями и правомочен применить санкцию по отношению к субъекту, не выполнившему обязательное действие (для которого он является адресатом). А5 говорит о том, что некоторый субъект отвечает перед другим субъектом у за некоторое действие (взаимодействие) p в том и только в том случае, если у обладает определенными правомочиями относительно субъекта x по поводу данного взаимодействия p .

Приведем некоторые теоремы, доказуемые в логике норм, предполагающей логическую теорию человеческого взаимодействия:

1. $Oxy(Axz(p)) \equiv Ryx(\Pi xz(p))$,
2. $Oxy(\Pi yx(p)) \equiv \sim Pxy(\sim Axy(p))$,
3. $Ryx(\Pi zv(\sim p)) \supset Oxy(\sim \Pi zv(p))$,
4. $Oxy(\Pi xz(p \& g)) \supset Ryx(\Pi xz(p) \& Azx(g))$.

Теорема 1 утверждает: Субъект x отвечает перед субъектом y за то, что он (x) предоставит состояние p субъекту z , в том и только в том случае, если y правомочен санкционировать (требовать от x), чтобы z получил p от x .

Теорема 2: Субъект x ответственен перед субъектом y за то, чтобы y получил от него (от x) состояние p , в том и только в том случае, если субъект x не имеет права перед y не предоставить ему (y -ку) p .

Теорема 3: Если субъект y правомочен требовать (санкционировать) от субъекта x , чтобы некоторый субъект z получил от некоторого субъекта v состояние, описываемое вы-

сказыванием « $\sim p$ », то x ответствен перед y за то, чтобы z не получил от v состояние p .

Теорема 4. Если субъект x ответствен перед субъектом y за получение им (субъектом x) от субъекта z состояния описываемого конъюнкцией « $p \& g$ », то y правомочен требовать от x , чтобы x получил от z состояние p и чтобы z предоставил x -су состояние g .

3. Логические модели некоторых форм ответственности

В этом параграфе мы подробнее рассмотрим выразительные возможности, которыми обладает сформулированный выше формализм. В терминах аксиоматически определенных понятий мы представим формулировки отдельных форм ответственности по поводу тех или иных взаимодействий. Структурные особенности построенного языка позволяют проводить строго формальные различия (по характеру комбинаций символов) между интересными в содержательном плане видами ответственности.

Имея в виду в первую очередь социологические и экономические приложения данной логической схемы, мы будем в дальнейшем называть взаимодействия или контакты, обозначаемые символами нашей логики, производственными или трудовыми взаимодействиями. Соответственно ответственность в сфере такого рода взаимодействий будет называться производственной или рабочей ответственностью.

Заметим, что в теоремах 1, 2, 4, приведенных в конце предыдущего параграфа, один субъект (он обозначен переменной x) отвечает перед другим субъектом (y) за такое взаимодействие, в котором он сам участвует (взаимодействует с x или с тем же y -ом). В этом случае субъект ответственности отвечает перед адресатом непосредственно за свои собственные отношения с другими индивидами, или за свою работу, поскольку речь идет о производственных контактах.

На формальном уровне, по характеру сочетаний индивидуальных переменных в формулах, различимы два вида ответственности субъекта за свою работу:

1) субъект x отвечает за результат своего взаимодействия с некоторым субъектом y перед этим же субъектом y , т. е. x ответствен за свою работу перед своим сотрудником;

2) субъект x отвечает за результат своего взаимодействия с субъектом y перед субъектом, не участвующим в данном взаимодействии.

Об ответственности первого типа речь идет, например, в теореме 2, где на местах субъектов ответственности и субъектов взаимодействия стоят одни и те же переменные x и y . Ответственность второго рода представляют теоремы 1 и 4.

Форма ответственности типа 1) известна в системе производства под названием товарищеской ответственности. Хорошо известно, что безответственное поведение по отношению к товарищам по труду (по конвейеру, цеху, бригаде и т. д.) встречает осуждение, морально (по крайней мере) санкционируется. В нашем символизме отчетливо различимы несколько версий идеи товарищеской ответственности:

Т.О.1. $(\forall x)(\forall y)(\forall p)(Axy(p) \supset Oxy(Axy(p)))$,

Т.О.2. $(\forall x)(\forall y)(\forall p)(Axy(p) \supset Oxy(\text{Пух}(p)))$,

Т.О.3. $(\forall x)(\forall y)(\forall p)(Axy(p) \supset$
 $\supset (Oxy(Axy(p)) \& Oyx(\text{Пух}(p))))$,

Т.О.4. $(\forall x)(\forall y)(\forall p)(Axy(p) \supset$
 $\supset (Oxy(Axy(p)) \vee Oyx(\text{Пух}(p))))$.

Принцип товарищеской ответственности в смысле Т.О.1. означает следующее:

«Для любых субъектов x и y и любого состояния p верно: если x предоставляет y -ку состояние p , то x ответствен перед y за то, чтобы это взаимодействие совершилось».

Значение Т.О.2:

Для любых субъектов x и y и каждого состояния p верно: если x предоставляет для y -ка p , то y отвечает перед x за получение от него (от x) состояния p .

Значение Т.О.3:

Если субъект x предоставляет y -ку состояние p , то x ответствен перед y за это предоставление, а y ответствен в этом случае перед x за получение от x -са p .

Версия Т.О.4 означает:

Если субъект x предоставляет субъекту y состояние p , то или x отвечает перед y за то, чтобы передать y -ку p , или y отвечает перед x за получение от x -са p .

Согласно первой версии, активный субъект взаимодействия всегда ответствен перед пассивным. Вторая версия данного принципа говорит о том, что пассивный субъект контакта всегда ответствен перед активным. Объединением Т.О.1. и Т.О.2. является третий вариант «принципа товарищеской ответственности». Четвертая версия требует, чтобы из двух взаимодействующих субъектов один (какой-нибудь) был всегда ответствен перед другим.

Возможны разные мнения о том, какой из приведенных вариантов наиболее целесообразен в практике нормативной регуляции трудовой деятельности. Нашей задачей в данном случае не является обсуждение конкретного содержания тех или иных принципов. Приведенные символические формулировки имеют целью продемонстрировать выразительные возможности нашего

формализма: средствами данной символической системы удается строго структурно зафиксировать содержательное своеобразие большого числа утверждений об ответственности и точным образом исследовать их взаимные связи по смыслу. В данном формализме доказуемо, например, что Т.О.3 является наиболее сильной версией, из которой логически следует Т.О.1, Т.О.2 и Т.О.4. Доказуемо также, что конъюнкция Т.О.1. и Т.О.2. эквивалентна утверждению Т.О.3.

От отношений ответственности данного типа будем отличать форму ответственности, которую назовем условно административной ответственностью. Характерной особенностью этого вида ответственности является то обстоятельство, что в роли адресата ответственности по поводу некоторого взаимодействия $Axy(p)$ выступает некоторый субъект z , не принимающий участия в данном взаимодействии. Символически такую ответственность выражает, например, формула:

$$Oxz(Axy(p)), \text{ где } z \neq y \text{ и } z \neq x.$$

На предприятии обычно имеется субъект (или группа лиц), который не участвует непосредственно в производственном процессе, а только контролирует действия производителей и сам несет ответственность за эффективность этого контроля.

Функции такого субъекта (представляется естественным называть его администратором) также могут быть описаны формальнологически.

Пусть терм «а» представляет такого субъекта, а «g» представляет некоторый результат производственного взаимодействия; тогда следующая формула опишет некоторые социальные функции администратора:

$$A.O. (\sim \exists x) (\sim \exists g) (Aax(g) \vee Pxa(g)) \& \\ \& (\forall y) (\forall z) (\forall p) (\exists v) (Ayz(p) \supset (Oya(Ayz(p)) \& \\ \& Oza(Ayz(p)) \& Oav(Ayz(p))))).$$

Согласно данной формуле, администратор (а) сам не участвует в производственном взаимодействии, но все, кто участвует в процессе производства, ответственны перед ним, и существует такой субъект v , перед которым администратор сам несет ответственность за каждое взаимодействие ответственных перед ним лиц.

Ответственность административного служащего имеет свои структурные особенности по сравнению с ответственностью, которую несет производительный работник за свой труд. В формулах, выражающих выше различные типы «товарищеской ответственности», одна и та же переменная употребляется и как субъект взаимодействия (x), и как субъект ответственности (x). Таковы

все подформулы, содержащие знак «О» в структуре вариантов Т.О.1. — Т.О.4. В формулах, описывающих ответственность административного характера, переменная, представляющая субъекта ответственности, не может содержаться в подформуле, выражающей взаимодействие. Это очевидно, поскольку администратора нет среди взаимодействующих производителей.

Итак, в нашем языке отмеченные два типа ответственности различаются по строению выражающих их формул.

Функции администратора могут быть описаны иначе, чем это сделано в (АО). Это определение может быть ослаблено или усилено различным образом. Можно, например, в определении указать, что не каждый субъект взаимодействия отвечает перед администратором, а только активный из взаимодействующих субъектов или только тот, кто не является ответственным перед другим администратором или непосредственно перед высшей инстанцией. Можно включить в определение указание, что и сам администратор определенным образом ответственен перед подчиненными. Наконец, возможно подразделить администраторов на тех, кто располагает средствами позитивного (поощряющего) санкционирования, и тех, кто может пользоваться негативными (наказывающими) санкциями.

Рассмотрим еще одну форму ответственности, структурные особенности которой отчетливо выразимы в нашем формализме.

Некоторый субъект x может быть ответственным перед некоторым субъектом y не только за определенные действия каких-либо субъектов, но также и за то, чтобы между ними имели место отношения того или иного рода, и в частности, отношения ответственности. Обязанность x перед y по поводу того, чтобы между x и y имело место отношение ответственности в связи с реализацией p , представит следующая формула:

$$Oxy(Ozv(p)).$$

Обязанность некоторого субъекта, имеющая своим предметом ответственность между каким-либо другими субъектами, на практике может означать, например, обязанность проводить воспитательную или агитационную работу, вызывающую у определенных лиц повышение чувства ответственности, способную склонить их к принятию новых обязанностей или к более добросовестному выполнению уже существующих.

Вообще говоря, в практике повседневной работы на производстве в одних обстоятельствах организатор может прибегать к тем или иным санкциям, наказывая или поощряя работников (например, морально), в других обстоятельствах, не прибегая к санкциям, он следит за функционированием обязанностей и организует их, то есть следит за правильным применением санкций другими сотрудниками. Случай, когда субъект x имеет в своем

распоряжении некоторые санкции по отношению к тем лицам, чьи обязанности он контролирует, и случай, когда он не располагает такого рода санкциями, или правомочиями, также могут быть зафиксированы символически:

- 1) $Oxy(Ozv(p)) \& Rxz(Ozv(p))$,
- 2) $Oxy(Ozv(p)) \& \sim Rxz(Ozv(p))$.

Формула 1) говорит, что субъект x обязан субъекту y обеспечить ответственность субъекта z перед субъектом v относительно реализации состояния p , и при этом x правомочен (располагает санкцией) требовать от z , чтобы z нес ответственность перед v за реализацию p .

Формула (2) отличается от 1) тем, что в ней отрицается право x требовать от z , чтобы z нес ответственность за p перед v .

В случае (2) субъект x , не имея санкции против z , обязан (перед y) действовать так, чтобы z добровольно, без принуждения, нес ответственность за p перед v . В случае (1) воздействие x на z опирается на определенного рода санкции.

Воздействие субъекта x на субъекта z , в результате которого устанавливается ответственность z перед некоторым субъектом v за реализацию p , представит формула

$$Axz(Ozv(p)).$$

Одним из видов человеческого контакта, в результате которого устанавливаются отношения ответственности, являются обещания. Обещание представляет собой не что иное как способ принятия ответственности одним субъектом перед некоторым другим лицом. Результатом обещания является получение определенным субъектом некоторых правомочий относительно определенного поведения другого субъекта. Именно такого рода контакт описывают следующие две эквивалентные между собой формулы:

- 1) $Axz(Oxz(p))$,
- 2) $Axz(Rzx(p))$.

Характерной структурной чертой формул, выражающих обещания, является присутствие одних и тех же переменных (x, z) на местах субъектов взаимодействия и на местах субъектов ответственности. На содержательном уровне этой формальной особенности соответствует тот факт, что в случае обещаний адресат ответственности получает права санкционировать действия субъекта ответственного от самого этого субъекта, и только от него.

Наконец, обратим внимание на такие случаи, когда субъект ответственен перед самим собой: символически: $Oxx(p)$. По-ви-

димому, это и есть такой тип отношений ответственности, который обыкновенно называют совестью. Здесь один и тот же субъект выполняет функции и адресата, и субъекта ответственности. Данный тип ответственности, очевидно, не может быть отнесен к юридической или административной форме регуляции поведения. Его следует отнести к области морального (в широком смысле) или общественно-политического регулирования, в механизме которого могут использоваться не только внешние формы санкционирования, но и автосанкции: самооценки, внутренние переживания, чувства удовлетворенности или неудовлетворенности собственными решениями или действиями.¹

---

¹ Философско-методологические аспекты а также вопросы практического использования данной логической схемы разрабатывались в социологических исследованиях, проводимых кафедрой философии Тартуского госуниверситета под руководством члена-корреспондента АН СССР Я. К. Ребане. В основе этих исследований лежит рабочая матрица, в соответствии с которой выделяются три основные формы ответственности: общественно-политическая, или моральная в широком смысле, административно-юридическая и финансово-экономическая с характерной для каждого типа системой санкций.

ПРОБЛЕМА ИМПЛИЦИТНОСТИ ЭКСПЛАНАНДУМА ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЪЯСНЕНИЯ

А. А. Порк

Цель настоящей статьи — анализ некоторых теоретических возможностей исторического объяснения с имплицитным (неявным, в тексте не сформулированным) экспланандумом. В вводной части статьи дается краткий обзор определяющих моментов теории исторического объяснения вообще.

Некоторые терминологические уточнения. В настоящей статье термины: «историческое объяснение» и «историческое научное объяснение» понимаются как синонимы. Данная заметка прежде всего относится к нашим собственным взглядам. Но иногда при рассмотрении взглядов других авторов невозможно учесть все терминологические тонкости (различия в употреблении терминов «историческое объяснение», «научное объяснение», «историческое научное объяснение», «повседневное объяснение», «повседневное объяснение в исторической науке» и т. д.); в таком случае приходится анализировать содержание понятий, а не их терминологическую оболочку. Ниже мы попытаемся это сделать.

Спор об объяснениях в исторической науке, как известно, начался в сороковых годах этого столетия и продолжается по сей день. Ныне существует обширная марксистская и немарксистская литература об объяснениях в исторической науке. В советской литературе имеются и обзоры аналитической литературы по данным проблемам.¹ В данной статье представляется целесообразным ограничиться описанием общих моментов марксистской концепции исторического объяснения.

---

¹ И. С. Кон. К спорам о логике исторического объяснения. — «Философские проблемы исторической науки». М., 1969; Э. Н. Лоонс. Проблема исторического объяснения. — «Философские науки», 1975, № 6; М. В. Егорова. К вопросу о понимании исторического объяснения в новейшей англо-американской философии истории. — «Уч. зап. Томского госуниверситета», № 79; А. А. Порк. Методологические вопросы исторической науки в послевоенной англо-американской аналитической философии истории. — «История и методология истории». Тарту, 1976.

Понятие научного объяснения для советских философов обычно ассоциируется с понятием сущности. Так, Э. К. Огундоведе пишет, что «с позиции теории отражения научное объяснение представляет собой раскрытие сущности, внутренней природы исследуемого объекта...»² Ю. В. Петров высказывает аналогичную точку зрения. Для него научное объяснение есть «метод исследования, направленный на раскрытие сущности, внутренней природы изучаемых объектов».³ Но надо отметить, что для Ю. В. Петрова историческое объяснение гносеологически отличается от объяснения вообще. Он пишет, что последнее есть «процесс исследования, направленный на получение синтетического знания об объекте, в совокупности раскрывающего сущность и явление, необходимость и случайность».⁴ Нам кажется, что выделение подобного гносеологического типа объяснения правомерно, но целесообразно оговориться, встречаем ли мы такие объяснения, кроме исторической науки, в геологии, палеонтологии, юридической науке и т. д. По-видимому, встречаем. Следовательно, исторические объяснения существуют в других науках, кроме истории. Конечно, многое здесь зависит от трактовки понятий «явление», «случайность» и т. д.

Необходимым признаком научного объяснения советские философы обычно считают ссылку на соответствующий закон науки. Например, Е. П. Никитин пишет, что объяснение «устанавливает логическую связь между отображением объясняемого объекта в языке и законом науки».⁵ «Объяснение может быть осуществлено лишь через познание законов объясняемого объекта».⁶ В аналитической философии истории закон не всегда считается необходимым признаком объяснения. Например, У. Дрэй в своих работах обычно рассматривает объяснение через закон лишь как один вид объяснения. Последний, хотя и может встречаться в исторической науке, не является типичным. Он пишет, что даже в тех случаях, когда мы в принципе можем дать объяснение через закон, часто целесообразнее объяснять явления «рационально».⁷ Под «рациональным» объяснением У. Дрей понимает объяснение через мотивы, верования (beliefs) и действия людей.⁸ Дрэй полагает, что описание мотивов и действий людей делает для читателя поведение исторического деятеля просто «понят-

---

² Э. К. Огундоведе. Проблема научного объяснения в исторической науке. Автореф. канд. дисс. ЛГУ, 1975, с. 21.

³ Ю. В. Петров. Причинность в исторической науке. Томск, 1972, с. 155.

⁴ Там же, с. 156.

⁵ Е. П. Никитин. Объяснение — функция науки. М., 1970, с. 19.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ W. H. Dray. The Historical Explanation Actions of Reconsidered. — «Philosophy and History» 2. Ed. S. Hook. New York, 1963, p. 132.

⁸ Там же, с. 108.

ным», «рациональным». Рациональность же действий читатель понимает без ссылки на какие-либо законы.

Нам кажется, что неверно было бы отрицать, что в исторических текстах действительно встречаются описания поведения людей без ссылок на соответствующие законы поведения. Иногда обобщающие принципы все-таки скрыто предполагаются, но иногда, видимо, и не предполагаются. Другое дело, надо ли подобные описания считать объяснениями. Если это делается, то теряется специфика объяснения, все (даже фактологические) тексты науки можно рассматривать как объясняющие. Можно, конечно, сказать, что многие тексты истории не являются объясняющими в научном смысле, но относятся к объясняющим в повседневном смысле (т. е. применяется широкое понимание объяснения, соединяющее и научные и ненаучные объяснения). Но от такого анализа возможна большая путаница. Например, вполне вероятно, что для обыденного сознания вся наука представляется объясняющей и т. д. Тогда исчезнет вообще необходимость в понятиях «эмпирическое знание», «факты» и т. д. Ясно, что понятия повседневного знания надо очень осторожно применять для анализа научного знания.

Так как советские методологи науки понимают объяснение как раскрытие сущности объекта, то наличие закона представляется весьма логичным. Ведь «закон есть отношение ... Отношение сущностей или между сущностями».⁹ При этом отмечается, что число законов в историческом объяснении в силу специфики данной отрасли знания довольно велико. «Исторические события, характеризующиеся единством взаимодействия закономерностей разного уровня и выступающие как «геометрическое место множества законов», не могут быть объяснены с помощью единичного номологического утверждения, необходимо большое, возможно бесконечное число законов».¹⁰ Законы исторического объяснения часто имеют статистическую природу.¹¹

Одним из важнейших вопросов теории исторического объяснения является проблема взаимосвязи логического вывода и объяснения. Карл Хемпель, как известно, всегда рассматривал объяснения как разновидность выводов, где объясняемое положение дедуктивно или индуктивно выводится из эксплананса.¹² Тесная взаимосвязь объяснения и вывода отмечается и в других зарубежных работах.¹³

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 138.

¹⁰ Ю. В. Петров. Причинность в исторической науке, с. 201.

¹¹ Там же, с. 185—186.

¹² C. H. Hempel. *Reasons and Covering Laws in Historical Explanation*. — «Philosophy and History». New York, 1963, p. 146.

¹³ P. C. Solomon. *Reasons as Causal Explanation*. — «Philosophy and Phenomenological Research», 1974, vol. 24, N 3, p. 416

В работах советских философов не отрицается, что объяснение по своей логической структуре представляется выводом. «По своей логической структуре объяснения ... представляют собой выводы и как таковые делятся на дедуктивные и индуктивные».¹⁴ «Объяснение по своей структуре всегда является выводом (или системой выводов)».¹⁵ «Понятие научного объяснения общезвестно: это логически корректное выведение высказывания о факте из некоторого множества законов науки и из определенного множества исходных условий. Важно то, чтобы не просто признавалось наличие законов действительности (истории), но чтобы были наличие высказывания, фиксирующие закон».¹⁶ «... по форме причинное объяснение является умозаключением. Оно не может быть выражено отдельным термином или отдельным предложением, в нем всегда содержится вывод экспланандума из эксплананса».¹⁷ Особенно примечательна мысль о том, что объяснение может быть осуществлено как система выводов. При этом надо особенно подчеркнуть, что некоторые части данной системы выводов в тексте явно не формулируются, а предполагаются имплицитно (о некоторых аспектах данного вопроса речь пойдет ниже). Здесь необходимо отметить, что в принципе должен существовать какой-то предел имплицитности объяснения. Ведь в каком-то приближении все тексты представляют собой имплицитные системы выводов. Ясно, что данный вопрос требует специального рассмотрения.

Любое объяснение распадается на две части. «По своему составу всякое объяснение распадается на две части — экспланандум (лат. *explanandum* — «то, которое надлежит объяснить») от *explanare* «объяснить») и эксплананс (лат. *explanans* «объясняющий»). Экспланандум — это множество положений, отображающих объясняемый объект, эксплананс — множество объясняющих положений».¹⁸ «При отсутствии одной из частей объяснение становится невозможным. С другой стороны, ни одна из частей (экспланандум или эксплананс) в отдельности не является объяснением».¹⁹ В то же время допускается, как было уже отмечено, что части эксплананса (объясняющие законы) иногда в тексте не сформулированы, а предполагаются имплицитно.²⁰ Например, если историк объясняет историческое явление, ссылаясь на закономерность последовательного перехода от одной общественно-экономической формации к другой, он не обяза-

¹⁴ Е. П. Никитин. Объяснение и предсказание. — В кн.: Логика и эмпирическое познание. М., 1972, с. 114.

¹⁵ Его же. Объяснение — функция науки, с. 41.

¹⁶ Э. Н. Лооие. Проблема исторического объяснения, с. 28.

¹⁷ Ю. В. Петров. Причинность в исторической науке, с. 162.

¹⁸ Е. П. Никитин. Объяснение и предсказание, с. 114.

¹⁹ Ю. В. Петров. Причинность в исторической науке, с. 162.

²⁰ Там же, с. 197.

тельно должен формулировать полностью данный закон в своем тексте.

Возникает вопрос, могут ли существовать объяснения с имплицитным экспланандумом, т. е. объяснения, где в тексте не **указано, что объясняется**. Рассмотрим данный вопрос подробнее. Конечно, можно определить объяснение через понятие имплицитного экспланандума. Если признак выделяется в определении, значит явления, обозначенные данным понятием, должны иметь указанный признак. Другое дело, является ли такое определение целесообразным, не слишком ли узким делается понятие объяснение вследствие такого определения.

Автор статьи не сомневается, что любое адекватное объяснение объясняет что-либо, т. е. соответствует объясняемому явлению. Представляется, что в исторических текстах очень трудно найти явную формулировку экспланандума. Иногда предложения, отражающие объясняемое и предложения, отражающие объясняющее, разбросаны по тексту либо по стилистическим соображениям, либо вследствие того, что объяснения в истории носят комплексный характер и эксплананс включает большое количество предложений, в то время как экспланандум иногда состоит из одной формулировки. Например, мы можем в одном предложении фиксировать факт вступления Карла IV на императорский престол, но для объяснения последнего потребуются многие страницы.

Итак, выше был рассмотрен случай, когда экспланандум эксплицитно в тексте сформулирован, но его просто трудно найти, в тексте он не стоит рядом с экспланансом. Но возможен ли случай, когда в историческом научном тексте существует объяснение, но нет формулировки, отражающей экспланандум.

Автор настоящей работы полагает, что, во-первых, необходимо учитывать диалектику самого понятия «текст». Каждый научный текст является отражением научного общественно-познавательного процесса. Следовательно, текст всегда кому-то адресован, всегда имеет множество неявных допущений и предположений. В повседневной жизни, как известно, мы можем иногда до минимума сократить словесную форму передаваемой информации. Например, если мы стоим у входа в ресторан, мы можем даже одним словом «нет» выразить собеседникам свое нежелание войти в данное заведение. Нечто аналогичное происходит и в науке, где тоже имеется социальный и интеллектуальный контекст, хотя и не такой прозаический, как у входа в ресторан.

Следовательно, вполне реален случай, когда экспланандум, так сказать, предполагается, когда читателю самому ясно, что объясняется и когда целесообразно сформулировать в тексте только эксплананс. Например, если на страницах исторического журнала идет дискуссия о причинах установления фашистского режима в Германии в 1933 году, нет смысла повторять в каждой

статье формулировки экспланандума: «В 1933 году в Германии была установлена фашистская диктатура».

Рассмотрим для примера одно объяснение в работе С. Д. Сказкина. «Каковы же те изменения, которые внес процесс феодализации в общинные порядки. Не вызывает сомнений, что община как организация мелких производителей пережила период крепостничества и существовала не только там, где мы имеем впоследствии подчиненные вотчинной власти первоначальные поселения свободных германцев, но часто даже и там, где мы встречаемся с поселениями, возникшими из хозяйств рабов, посаженных на землю. Можно сказать поэтому, что вотчинасеньория была наложена на общины, так сказать, сверху, причем там, где мы встречаем в средние века наряду с хозяйствами общинников хозяйство самого сеньора-вотчинника, последнее всегда подчиняется распорядку деревенской общины, а не наоборот. Это вытекает и из самого существа феодальной формации, в основе которой лежит мелкое экономически самостоятельное хозяйство непосредственно производителя. Само хозяйство сеньора, его запашка как сфера применения барщинного гурда крепостных является на первых порах лишь в такой мере более крупным хозяйством, чем крестьянское, в какой барский двор как потребительская единица больше, чем двор крестьянский. Но как производственная организация барский двор (домен) вначале — простая сумма мелких хозяйств, и вследствие этого сама пахотная земля вотчины обычно разбросана чересполосно между полосами крестьян. (...) Итак, факт существования наряду с вотчиной общины-марки безусловен».²¹

В данном объяснении вскрывается один аспект сущности средневековых производственных отношений в Европе — роль в них общины-марки. Делается это посредством формулирования рзда обобщений, историко-эмпирических закономерностей.

Надо отметить, что в приведенном объяснении четко не определено, что объясняется. Правда, название главы, из которой взят пример, следующее: «Община-деревня в средневековой Европе». Из многих высказываний академика С. Д. Сказкина вытекает, что его интересует роль общины в экономической и социальной организации средневековой Европы. Но дело в том, что мы нигде не найдем упрощенной и ясной формулировки того, что объясняется, т. е. эксплицитного экспланандума.

Приведем еще один пример объяснения в исторической науке.

А. И. Неусыхин в своей докторской диссертации раскрывает социальное положение франкского лита. Одно из его эмпирических обобщений (а эмпирическое обобщение, на наш взгляд, тоже отражает аспекты сущности) излагается следующим образом: «... С одной стороны, Салическая правда прямо приравни-

²¹ С. Д. Сказкин. Избранные труды по истории. М., 1973, с. 55—56.

вает лита к рабу, устанавливая за убийство свободного человека, совершенное чужим рабом или литом, одинаковую кару: передачу убийцы родственникам убитого вместо половины виры и уплату его господином другой половины виры. Это приравнивание тем более красноречиво, что в случае убийства свободного человека четвероногим животным его хозяин должен поступить с ним точно так же, т. е. отдать его в распоряжение родственников убитого в качестве половины виры, уплатив другую его половину иными ценностями». ²² В данной связи Неусыхин рассматривает один общий, сущностный признак лита — его несвободное положение, его связь с юридическим положением раба. Опять бросается в глаза известная альтернативность трактовки: например, можно объясняемое понимать по-разному. С одной стороны, Неусыхин объясняет сущность положения лита. С другой стороны, можно утверждать, что автор рассматривает сущность понятия свободы во франкском обществе и аспектом сущности понятия свободы является феномен лита.

Из приведенных примеров вытекает еще следующий вопрос: могут ли существовать альтернативные трактовки неявного экспланандума, может ли один и тот же экспланант соответствовать некоторым экспланандумам. Здесь тоже, видимо, не обойтись без диалектики. В каком смысле понимать выражение «различные экспланандумы?» Если речь идет о том, могут ли объясняемые вещи быть описаны различными словами, может ли содержание одного и того же объясняемого явления отражаться в различных выражениях, то последнее кажется бесспорным. Язык исторической науки очень богат синонимическими выражениями, никакой трудности высказать одни и те же мысли по-разному нет.

Более интересный содержательный аспект проблемы: может ли один и тот же экспланант объяснить различные объективные явления. Здесь как раз и появляется диалектика. Объяснения в истории нередко частичные вследствие сложности исторических объектов. Но частичное объяснение исторического целого может быть полным объяснением какой-то части данного целого. Частичное объяснение целого может быть, разумеется, и частичным объяснением части. Например, частичное вскрытие сущности средневековых производственных отношений может быть полным вскрытием сущности средневековой общины. Конечно, можно возразить приведенному высказыванию. Можно сказать, что целесообразнее свести все дело к полным объяснениям частей, а не рассматривать частичные объяснения целого. Можно утверждать (и это косвенно напоминает неопозитивистский логический «атомизм» 20-х годов), что наука должна искать и объяснять только

---

²² А. Н. Неусыхин. Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с. 43.

объекты, которым она дает полные объяснения. Но подобная программа, — как и неопозитивистские построения в свое время, — вступает в конфликт с реальными научными историческими текстами. Трудно привести примеры подобных «узких», «строгих», «сильных» объяснительных «моделей». Кроме того, многозначность объяснительной силы эксплананса может возникать не только на базе отношений «части-целое», но и на базе других отношений. Например, допустим, что одной из причин распространения картофеля и томата в Европе явились Великие географические открытия. Теперь мы можем частично объяснить перестройку в структуре сельскохозяйственного производства появлением картофеля и томата. В то же время картофель и томат как следствия Великих географических открытий помогут нам объяснить и частицу сущности Великих географических открытий. Если даже не согласиться с приведенным примером, то с фактической точки зрения его логическая суть автору настоящей работы представляется более-менее убедительной.

Многозначность эксплананса обуславливает появление еще одного момента: подыскивание возможных экспланандумов данному экспланансу. Иногда автор экспаланса гораздо уже видит возможности его применения, чем другие исследователи. Многозначность экспаланса нельзя трактовать в духе релятивизма. Объяснения каждой конкретной вещи имеют свою объективную иерархию, одни более глубоко отражают объективное содержание сущности данного явления, другие делают это более поверхностно и прогресс научного познания идет от вторых к первым.

* *
*

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. При определенных интерпретациях понятия исторического объяснения целесообразно признать существование исторических объяснений с имплицитным экспланандумом. Часто же экспланандум эксплицитно сформулирован, но разбросан по тексту по стилистическим и другим соображениям и его трудно найти.
2. В определенном смысле можно говорить о множественности имплицитных экспланандумов, один и тот же экспаланс может более-менее полно объяснить больше одного экспаланандума.

О ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Т. И. Киллак

«Мировоззрение», как правило, обозначает обобщенную систему взглядов общественного человека на свое положение в окружающей действительности, понимание человеком смысла своей деятельности, своего назначения на основе целостного практического отношения к миру.¹

Мировоззрение как сознательная функция социального, практически деятельного существа обнаруживает целый ряд характеристик — гносеологических, социально-этических, идеологических и пр. В процессе философского анализа и обоснования мировоззрения эти характеристики трансформируются в существенные компоненты самой философии.

В данной статье рассматривается вопрос о переоценке позитивизмом предмета и задач философии, исходящий из осмысления им некоторых сторон определенного, социально-исторического типа трактовок мировоззренческих явлений,² общие признаки которого вытекают из положения индивида в буржуазном обществе.

* *
*

К моменту возникновения позитивизма философский анализ взглядов на положение человека в мире прошел уже значительный путь. Известное понимание человеком своего положения в окружающей действительности, т. е. определенное воззрение на мир возникло, наверняка, вместе со становлением рефлексии над своей практической деятельностью. Однако в более полном объеме это понимание осознавалось только лишь вместе с фактической индивидуализацией человека в буржуазном обществе.

Первостепенное значение в осознании мировоззренческих явлений имела переориентировка философии к новому, буржуаз-

¹ См. напр., А. Г. Спиркин. «Мировоззрение». Большая Советская Энциклопедия, т. 16. М., 1974, с. 320—321.

² Вопрос о возникновении и эволюции понятийно-осознанной трактовки мировоззренческих явлений и связанный с этим широкий круг философских

ному содержанию жизни. В первую очередь, это касается выдвижения в качестве субъекта самого человека.³ Осознание статуса буржуазно-изолированного индивида в обществе через резкий дуализм субъекта и объекта, как это выступало у Декарта, продолжалось в теории познания Локка и в субъективно-идеалистическом решении основного вопроса философии у Беркли и Юма. Таким образом, философское осмысление мировоззренческих вопросов в Новое время отличалось осознанным выдвижением и подчеркиванием гносеологической тематики.

Совершенный Кантом «переворот» в философии, выражающийся в понимании того, что объект познания существует в качестве объекта лишь в формах деятельности субъекта, был уже, в некотором роде, завершающим моментом в субъективистском гносеологическом осмыслении буржуазного индивидуализма.

Однако разработка мировоззренческих проблем не ограничивалась их гносеологическим осмыслением. Специфический аспект мировоззренческого подхода к действительности раскрывается вместе с выдвижением различия между практически-ценностным и познавательным-дескриптивным отношением к миру, восходящего еще к Юму, который четко поставил проблему разграничения утверждений долженствования от утверждений факта.⁴

Последнее обстоятельство наблюдается в кантовском различении «школьного» понятия философии (Schulbegriff) как понятия, означающего только лишь «систематическое единство знания»,⁵ его логическое совершенство, от его «мирового» понятия

проблем в советской философской литературе освещен относительно мало. Единственным автором, поставившим перед собою задачу изучения историко-философского аспекта «мировоззрения», является В. Ф. Черноволенко. (См. В. Ф. Черноволенко. Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970). В известной автору зарубежной марксистской литературе вопрос представлен исследованием Вернера Шуффенгауэра (W. Schuffenhauer. Artikel «Weltanschauung». — In: «Philosophisches Wörterbuch», hg. G. Klaus, M. Buhg. Leipzig, 1974, Bd. 2, S. 1287—1289), а некоторые его частные аспекты рассматриваются Вольфгангом Хайзе (В. Хайзе. В плену иллюзий. Критика буржуазной философии в Германии. М., 1968). Из довольно обширной литературы зарубежной философии, посвященной в основном текстологическому исследованию понятия «Weltanschauung», выделяется историко-понятийное исследование Хельмута Мейера (Helmut G. Meier. Weltanschauung. Studien zur einer Geschichte und Theorie des Begriffs. Münster, 1970). Однако вопрос о позитивистской трактовке «мировоззрения» там вообще отсутствует, если не считать некоторых сциентистских настроений самого автора Зато общие марксистские принципы анализа и оценки специально позитивистских интерпретаций проблемы мировоззрения изложены в целом ряде работ советских исследователей (см. например, И. С. Нарский. Современный позитивизм. М., 1961; Богомолов А. С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М., 1969; сб.: Современная буржуазная философия. М., 1972 и др.).

³ В. А. Лекторский. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965.

⁴ Д. Юм. Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1966, с. 618.

⁵ И. Кант. Соч., т. 3, с. 684.

(Weltbegriff), касающегося «того, что необходимо интересует каждого».⁶ Так как верх у Канта одержало не гносеологическое, а этико-практическое отношение к действительности,^{6а} то «мировое» понятие философии у Канта, сохраняя в себе в «снятом» виде и представление о логической системе знания, направлено в то же время и на изучение отношений «всякого знания к существенным целям человеческого разума».⁷ «Существенные цели», в свою очередь, определяются Кантом как «предназначенные человека»,^{7а} содержанием которого является ценностно-долженствующее отношение к миру. Итак, философия в ее мировом понимании у Канта затрагивает и ту проблематику, которая позднее выделялась в виде мировоззренческого подхода к действительности.

Таким образом, принципиальные моменты рефлексивного охвата положения индивида в буржуазном обществе сложились уже на рубеже XVIII и XIX столетий. Постепенно были разработаны понятия субъекта и связанной с ним субъективности, а также осмыслены основные предпосылки активного, нравственно-практического отношения субъекта к окружающей его действительности. Все они являлись относительно новыми философскими понятийными конструкциями.

Постепенно приобретенное теоретическое осмысление нового положения индивида в обществе требовало и соответствующего терминологического оформления.

Соединение сформировавшейся философской рефлексии с термином «Weltanschauung» шло от И. Канта,⁸ который, по свидетельству ряда исследователей,⁹ первым употребил термин к И. Г. Фихте,¹⁰ а позднее к Ф. Шлейермахеру и другим немецким романтикам.

⁶ Там же, с. 685.

^{6а} От кантовского различия гносеологического и этико-практического отношения к действительности, где последнее обнаруживается как заинтересованность воли в добре, берет свое начало более позднее различие «картины мира» как незаинтересованного, объективного описания мира в отличие от мировоззренческого, заинтересованного к нему отношения. Неокантианство рассматривало это различие как противоположность естественных наук (Naturwissenschaften) и наук о культуре (Geisteswissenschaften).

⁷ И. Кант. Соч., т. 3, с. 684.

^{7а} Там же, с. 685.

⁸ Употребляемый И. Кантом термин «Weltanschauung» имеет, однако, еще чисто теоретико-познавательное содержание, связанное преимущественно с процессами чувственного познания. См.: I. Kant. Gesammelte Schriften. Bd. V. Kritik der Urtheilskraft. B., 1790, S. 254. В русском издании употребляется термин «созерцание мира». См. И. Кант. Соч., т. V. М., 1966, с. 262.

⁹ См. напр., P. Menzer. Weltanschauungsfragen. Stuttgart, 1918, S. 4; W. Götz. Weltanschauung. «Euphorion» 25, 1924, S. 43; J. Klein. Artikel «Weltanschauung», — In: «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd. VI, Tübingen, 1962, S. 1604; H. Meier. Op. cit., S. 70.

¹⁰ У Фихте «мировоззрение» принадлежит к трансцендентальному «Я», являясь предикатом его нравственной, практической деятельности.

У романтиков содержание термина «мировоззрение» (*Weltanschauung*) по сравнению с содержанием соответствующего словопотребления в классическом немецком идеализме сильно идеологизировалось. Если в немецком идеализме «мировоззрение» характеризовалось как **трансцендентальная субъективность**, выражающаяся в форме нравственно-практической активности, то в романтизме оно сконцентрировало в себе прежде всего признаки самовыражения (точнее: эстетического самовыражения) субъективности **эмпирического индивида**.¹¹

Таким образом, трактовка мировоззренческих явлений у немецких романтиков отражает уже специфическое буржуазное содержание, вырисовываясь в виде самовыражения субъективности буржуазного индивида.

Так как буржуазный тип трактовки мировоззренческого подхода к окружающей действительности и общие его философские предпосылки сложились в лоне немецкого классического идеализма уже в период созревшего кризиса буржуазных общественных отношений, то решение в них основного вопроса философии неизбежно оказалось идеалистическим. Кроме того, оценочное выражение позиции единичного индивида сообщало общему идеалистическому решению основного вопроса философии ярко выраженный субъективистский характер.

Философия однако, если она не хочет оказаться крайне релятивистской, не может опираться на субъективистскую трактовку мировоззрения. Это осознавалось и многими буржуазными мыслителями. Отсюда разносторонние попытки буржуазной философии заменить последовательное обоснование одного определенного социально-исторического типа трактовки мировоззрения (так как теоретическое обоснование буржуазного индивидуализма оказалось невозможным) демонстрацией абсурдности миро-

---

«... Свободная деятельность должна быть ограничена через деятельность в мировоззрении, т. е. деятельность в мировоззрении является свободной деятельностью лишь в состоянии связанности...», — говорит Фихте. См.: J. G. Fichte. *Sämmtliche Werke*. Bd. 3, 2. Abth., Leipzig, 1796, S. 17.

¹¹ Под влиянием Ф. Шлейермахера значение термина «мировоззрение» постепенно связывается с выражением субъективности единичного индивида, хотя, с другой стороны, оно раскрывает также «определенным способом упорядоченную совокупность понимания человечеством мировых связей». См.: H. Meier. *Op. cit.*, S. 90.

Уже Новалис, например, допускает понимание мировоззрения лишь как конвенционалистски ограниченного субъективизма. «Мир, как объект вообще, является результатом бесконечных соглашений и наша внутренняя расчлененность выступает основанием мировоззрения», — говорит он. См.: *Novalis Werke. Briefe. Dokumente*. Bd. 3, Heidelberg, 1957, S. 134.

А. Шлегель же, в сонете к Ф. Шлегелю, отождествляет «мировоззрение» со спящим субъективизмом. В свободном переводе мысль А. Шлегеля гласила бы так: «Дух, чтоб не увлекаться миром, должен углубляться в мировоззрение в самом себе. Понимание спящих сил венчается осознанием их как совершенных». См.: A. W. Schlegel. *Sämmtliche Werke*. Bd. 1, Leipzig, 1846, S. 354

воззренческой проблематики в целом, особенно ее классового содержания и гносеологического компонента. Однако подобные стремления являются лишь чисто декларативным отмежеванием от «бессмысленной» мировоззренческой проблематики, показывая в то же время классовую ограниченность буржуазного философствования.

* *
*

Позитивистская трактовка мировоззрения является одной из форм парадоксального соединения тщетных попыток дальнейшего обоснования буржуазного мировоззрения с одновременной резкой критикой самого понятия «мировоззрение».

Всякое осмысление мировоззренческих явлений необходимо дает вполне определенное, социально-детерминированное решение гносеологических, а также ценностно-идеологических проблем. Позитивизм же пытался конституировать себя в виде логико-методологического анализа знания в противоположность названным проблемам.

Воспринимая и продолжая общую буржуазную линию понимания мировоззренческих явлений, позитивизм исходит из предпосылки непричастности философии к любым мировоззренческим вопросам. Другими словами, главной чертой позитивистского осмысления «мировоззрения» выступало одностороннее противопоставление методологической и мировоззренческой функций философии, основанное на фактическом отрыве теории от буржуазной социальной практики.

Позитивистский поиск новых способов обоснования буржуазного миропонимания, заимствуя у науки ее внешнюю форму, выделяя и абсолютизируя методологическую тематику в виде «положительного» философствования, направлен одновременно и против общего мировоззренческого содержания философии. Выраженное подобным образом влияние «мировоззрения» на философское самосознание позитивизма в свою очередь преобразовалось в методологически настроенное переосмысление предмета философии, а также, на той же основе, — в элиминацию любой неметодологической «метафизики».¹²

Разумеется, объект позитивистского критицизма, т. е. конкретное содержание «метафизики» и основания ее вычисления, изменялись от направления к направлению, более того, от одного автора к другому.

¹² По оценке самих же позитивистов «воинствующая установка» против «метафизики» подчеркивается как общий знаменатель взглядов всех современных эмпириков. (См.: W. Stegmüller. Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie. Eine kritische Einführung. Stuttgart, 1967, S. 346). Возражений нет, однако, думается, что сказанное относится к позитивистам всех мастей.

Уже «первый» позитивизм О. Конта, опиравшийся по существу на кантовское противопоставление теоретического и практического разума, развивал критику мировоззренческой философии в форме противопоставления метафизического (философского) метода методу положительному.¹³ В пользу того, что подобное отношение к традиционному философскому методу было обусловлено непринятием мировоззренческой проблематики говорит тот факт, что предметом «положительной» философии О. Конта является уже не мир, как в традиционной философии, а система развивающихся человеческих знаний, и целью «положительной» философии — исследование ее специфики и методов.

Если методологическое исключение «метафизичности» гносеологической проблематики продолжалось эмпириокритиками под лозунгом «экономии мышления»,¹⁴ то в неопозитивизме, в свою очередь, подобное ее исключение представлено либо проблемой осмысления выражений языка науки, либо их уточнения или превращения в проблему терапии повседневного языка.

Согласно взглядам раннего Витгенштейна, проблематика, относящаяся к метафизике, выделяется на основе осмысленных языковых выражений. С этой точки зрения метафизическими оказываются все попытки изучения внутренней структуры действительности (ее «логической формы», если употребить терминологию самого Витгенштейна). «Для того, чтобы можно было изображать логическую форму, — говорит Витгенштейн, — мы должны были бы быть в состоянии поставить себя вместе с предложениями вне логики...»¹⁵ «Предложение **показывает** логическую форму действительности», однако то, что может быть показано, не может быть сказано»,¹⁶ т. е. оно — «мистическое». ¹⁷ Единственной «данностью» для раннего Витгенштейна оказывается язык, и единственной деятельностью, достойной философа, становится методологическое «прояснение», отделение осмысленных языковых выражений от научно неосмысленных предложений.

Уход от «метафизики» завершился в «Трактате» Витгенштейна на восстановлением идеализма кантианского типа на основе

---

¹³ О. Конт говорил: «... Человеческий дух по самой своей природе ... пользуется последовательно тремя методами мышления, по характеру своему существенно различными и даже прямо противоположными друг другу: сначала теологическим методом, затем метафизическим и, наконец, положительным методом». См. О. Конт. Курс положительной философии. т. 1, отд. 1, СПб., 1899, с. 4.

¹⁴ Критика «принципа экономии мышления» и его гносеологического значения представлена В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, с. 175—181.

¹⁵ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958, с. 51.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 97.

априорных лингвистических сущностей. Можно согласиться с термином «трансцендентальный лингвализм» одного из исследователей Витгенштейна Э. Стеннуса, данным в характеристике философской сущности «Логико-философского трактата».¹⁸ Сам Витгенштейн хорошо понимал, что он предлагает новую «мировоззренческую метафизику», и считал, что может оправдать свою философию, только рекомендуя отбросить ее посредством «уяснения» себе «бессмысленности» ее утверждений.¹⁹

Тенденция к трактовке гносеологической проблематики как «бессмысленной» метафизики, подготовленная всей эволюцией позитивизма, своеобразно продолжалась логическими позитивистами. С точки зрения самих представителей логического позитивизма, всякий осмысленный философский вопрос можно поставить не как гносеологический, а как эпистемологический, т. е. основывающийся не на соотношении сознания и действительности, а исходящий исключительно из исследования логической взаимосвязи знаний как определенной данности.

Логический позитивизм углубляет начатую Витгенштейном ориентацию на выявление метафизической проблематики «не на основе того, что может быть познано, а на основе того, что может быть сказано».²⁰

Если ранний Витгенштейн еще не считал возможным противопоставлять исследование структуры языка изучению точного его употребления, то представителями Венского кружка была проведена перестановка ударения именно на первое. Результатом подобной исследовательской активности выступало так называемое «научное миропонимание» («wissenschaftliche Weltauffassung»). Типичная трактовка последнего представлена О. Нейратом. Им подчеркивалось, что «научное миропонимание» не значит «противопоставления нового мировоззрения старому, замещения старого мировоззрения посредством разъяснения понятий, а означает тот факт, что теперь все мировоззрения противостоят «науке без мировоззрений»».²¹

По Нейрату, например, разница между научным «миропониманием» и философским «мировоззрением» состоит именно в том, что научное миропонимание руководствуется частнонаучными исследованиями с целью их объединения в «унифицированную науку». «Традиционная же философия выводит свои результаты относительно мира из основополагающих принципов».²² С Нейра-

¹⁸ E. Stenius. Wittgensteins Tractatus. A. critical exposition of the main lines of thought. Oxford, 1960.

¹⁹ Л. Витгенштейн. Указ. соч., с. 97.

²⁰ См.: Logical positivism. ed. by A. J. Ayer. N. Y., 1966, p. 11.

²¹ O. Neurath. Soziologie im Physikalismus. — «Erkenntnis zugleich Annalen der Philosophie», 1931, Bd. 2, H. 5—6, S. 394. (Далее: «Erkenntnis»).

²² O. Neurath. Wege der wissenschaftlicher Weltauffassung. «Erkenntnis», 1930, Bd. 2—4, S. 107.

том солидаризируется Мориц Шлик. «Философия вообще, — подчеркивает он, выражая общее позитивистское отношение к философии, — не может быть наукой, т. е. не может быть системой знаний...»,²³ а является лишь деятельностью, направленной на разъяснение частнонаучной картины мира. Результатом такого разъяснения выступает, по мнению М. Шлика, «позитивное» мировоззрение как самопознание науки. «Картина мира, — говорит М. Шлик, — превращается в мировоззрение не путем добавления новых мыслей, а путем того, что ее понимают».²⁴ Подчеркнутая Нейратом разработка концепции «научного миропонимания» преобразовалась, таким образом, у М. Шлика в концепцию мировоззрения без гносеологической, т. е. без мировоззренческой проблематики. Если позитивизм хочет преодолеть старую метафизику, то он не должен различать «внутреннее» и «внешнее»,²⁵ разъясняет Шлик, следовательно, он не должен интересоваться мировоззренческими вопросами.

Однако в подобном исключении «мировоззрения» Шлик далеко не оригинален.

Вместе с возникновением и распространением последовательной материалистической гносеологии методологическая элиминация гносеологического содержания «мировоззрения» постепенно стала сопровождаться позитивистской «борьбой» за «нейтральность» философии в отношении ее основного вопроса. Первый позитивизм, вырастая из осознания непригодности для делового буржуа спекулятивной «науки наук» Гегеля, а также из понимания опасности для общества предпринимателей традиций философского материализма, «выбрал средний» путь в философии.

Вдохновленные кризисом естествознания на рубеже XIX и XX веков, эмпириокритики продолжают вести яростные агностически ориентированные атаки против материалистической гносеологии во имя предполагающейся «нейтральности» философского мышления.

Отстаивание «третьего пути» в философии, т. е. ее «нейтральности» достигается, например, Э. Махом, при помощи «элементов мира. «Весь внутренний и внешний мир, — говорил Э. Мах, — состоит из небольшого числа однородных элементов...»²⁶

Против какой линии в философии направлены подобные отстаивания «нейтральности», как нельзя лучше выявляется в прагматизме Ч. Пирса. В антиматериалистической сущности

---

²³ M. Schlick. Philosophie und Naturwissenschaft. — «Erkenntnis», 1934, Bd. 4, H. 6, S. 383.

²⁴ Там же, с. 384.

²⁵ M. Schlick. Positivismus und Realismus. — «Erkenntnis», 1932, Bd, 3, H. 1, S. 4.

²⁶ См.: Э. Мах. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908, с. 254.

«опыта», при помощи которого прагматизм пытается заменить «порочную» гносеологию, не может быть сомнений, так как опыт, по Пирсу, «... охватывает весь совокупный продукт сознания... который будет включать галлюцинации, иллюзии, образы воображения, порожденные суеверием, и заблуждения всякого рода».²⁷

Традиционное для «третьего позитивизма» отношение к мировоззренческому аспекту философии обнаруживается и в синтаксических исследованиях Р. Карнапа. С его точки зрения, философия не является «ни теорией, ни системой, а лишь методом, точнее — логическим анализом, который употребляется для выявления слов без значений, бессмысленных псевдопредложений».²⁸ Методологическая элиминация «мировоззрения» подкрепляется, как правило, отстаиванием «нейтральности» философии по отношению к ее основному вопросу, так как по Карнапу именно «положения идеализма и реализма не могут быть ни обоснованы, ни опровергнуты наукой; они не имеют научного значения».²⁹ Таким образом, псевдопредложениями оказываются в первую очередь фундаментальные гносеологические положения, причем они из-за своей формы «... кажутся чем-то таким, чем они (на самом деле — Т. К.) не являются».³⁰

Хотя мировоззренческая проблематика трактуется Карнапом как образец метафизичности, основной вопрос философии все-таки решается и самим Карнапом: то ли в духе так называемого «методологического солипсизма», которого он придерживался, например, в работе «Логическое строение мира», впервые опубликованной в 1928 году,³¹ то ли в духе концепции конвенционального физикалистского языка, которую Карнап сам обозначает как «методологический материализм».³² Конечно, в последнем случае речь идет не о материалистическом решении основного вопроса философии, а также не о предположении его осмысленности. «Методологический материализм» представляет собой лишь перемену в терминологическом обозначении идеалистически-конвенционалистского отношения к действительности.

В семантическом позитивизме продолжается установившееся

---

²⁷ Цитировано по книге Ю. К. Мельвиль. Чарльз Пирс и прагматизм. У истоков американской буржуазной философии XX века. М., 1968, с. 44—45.

²⁸ R. Carnap. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. — «Erkenntnis», 1931, Bd. 2, H. 4, S. 237.

²⁹ The Logical Structure of the World & Pseudoproblems in Philosophy. by Rudolf Carnap, Berkley and Los Angeles, 1969, p. 339.

³⁰ R. Carnap. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. — «Erkenntnis», 1931, Bd. 2, H. 4, S. 240.

³¹ R. Carnap. Der logische Aufbau der Welt. B., 1928, S. 226.

³² См., напр., R. Carnap. Die physikalische Sprache als Universalsprache der Wissenschaft. — «Erkenntnis», 1931, Bd. 2, H. 5—6, S. 461.

взаимноисключающее противопоставление двух функций философии — мировоззренческой и методологической.³³

Экспликация языковых терминов, употребляемая логическими позитивистами в качестве средства обоснования буржуазного миропонимания, в лингвистической философии заменяется простым показом **употребления** терминов. Во взглядах позднего Витгенштейна, являющихся одним из источников лингвистической философии, сохраняется укоренившееся в позитивизме отношение к традиционной философии и мировоззренческой проблематике.

Поздний Витгенштейн, считая традиционные философские проблемы скорее похожими на сумасшествие, чем на теоретическую постановку вопроса, определяет свою философскую позицию как «борьбу против запутывания разума языковыми средствами».³⁴ Результатом философствования должно быть «полное исчезновение философских проблем».³⁵ Это должно достигаться как ликвидацией многочисленных лингвистических недоразумений, так и отказом от любых стремлений к псевдораскрытию якобы «скрытых», но фактически несуществующих сущностей.

Таким образом, основанный на методологическом редукционизме поиск новых путей обоснования буржуазного миропонимания превращается, в конечном счете, в устранение самой философии и всякого понимания мира в его собственном смысле.

* *
*

Позитивистские трактовки мировоззренческой проблематики, вдохновленные методологическими соображениями и «борьбой» за «нейтральность» философии, дополняются еще тезисом об «идеологичности» и, исходящей отсюда, иллюзорности и релятивности любых мировоззренческих решений. Этот аспект позитивистской интерпретации «мировоззрения», основываясь на метафизическом противопоставлении познавательного и ценностного отношения к действительности, а в особенности науки и идеологии, идет как бы параллельно с возникновением и развитием материалистического понимания истории. Острые позитивистской критики в данном случае нацелено, в первую очередь, против научного мировоззрения, против марксистско-ленинского тезиса о единстве партийности и научной объективности марксистского мировоззрения.

---

³³ В качестве представителя академического варианта семантики Р. Карнап отстаивает и в семантический период своей эволюции основные черты отношения к философским вопросам. См. Р. Карнап. Эмпиризм, семантика и онтология. — В кн.: Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959.

³⁴ L. Wittgenstein. Schriften. Bd. 1, Philosophische Untersuchungen, Oxford, 1953, S. 109.

³⁵ Там же, с. 133.

Уже О. Кант, родоначальник позитивистской тенденции в социологии, пытаясь псевдорационалистически обосновать идеалистический тезис об историческом развитии общества в виде ступенчатого развертывания самого человеческого сознания, выдвигал на первый план требование классовой «незаинтересованности» социологического исследования. Его взгляды, проповедуя «общественную гармонию» борющихся классов в буржуазном обществе, являлись глубоко противоположными материализму «не только по своему философскому характеру, но и по своему политическому назначению».^{35а}

В свою очередь «эмпириокритицизм...», — говорит В. Л. Ленин, — весь претендует на беспартийность и в философии и в общественной науке».³⁶ В гносеологии он претендует на «нейтральность», а в понимании истории на бесклассовую, на якобы свободную от идеологического содержания позицию. В. И. Ленин, раскрывая сущность антимарксистских нападок Ф. Блея (одного из учеников Р. Авенариуса) против учения Маркса, показывает, что эта, якобы «антиметафизическая» борьба ведется им путем идеалистического и релятивистского высмеивания научного, материалистического мировоззрения.

Буржуазно-объективистская линия осмысления «мировоззрения» продолжается неопозитивизмом.

Утверждения М. Шлика, например, о единстве гуманитарных и естественных наук основываются на предположениях объективистского исключения любых ценностно-идеологических утверждений из гуманитарных наук. Уклонение же О. Нейрата от мировоззренческих положений обеспечивается разработкой физикалистской социологии.³⁷ А его физикалистски обоснованное «унифицированное миропонимание» без мировоззрения оказывается своеобразным предугадыванием пресловутой концепции «конца идеологии». Например, в своей статье «Мировоззрение и марксизм» О. Нейрат отказывает марксизму в признании философского, мировоззренческого содержания, так как, по Нейрату, марксизм, если он является системой логически взаимосвязанных формулировок, уже не должен нуждаться в каких-либо особых философских дополнениях.³⁸

Р. Карнап дополняет позитивистское отношение к «мировоззрению» лишним упоминанием исходившего от Юма и разработанного в этическом учении Дж. Мура принципа строгого разделения этических положений от суждений факта. В результате

---

^{35а} Родоначальники позитивизма. Выпуск четвертый. Огюст Конт, СПб., 1912, с. 76.

³⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, с. 338.

³⁷ О. Neurath. Soziologie im Physikalismus. «Erkenntnis», 1931, Bd. 2, Н. 5—6.

³⁸ О. Neurath. Weltanschauung und Marxismus. «Der Kampf», 1931.

все мировоззренческие утверждения, необходимо выражающие ценностное отношение к действительности, оцениваются им как «метафизика». По мнению Карнапа, они «... употребляются не для изображения существующего (тогда они были бы истинные) или несуществующего (тогда они были бы неистинные) положения дел; они служат для выражения жизненного чувства».³⁹ «Метафизик уверен, — продолжает Карнап, — что он движется в области, которую можно относить к истинности или ко лжи. В действительности он похож на художника, который ничего не утверждает, а лишь выражает».⁴⁰

Однако уместно, в данном случае, иметь в виду следующее. Во-первых, научно-объективное, материалистическое мировоззрение базируется не на выражении чувств отдельного «метафизика», а на исторической необходимости развития общественной жизни. Во-вторых, логическая разнопорядковость ценностных и фактических суждений не исключает необходимого характера их обеих в структуре человеческой деятельности. Из формально-логических различий между ценностными утверждениями и утверждениями факта отнюдь не вытекает обязательная непричастность мировоззренческих посылок в отношении познавательных задач человека. Таким образом, обесмысливание мировоззренческой проблематики оборачивается в несостоятельность самой позитивистской критики мировоззрения.

Своеобразную смесь неопозитивистской эпистемологии и антикоммунистической идеологии представляют собой взгляды К. Поппера, который использует разработанную им теорию фальсификации в целях опровержения марксистско-ленинской диалектики и научного мировоззрения, а также для «доказательства» их догматичности. «... Благодаря диалектике марксизм стал догматизмом, который достаточно гибок, так как пользуется диалектическим методом, чтобы избежать возможных атак, и, таким образом, он стал тем, что я называю усиленным догматизмом»,⁴¹ утверждает Поппер, искажая суть материалистического диалектического метода.

Осуждение идеологичности, несостоятельности мировоззренческих положений любого рода наблюдается и у представителей общей семантики. Свое методологически ориентированное обес-

---

³⁹ R. Carnap. Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache. «Erkenntnis», 1931, Bd. 2, H. 4, S. 238. Между прочим, из признания или непризнания дуализма фактов и оценок вырастают, по мнению Ж. Радницкого, одного из представителей буржуазной «философии науки», две главные метанаучные школы современности — логический эмпиризм и герменевтическая диалектика. При этом он неправоммерно обнаруживает «герменевтические» тенденции и в марксистской философии. См.: Gerard Radnitzky. Contemporary Schools of Metascience. Lund, 1970, X. XXX.

⁴⁰ R. Carnap. Überwindung der Metaphysik durch logical Analyse der Sprache. — «Erkenntnis», 1931, Bd. 2, H. 4, S. 240.

⁴¹ K. Popper. Conjectures and Refutations. London, 1963, p. 334.

смысливание мировоззренческих проблем общая семантика обосновывает путем осуждения рационального мышления так называемого аристотелевского типа. Очистка мышления от «порочных» мировоззренческих структур, будто бы необходимо рождаемых в рамках европейского культурно-языкового «капсюля», освобождение мышления от мировоззренческой «путаницы» представляется сторонникам «популярной» семантики деятельностью, якобы действительно достойной мыслителя.

А. Кожибский, например, вынося приговор традиционному рациональному мышлению, объявляет философские термины простой ребяческой игрой, основанной на неправомерной идентификации (абстракции). «Мы должны заметить, — говорит он, — что все «философии», вроде деизма, старой онтологии, теологии, материализма, солипсизма, англосаксонской философии, эгоизма и различные военные и коммерческие философии, ясно показывают ... характеристики инфантилизма ...»⁴²

««Капитализм» и «принципы», — добавляет Стюарт Чейз, — созданы в наших головах при помощи языка, и при помощи языка же овеществлены. Самый могущественный микроскоп не может обнаружить их».⁴³

Таким образом, философские понятия оказываются лишь иллюзорными, подлежащими решительному устранению из позитивного словоупотребления идеологическими представлениями, а результатом подобной очистки, якобы, должно стать «оздоровление» любых общественных отношений. Несостоятельность подобных утверждений очевидна.

Приведенные концепции фактически направлены против марксизма, так как они все стремятся к увековечиванию содержания самого буржуазного миропонимания.

* *
*

Подводя итог сказанному, можно отметить следующее. Позитивизм интерпретирует проблему мировоззрения в рамках дихотомии теоретико-познавательного и ценностно-практического отношения к миру, постепенно сложившегося в европейской философии Нового времени. Эта линия, являясь философским выражением разрыва теории и буржуазной социальной практики, шла исторически от Юма к Канту. У самого Канта можно еще наблюдать и «снятие» этой дихотомии, прежде всего в понимании им «мировой» философии, использующей логическую систему знания лишь в качестве орудия.

Однако позитивизм (а также, например, неокантианство) в

⁴² A. K o r z y b s k i. Science and Sanity. An Introduction to Non-Aristotelian System and General Semantics. Lakevill, Connecticut, 1948, p. 521.

⁴³ S t. C h a s e. The Tyranny of Words. London, 1943, p. 34.

условиях глубокого кризиса буржуазного общества развивает именно то направление, фактически также наблюдаемое у Канта, которое ведет к разрыву теории и практики. Исходящей из осознания провала при откровенно идеалистическом решении теоретико-философских проблем, а также практико-гуманитарных задач буржуазным обществом, позитивизм, в различных своих вариантах, пытался на основе модели, заимствованной у науки, «переосмыслить» предмет самой философии, а также содержание ценностно-практического отношения человека к миру.

Фактически это переосмысливание являлось «теоретической» попыткой подкрепления расшатывающейся буржуазной практики. Однако категориальный аппарат обиходного буржуазного понимания мировоззрения явно не соответствовал этой задаче. Отсюда резкая элиминация мировоззренческих проблем. В гносеологическом плане позитивистское «устранение» мировоззренческого содержания философии ограничивается ничем не обоснованным сведением его к «бессмысленным метафизическим спекуляциям». В ценностно-практическом плане — провозглашением непреодолимой «внеаучной идеологичности» мировоззренческого подхода к действительности.

Вся парадоксальность позитивистской критики «мировоззрения» состоит в том, что, выступая формально в роли академического защитника философии от якобы развращающего влияния гносеологического и идеологического содержания «мировоззрения», она, в то же время, обнаруживает по внутреннему своему значению такие типичные черты, как агностицизм, субъективистский релятивизм и конвенционализм, в результате чего его претензии на научность неизбежно переросли в антинаучную критику рационального мышления и научного мировоззрения.

Подобная судьба «просветительских» идеалов позитивизма⁴⁴ невольно рождает пересмотр программы позитивистского философствования, выражающегося в ревизии укоренившегося нигилистического отношения к основному вопросу философии, а также в допущении определенных онтологических утверждений.⁴⁵

---

⁴⁴ Вся ирония позитивистского «просвещения» состоит в том, как отмечает Ж. Радницкий, что помимо всего, оно способно пораждать лишь «технократическое сознание», которое, по верному замечанию Радницкого, является концом всякого просвещения. См.: G. Radnitsky. Op. cit., p. XXI.

⁴⁵ Свидетельством подобных перестроек выступают взгляды различных представителей так называемого постпозитивизма (см. Н. С. Юлина. Постпозитивизм и «новая метафизика». — «Вопросы философии», 1974, № 1), частично называющие себя даже «научными материалистами» (см. Д. И. Дубровский. «Научный материализм» и психофизиологическая проблема. — «Философские науки», 1975, № 6; 1977, № 2).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЭСТЕТИКЕ

Л. Н. Столович

Эстетическое отношение человека к миру является одним из видов ценностного отношения. Ведь восприятие и переживание прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического представляет собой не просто познание, но непременно и **оценку** тех или иных свойств действительности и искусства. Эта оценка — единственно возможный способ освоения объекта эстетического отношения, обладающего **ценностным** значением. Художественное произведение включает в себя то, что Н. Г. Чернышевский называл «приговором о явлениях жизни»,¹ а Ф. Энгельс — «поэтическим правосудием»,² т. е. **оценочное** отношение к отражаемой действительности. Само же произведение искусства выступает в своей качественной специфике как **художественная ценность**, предполагающая **художественно-оценочную** деятельность для своего адекватного постижения. Следовательно, изучение эстетических и художественных явлений необходимо предполагает **теоретико-ценностный**, или **аксиологический** подход. Он должен осуществляться при исследовании как объективной, так и субъективной сторон эстетического отношения человека к миру, а также такого концентрированного и объективированного вида этого отношения, как искусство.

Следует различать **ценностное** мироотношение, проявляющееся в эстетическом восприятии и переживании, и **аксиологический, теоретико-ценностный** подход. Дело в том, что ценностное отношение не есть отношение теоретическое. Теоретическое же отношение К. Маркс не случайно рассматривает как противоположность «художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира».³ Разумеется, и в ценностное отношение может входить теоретическое понимание предмета

¹ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. II, М., 1949, с. 92.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, с. 67.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 728.

отношения. Художественное восприятие, например, отнюдь не исключает теоретическое осознание структуры произведения искусства, знание о его социально-исторической обусловленности, связи с предшествующем художественном развитии и т. п. Однако это осознание и знание входит в **непосредственное** восприятие и переживание, как бы Гегель сказал, «в святом виде». Если же теоретико-аналитический подход подменяет непосредственно-ценностный, то образуется тот суррогат художественного восприятия, которым неумелые преподаватели литературы в школе подменяют подлинно-художественное переживание и убивают эстетическую привязанность к «проходимым» произведениям.

Подход же эстетика к явлениям искусства, после их непосредственного духовно-практического освоения, как и любого другого человека, не может не быть теоретическим, а в идеале — научно-теоретическим. Но это теоретический подход особого рода, предполагающий существование ценностного отношения и стремящийся научно-теоретически постигнуть само это отношение. Поэтому непосредственное эстетическое восприятие и переживание, эстетический вкус и идеал, художественное творчество и оценочное восприятие его результатов становятся предметом эстетического исследования, но сами находятся в иной «плоскости», чем это исследование.⁴

Различение непосредственно ценностного отношения и теоретико-ценностного, аксиологического подхода важно не только для того, чтобы оградить специфику эстетического мировосприятия от подмены его теоретическим рационализмом, но и в ином плане. Поскольку эстетически-ценностное отношение, очевидно, является вненаучным, то смешение ценностного и аксиологического подхода дает основание для логически неправомерного вывода о том, что и аксиологический подход находится вне... науки. Рассматривать аксиологический подход, в том числе в эстетике, как вненаучный или антинаучный, значит, вольно или невольно, полагать ценностное отношение в объективной его обусловленности и в субъективном проявлении научно-теоретически непостижимым.

Если эстетическая деятельность вообще и художественное творчество, в частности, реализует ценностное мироотношение, а эстетика для их постижения предполагает аксиологический подход, то художественная критика в известной мере способна сочетать и то и другое. В отличие от эстетика, критик выявляет не

---

⁴ Этим можно объяснить одно из парадоксальнейших явлений истории эстетики: эстетическая теория И. Канта, оказавшая в различных отношениях сильнейшее воздействие на всю последующую эстетическую мысль, непосредственно не опиралась на современную ему художественную практику. По словам В. Ф. Асмуса, «интерес Канта к вопросам эстетики основывался не на непосредственном интересе к искусству и к его социальной функции» (В. Ф. Асмус. Иммануил Кант. М., 1973, с. 389).

ценностное значение искусства в целом, а тех или иных конкретных произведений, которые непосредственно оцениваются им. Таким образом, критик выражает непосредственно оценочное отношение к художественным произведениям и стремится это отношение передать читателю двумя путями: во-первых, через само изложение своей точки зрения, публицистически или эссеистски, обращаясь порой и к художественным средствам для выражения своего ценностного отношения; во-вторых, аксиологически обосновывая именно это свое отношение, апеллируя к эстетической теории, стремящейся определить общие критерии художественных оценок. В. Г. Белинский метко определил художественную критику как «движущуюся эстетику». Она действительно выступает как эстетическая теория в ее действительном, практическом выражении, как аксиологически обоснованная оценка. Поэтому художественная критика способна, с одной стороны, подыматься до собственно художественного творчества, а, с другой, быть инобытием самой эстетики, формой выражения эстетической теории, как у Лессинга и Дидро, Белинского и Добролюбова.

Мы проводим различие между ценностным и аксиологическим подходом как между практикой и теорией ценностного отношения. Однако, утверждая теоретический характер последнего, мы не считаем любой аксиологический метод способным к научно-теоретическому познанию сущности ценностного отношения. Аксиологический подход в эстетике, как и любой другой подход — гносеологический, социологический, психологический, семиотический и т. п. — может реализоваться в различных методах. Аксиологический метод в эстетике исходит из той или иной философско-аксиологической концепции — неокантианской, феноменологической, экзистенциалистской, натуралистической и т. д. Притом, аксиологические методы могут различаться даже в пределах одной общей концепции и в этом феноменологическая аксиология Р. Ингардена не тождественна аксиологическому методу в эстетике Н. Гартмана. В марксистской эстетике аксиологический подход предполагает аксиологический метод, опирающийся на диалектико- и историко-материалистическое понимание сущности ценностного отношения.

Что дает аксиологический подход эстетической теории? Прежде всего он позволяет более основательно постигнуть специфику эстетического отношения. Будучи ценностным по своей природе, эстетическое отношение человека к миру диалектически противостоит такому внеценностному мироотношению, как теоретическое, проявляющемуся в философии и научном познании. Конечно, и наука и философия не могут обходиться без оценочных суждений. Одной из важнейших задач философии является обоснование системы ценностных ориентаций, которой должны направляться человеческое поведение и деятельность. Но при

этом философия не выходит за пределы теоретического отношения к самим ценностям. В науке же оценочный момент в большей степени характеризует процесс исследования (ведь здесь большую роль могут играть нравственные и эстетические факторы), чем его результат. В эстетической же сфере ценностное начало непосредственно пронизывает все уровни сознания — восприятие и переживание, вкус и идеал.

Правда, ценностное начало само по себе не составляет специфику эстетического отношения. Духовно-практическим, ценностным характером обладает не только эстетическое и художественное, но и утилитарно-практическое, нравственное и религиозное мировосприятие. Однако выявить специфические различия между этими видами мировосприятия можно только, учитывая их общую ценностную природу, а в интересующем нас случае, сопоставляя эстетическое отношение с утилитарно-практическим, нравственным и религиозным на ценностном уровне.

История нашей эстетики неоспоримо свидетельствует, что игнорирование аксиологического подхода приводило к тому, что эстетические ценности действительности и прежде всего прекрасное, а также художественная ценность искусства либо вообще оказывались вне поля внимания исследователей, либо представлялись односторонне с вульгарно-социологической или с вульгарно-гносеологической точки зрения. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в трудах по марксистской эстетике, свободных от вульгаризации ее принципов, теоретико-ценностный подход никогда не предавался забвению. Г. В. Плеханов считал, что анализ «художественных достоинств» произведения искусства — необходимая задача критики и эстетики.⁵ А. В. Луначарский полагал, что «эстетика есть наука об оценках»,⁶ и критиковал вульгарную социологию искусства за игнорирование эстетических оценок и путаницу в этом вопросе. В 30-ые и 40-ые годы глубокие мысли о природе эстетической ценности содержались в книгах Мих. Лифшица и Ивана Виноградова, в трудах А. Адамяна, В. Ф. Асмуса, А. Ф. Лосева, посвященных истории эстетической мысли.

С середины 50-х годов эстетики, ставившие вопрос об эстетической природе и сущности искусства, стремились подойти к пониманию явлений искусства не только с гносеологической точки зрения, но учитывая их эстетически-оценочное значение. Именно такой, по сути дела, теоретико-ценностный подход и дал возможность поставить на обсуждение коренные проблемы эстетического отношения к миру в его объективной обусловленности и в субъективном проявлении, начать разработку категорий, отражающих и закрепляющих эстетически-ценностное отноше-

⁵ См. Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, с. 212.

⁶ А. В. Луначарский. Основы позитивной эстетики. М.-Пг., 1923, с. 38.

ние — прекрасное, трагическое, космическое. Начавшаяся в это время дискуссия о сущности эстетического, по существу, была дискуссией о природе эстетической ценности.

С начала 60-х годов в нашей философии была реабилитирована «ценность» как философская категория, достойная научного исследования, и аксиологическая проблематика стала предметом обстоятельного рассмотрения.⁷ Нельзя не отметить, что на постановку проблемы ценности в отечественной философской литературе несомненно оказала влияние эстетика в ее стремлении раскрыть природу эстетического как ценностного отношения. Но, с другой стороны, под воздействием философии, так сказать, стихийно-аксиологический подход стал теоретически осознанным. В результате этого повысился уровень философско-теоретической культуры исследований и для многих эстетиков, несмотря на все разногласия в понимании эстетического, стала очевидной важность применения в эстетике теоретико-ценностного, аксиологического подхода.⁸

Аксиологический подход предполагает учет того существенно различия, которым обладает познавательно-теоретическое отношение человека к миру и отношенческое ценностное. Познавательно-описательное суждение типа: «Этот предмет имеет прямоугольную форму» содержит в себе информацию о свойстве предмета, не зависящем от человека и человечества. Суждения же типа: «Этот предмет полезен», «Этот предмет красив», «Этот человек справедливый» заключают в себе другого рода информацию: они прежде всего выражают **оценочное отношение** к пред-

---

⁷ До этого времени теория ценности, или аксиология, не представлялась иначе, как в системе идеализма и буржуазного мировоззрения. Вот один из примеров такого рода представлений: «Аксиология (буквально: наука о ценностях) — модное реакционное течение в буржуазной философии, рассматривающее все явления с точки зрения их «духовной ценности», т. е. приемлемости или неприемлемости для буржуазии» (Примечание редакции к книге С. Четтерджи и Д. Датта «Введение в индийскую философию», М., 1955, с. 366).

⁸ Наиболее развернутое возражение против аксиологического подхода в эстетике и ценностной природы красоты приводит В. С. Корниенко. Автор книги «О законах красоты» полагает, что «теория красоты как ценности» «не выдерживает научной критики», потому что считать красоту ценностью — это значит, по мнению В. С. Корниенко, отказаться от объективности красоты как свойства самой действительности. Таким образом, отрицание аксиологического подхода в эстетике обосновывается тем, что сама ценность не представляется иначе, как чисто субъективное явление, т. е. с позиций субъективно-идеалистической аксиологии. Впрочем, обвинять В. С. Корниенко в сознательном аксиологическом идеализме было бы несправедливо, т. к. об уровне его осведомленности в аксиологии свидетельствует следующий аргумент против «теории красоты как ценности»: «сама красота используется людьми не только как ценность или благо, но часто и во вред», «красивая упаковка табачных изделий и эстетически привлекательный вид алкогольных напитков способствует их широкому внедрению в быт, что в конечном счете приносит вред людям» (В. С. Корниенко. О законах красоты. Харьков, 1970, с. 183).

мету или человеку, т. е. характеризуют предмет или человека не просто как объективную реальность, но в ее отношении к реальности субъективной. Несомненно, объективные свойства природной и общественной действительности раскрываются в их **значении**, во-первых, для непосредственно оценивающего их субъекта и, во-вторых, через его оценку для определенной социальной общности людей. Ведь речь идет не просто о том, что предмет **для меня** полезен или красив, а человек **для меня** добр или справедлив, но что я данный предмет и человека рассматриваю сквозь призму выработанных всем человеческим обществом общих понятий «полезное», «красивое», «справедливое» и определенных общих критериев полезности, красоты, справедливости, сформировавшихся в той общности людей, к которой я принадлежу.

Ценности представляют собой не просто предметы, явления, а их **объективные значения** для человека и общества, значения, образующиеся в процессе общественно-исторической практики. Мы рассматриваем ценности в качестве объективных не потому, что они существуют вне отношения к человеку и обществу (таким образом их трактует объективно-идеалистическая аксиология), но именно потому, что они выражают объективные значения предметов и явлений для общественного человека и человеческого общества.⁹ Наряду с **объективным значением**, образующимся в процессе общественно-исторической практики, ценность обладает также **значением субъективным**, придаваемым объекту ценностного отношения самим субъектом, — значением, которое А. Н. Леонтьев называет «личностным смыслом».¹⁰ Субъективное значение ценности, в той или иной степени соответствующее или несоответствующее ее объективному значению, проявляется в оценочной деятельности субъекта, в **оценке**, через которую осваивается ценность.

Аксиологический подход в эстетике предполагает раскрытие тех **объективных значений**, которые обретает явление в процессе общественно-исторической практики, становясь эстетически ценным, а также обнаружение **субъективных значений** эстетической ценности, фиксируемых в эстетически-оценочной деятельности — в эстетическом восприятии и переживании, в эстетическом вкусе и идеале. При этом, разумеется, ни в коем случае не отвергается гносеологический подход к изучению эстетического отношения —

---

⁹ Обоснование такого понимания объективности ценности и ее критерия автор настоящего раздела стремился дать в книге «Природа эстетической ценности» (М., 1972, с. 35—92).

¹⁰ В статье «Деятельность и сознание» А. Н. Леонтьев совершенно правильно настаивает на необходимости для психологии различать «объективное значение какого-либо явления и его значение **для субъекта**» — «личностный смысл» («Вопросы философии», 1972, № 12, с. 137). Не меньшая важность такого различения и с точки зрения аксиологии.

учет того, что эстетическое сознание отражает объективную реальность. Однако в эстетике гносеологический подход не должен осуществляться без аксиологического, ибо только последний способен показать, **какую именно** объективную реальность отражает тот **особый тип** сознания, который называется эстетическим. Отрыв гносеологического подхода от аксиологического и привел некоторых наших эстетиков к той концепции, по которой прекрасное представляет собой природное качество, существующее независимо от человека и человечества, а эстетическое сознание сводится только к познанию этого качества.¹¹ Показательно, что даже эта концепция не рискнула подобным же образом интерпретировать комическое и трагическое. Чисто гносеологическое рассмотрение не в состоянии осмыслить эти категории.

С аксиологической точки зрения представляется возможным не только раскрыть сущность категорий «трагическое» и «комическое»,¹² но и охватить все категории объекта эстетического отношения — прекрасное и безобразное, возвышенное и низменное, трагическое и комическое — единой системой классификации. Основания для классификации этих эстетических категорий могут быть различными¹³, но коль скоро речь идет о категориях, отражающих **ценностные** свойства явлений, то *fundamentum divisionis* не может не быть аксиологическим.

Интересную аксиологическую концепцию для классификации эстетических категорий предлагает Б. С. Цоцонава. Он полагает, что красота есть ценность вообще, а возвышенное, трагическое, комическое — оценка моментов ценности. При этом трагическое — эстетическая оценка этической ценности, комическое же — эстетическая оценка логической ценности.¹⁴ Нельзя не отметить ряд справедливых соображений автора этой оригинальной концепции о понятиях «трагическое» и «комическое». Однако эта концепция не учитывает в должной мере эстетическую специфику трагического и комического, сводя ее только к особенностям

---

¹¹ Например, по мнению В. С. Корниенко, отвергающего, как мы видели, теорию красоты как ценности, «эстетическое в природе (красота или безобразность) представляют собой совокупность естественных материальных свойств предметов или процессов» («О законах красоты», с. 63).

¹² В трудах Ю. Б. Борев а впервые в нашей эстетической литературе наиболее обстоятельно охарактеризованы категории трагического и комического. В последних своих работах Ю. Б. Боров подчеркивает ценностную природу этих категорий, исходя из того, что «эстетика — наука о национально, классово, исторически обусловленной сущности общечеловеческих ценностей, их создании, восприятии, оценке и освоении» (Ю. Боров. Эстетика. М., 1969, с. 8).

¹³ Вопрос о классификации эстетических ценностей и отражающих их категорий рассматривался нами в книге «Природа эстетической ценности», с. 159—167.

¹⁴ См. Б. С. Цоцонава. Эстетическая ценность и ее основные формы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Тбилиси, 1970, с. 37.

оценки ценностей, не являющихся эстетическими — этических и логических.

По нашему же мнению, рассматриваемые эстетические категории отражают сложное переплетение противоположностей объекта эстетически-ценностного отношения — эстетической ценности и антиценности.¹⁵ Если прекрасное и безобразное противостоят друг другу как эстетическая ценность и антиценность, то возвышенное и низменное уже в известной мере выступают как поле борьбы между ними в том случае, когда возвышенное некрасиво, а низменное наделено внешней красотой. Трагическое и комическое образуются в результате более сложного переплетения сил, возникающих в борьбе ценности с ее антиподом. Трагическое можно рассматривать схематически; как утверждение эстетической ценности явления, которое гибнет в противоборстве с враждебными ему силами. В трагическом утверждается ценность, но сам факт трагедии, сама смерть, гибель, страдание, очевидно, ценностью не являются. Комическое тоже не есть ценность, но оно не сводится и к антиценности. Антиценность в той или иной степени присуща явлению или отдельным его сторонам, обладающим комизмом. Но сам комизм выражает несостоятельность антиценности, несостоятельность, которую и обнаруживает чувство комического. Комическое — утверждение ценности через отрицание ее отрицания.

«Распределение» категорий эстетического объекта между понятиями «эстетическая ценность» и «антиценность» можно представить следующим образом:

Эстетическая ценность

прекрасное
возвышенное
трагическое
комическое

Эстетическая антиценность

безобразное
низменное

Одно из отличий эстетического отношения от религиозного состоит в том, что религиозная ценность и антиценность далеко

---

¹⁵ В аксиологической, как и в связанной с ней логической, эстетической и этической, литературе нет единого мнения относительно объема понятия «ценность». По мнению одних, термин «ценность» охватывает «не только положительные и отрицательные ценности, но и нулевые» (А. А. Ивлин. Основания логики оценок. М., 1970, с. 13). Другие полагают, что, в отличие от оценок, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, ценность «имеет только положительный знак» (В. П. Тугаринов. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968, с. 13). Эта полемика, как нам представляется, носит чисто терминологический характер. Отдавая дань языковой традиции, мы понятие «ценность» будем употреблять как выражение **положительного** значения того или другого явления, предмета. Предмет или явление, имеющее отрицательное значение в границах ценностного отношения, мы, как некоторые другие авторы будем называть «антиценностью».

не всегда совпадают с полюсами объекта эстетического сознания. Основную эстетическую ценность — прекрасное — теология и подведомственная ей эстетика определяла то как божественную по своей природе, то как дьявольское наваждение. С другой стороны, для поэта, ставящего вопрос:

Скажи, откуда ты приходишь, Красота?
Твой взор — лазурь небес иль порожденье ада?
Ты Бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?

ответ представляется следующим:

Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,
Освобождаешь мир от тягостного плена,
Шлешь благовония и звуки и цвета!¹⁶

Для религиозного сознания его объект обладает ярко и четко выраженной полярностью: Бог — Дьявол, Христос — Антихрист, Ангел — черт, святой — поганый, праведник — грешник и т. д. Полярно и эстетическое отношение, но полярзация в эстетической сфере проявляется, как мы видели, более сложно, чем в религиозной. Образы, создаваемые искусством, далеко не всегда возможно разделить на агнцев и козлиц.

Конечно, аксиологический подход сам по себе не гарантирует решение всех и всяческих эстетических проблем. Мы уже отмечали, что в рамках теоретико-ценностного подхода возможны различные и даже противоположные аксиологические методы. В нашей эстетической и аксиологической литературе развиваются разные концепции ценности вообще и эстетической, в частности, по-разному трактуется соотношение объекта и субъекта, объективного и субъективного в ценностном отношении. Так, если с той точки зрения, которой придерживается автор этих строк, различение понятий «ценность» и «оценка» имеет принципиальное значение, поскольку в этом различении обнаруживается диалектическая противоположность объективного и субъективного знания ценности, то, по взглядам других исследователей, «без оценки нет и не может быть никакой ценности» и «разница между «ценностью» и «оценкой» по существу чисто словесная», а эстетическая ценность «представляет собой продукт эстетической оценки».¹⁷

Аксиологическая концепция, исходящая из отождествления ценности и оценки, не позволяет органически сочетать аксиоло-

¹⁶ Шарль Бодлер, Гимн Красоте. — В сб.: Цветы зла. М., 1970, с. 40—41.

¹⁷ Б. С. Цоцонава. Эстетическая ценность и ее основные формы, с. 7, 8, 37.

гический подход с гносеологическим, т. к. при этом отождествляется объект и субъект ценностного отношения и снимается сама проблема истинности оценки. Но помимо этого, без выявления существенного различия между объективными и субъективными значениями ценности мы теряем возможность обнаружить важные особенности собственно эстетического отношения в сопоставлении с другого рода ценностными отношениями, например, с религиозным. В любой ценности может быть несоответствие между ее объективным и субъективным значениями. В религиозной же ценности этого несоответствия не может не быть. Для верующего религиозной ценностью обладает тот предмет, в котором выражено, по его верованию, божественное начало. Реально же этот предмет имеет другое значение: он включен в такую систему общественных отношений, которая и порождает представление о сверхъестественном. Неизбежное несоответствие между субъективным и объективным значениями религиозных ценностей проявляется также в том, что для верующего остается скрытой действительная социальная роль этих ценностей, имеющих определенно-направленные регулирующие, организационные, коммуникативные и компенсационные функции. Конечно, далеко не всегда «личностный смысл» эстетических ценностей совпадает с их объективным значением, однако между ними существует принципиальное соответствие. Если в их объективном значении выражено **реальное утверждение** человека в действительности, степень развития свободы и свободного развития человека и общества, то в субъективном значении проявляется **духовное утверждение** человека, его чувство свободы. Что же касается религиозных ценностей, то их объективные и субъективные значения резко противостоят друг другу. Если их «личностный смысл» может вызывать в верующем человеке положительные эмоции, дает утешение и приносит ощущение счастья, то в объективном своем значении эти ценности выражают, в конечном счете, отчуждение человека и превратность общественных отношений.

Аксиологический подход незаменим в эстетике так же и потому, что только благодаря ему раскрывается категория «художественная ценность». Конечно, искусство, «художественное» обладает не только аксиологическим «срезом». Ведь понятие «художественное» имеет значение и как ценностная характеристика искусства («высокохудожественное» или «малохудожественное» произведение) и как свидетельство формальной принадлежности произведения к области искусства. Поэтому и возможны парадоксальные факты существования малохудожественных или даже антихудожественных «художественных» произведений. Правда, отрицательная эстетическая оценка суррогатов искусства, порожденных бездарностью или халтурой, тоже имеет аксиологи-

ческое основание, однако, внеаксиологические подходы, конечно, необходимы при изучении произведения искусства.

Так, М. С. Каган в капитальном труде, посвященном морфологии искусства, выявляет **онтологический** критерий классификации искусства — разделение искусств по их пространственному и временному бытию.¹⁸ Правильно отмечается и **семиотический** критерий, исходящий из особенностей знаковых систем, представленных в том или другом виде искусства.¹⁹ Но правомерность неаксиологических подходов не только не отрицает, а скорее предполагает необходимость аксиологического подхода и его сочетания с иными подходами, сочетания, без которого специфика искусства в принципе непостижима. Хороший пример сопряжения семиотического и аксиологического подходов при классификации искусства мы находим в только что упомянутой книге.

Автор «Морфологии искусства» полагает, что «поскольку предметом искусства является мир ценностей, постольку художественный образ оказывается **знаком ценности**». Исходя из этого М. С. Каган говорит о двойной возможности постижения ценностей в искусстве: «1) представляя нашему созерцанию (реальному или мысленному, безразлично) **носителей ценности в их реальном обличьи** — предметы природы, вещи, самого человека, его конкретные поступки или 2) не показывая тех или иных носителей ценности, а **непосредственно раскрывая ценностное отношение к определенным сторонам бытия или к жизни вообще**».²⁰ В соответствии с этим, образные знаки являются **изобразительными** (в живописи, графике, скульптуре, фотоискусстве, художественной литературе, актерском искусстве) или **неизобразительными** (архитектура, прикладные искусства, дизайн, музыка, танец), когда «художественный язык не воссоздает конкретность материального бытия, а разворачивает перед нами состояния ценностного сознания».²¹

Аксиологический аспект важен и для морфологической характеристики жанра искусства. Наряду с дифференциацией жанров в тематическом, познавательном и модельно-образном отношении, существует, как совершенно правильно отмечает М. С. Каган, «аксиологическая плоскость дифференциации жанров», выражая ступенчатое движение от одного аксиологического полюса к другому: жанры, воплощающие максимальную степень **положительной** оценки жизненных явлений (гимн, ода, памятник, дифирамб, героическая поэма, храм) и жанры наиболее резкого

¹⁸ См. М. Каган. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III. Л., 1972, с. 269—280.

¹⁹ См. там же, с. 280.

²⁰ Там же, с. 282.

²¹ Там же.

отрицания, сатирические; жанры, воплощающие не полярные виды эстетических оценок: трагические (трагедия, реквием, элегия, похоронный марш, мемориальные архитектурные и скульптурные сооружения) и юмористические (фарс, водевиль, шарж).²²

Подчеркивая важность сочетания в эстетическом исследовании аксиологических подходов с неаксиологическими, мы должны во избежании путаницы отдавать себе отчет в их различии. Обратимся к такой сложной проблеме, как тип и метод художественного творчества. Несомненно, при рассмотрении этой проблемы нельзя обойтись без гносеологического подхода. С точки зрения этого подхода, тип творчества, представленный в реалистических методах, обладает несомненно наибольшими **познавательными** возможностями. Но следует ли на этом основании делать вывод, по которому в **ценностном** отношении реалистические методы превосходят любые другие? Следует различать гносеологический и аксиологический даже при характеристике самих реалистических методов. А. А. Фарбштейн правильно, по нашему мнению, видит в эстетической категории «реализм» гносеологический, семиотический и аксиологический аспекты и считает, что «гносеологическая интерпретация рассматривает реализм с точки зрения познавательных возможностей искусства», в то время как «аксиологический подход дает возможность определить реализм как тип художественной ценности».²³

Реалистические произведения могут обладать высокой художественностью. Но ценность реализма не нуждается в обесценении методов художественного творчества, принадлежащих к другим типам творчества. Конечно, нельзя сводить сам реализм к жесткому набору тех или иных стилистических признаков, но, в то же время нет необходимости безгранично расширять понятие реализма, чтобы художественно реабилитировать произведения искусства, вызванные в жизни готикой или барокко, классицизмом или романтизмом. Различные познавательные возможности разных видов искусства (например, художественной литературы, с одной стороны, и музыки, архитектуры, прикладных искусств, с другой) не делают их неравноценными в художественном отношении. Дело в том, что правдивость, правильность отражения, истинность знания — один из важных, но не единственный критерий художественной ценности. Последняя в аксиологическом аспекте определяется «параметрами» всех основных элементов структуры искусства: степенью правдивости и мерой творческого мастерства, богатством выраженного духовного

²² См. М. Каган. Морфология искусства, с. 416—418.

²³ А. А. Фарбштейн. О реализме как эстетической категории. Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 187, «Труды по философии», X, Тарту, 1966, с. 123.

мира художника и значительностью воплощенных общественных идеалов, соответствием эстетической оценки эстетической сущности отражаемых явлений и соответствием содержания форме, силой воспитательного воздействия и способностью доставлять наслаждение.²⁴

Не может вызвать сомнение то, что категория «художественная ценность» должна исследоваться в аспекте аксиологического подхода. Однако уже на аксиологическом уровне эта категория может быть осмыслена по-разному, в частности, в связи с тем, как в ней соотносятся эстетические и внеэстетические ценности. Так, М. С. Каган полагает, что понятия «эстетическое» и «художественное» взаимопересекаются, т. е. не только эстетическое может быть внехудожественным, но и художественное — внеэстетическим. По его мнению, содержание искусства «не сводится к воссозданию эстетического аспекта жизни»²⁵ и реалистическое искусство «изучало и воссоздавало мир как сложное переплетение эстетических и внеэстетических ценностей — утилитарных, нравственных, религиозных, политических, даже экономических».²⁶

Мы же придерживаемся того взгляда, по которому сама эстетическая ценность включает в свое содержание многообразные общественно-человеческие отношения, и поэтому эстетическое мироотношение не только не исключает нравственных, политических и т. д. отношений, но преломляет их специфическим образом. Все эти отношения имеют также свой эстетический аспект. В конкретно-чувственном проявлении они могут выступать как прекрасные или безобразные, как возвышенные или низменные, как трагические или комические. Именно поэтому они могут включаться в содержание искусства. И с другой стороны, включаясь в содержание искусства, различные общественные отношения обнаруживают свой эстетический аспект и способны воздействовать на сознание людей по законам эстетического, т. е. воздействовать не на какую-либо одну человеческую способность, а на целостную совокупность всех высших способностей, на человеческую личность в целом, на ее ощущения, эмоции, интеллект, волю, воображение.

Разумеется, художественное произведение само может обладать «вторичной» ценностью — утилитарной, нравственной, политической, религиозной и даже экономической. Но это возможно

---

²⁴ Связь структуры искусства с его художественной ценностью и последней с различными типами художественного творчества мы стремились выявить в статье «Опыт построения модели художественной деятельности» (Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 324, «Труды по философии», XVII, Тарту, 1974).

²⁵ М. С. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. Издание второе, расширенное и переработанное. Л., 1971, с. 220.

²⁶ Там же, с. 221.

только потому, что существует его «первичная» ценность — художественно-эстетическая. Без этого произведение превратится просто в утилитарно-полезную вещь, в нравоучительную дидактику, в предмет культового назначения, в товарную единицу со сниженной ценой. Это в лучшем случае, а в худшем — оно своей антихудожественностью способно скомпрометировать те ценностные представления, которые было намерено пропагандировать. Художественная ценность не может не быть эстетической, хотя не все эстетические ценности являются художественными. Художественные ценности — это эстетические ценности, созданные творческой деятельностью человека, чтобы отразить объективное эстетически-ценностное богатство мира и выразить субъективное эстетическое к нему отношение.

Если предложенное решение проблемы не претендует на бесспорность, то не может быть сомнения в том, что сама проблема соотношения различных видов ценности имеет большое практически-воспитательное значение и разработка ее теоретически важна как для общей теории ценности, так и для ее специальных разделов в экономике и религиоведении, в этике и эстетике.

Рассмотрение значения для эстетики аксиологического подхода, основанного на диалектико- и историко-материалистической методологии показывает, что этот подход взаимодействует с другими — гносеологическим, социологическим, семиотическим, психологическим. В эстетическом исследовании правомерна различная ориентация: можно изучать искусство и другие эстетические явления, акцентируя внимание на любом из подходов. Нельзя упрекать ученого за то, что он к эстетическим и художественным явлениям подходит со стороны теории познания или психологии, социологии или семиотики. Однако, если какой-либо из этих подходов абсолютизируется, то теоретические выводы будут неизбежно односторонними. Это относится и к аксиологическому подходу. Будучи противопоставленным другим подходам и, прежде всего, гносеологическому, аксиологический метод может привести к отрицанию отражательного характера эстетического отношения, к игнорированию познавательных возможностей искусства, его коммуникативной функции и социального воздействия.

Вместе с тем аксиологический подход, реализованный в подлинно научном методе органически взаимосвязан с другими научными методами. Как правильно отмечает А. Зисъ, «аксиологическая концепция может быть плодотворной лишь при условии, если она не противопоставляется гносеологической, а, напротив, исходит из признания органического единства познания и оценки».²⁷ Познание и оценка диалектически предполагают друг

---

²⁷ А. Зисъ. Природа искусства и пути его исследования. — «Коммунист», 1971, № 18, с. 101.

друга. С одной стороны, «именно активная природа отражения побуждает нас теоретически осмыслить аксиологическую сторону как непреходящий элемент художественного познания».²⁸ С другой же стороны, оценка представляет собой особый вид отражения — отражения, специфическим объектом которого являются ценностные свойства предметов и явлений действительности, которое осуществляется сквозь призму определенной ценностной установки. Так как ценность имеет знаковый аспект и обладает коммуникативной функцией, то аксиологический подход предполагает семиотический и, с другой стороны, семиотическое исследование искусства должно учитывать его ценностную природу. Изучение эстетического отношения как ценностного не может быть без психологического и социологического подходов, поскольку ценностное отношение — социально-психологический феномен, который не может существовать без взаимопроникновения интересов и потребностей личности и общества. Вместе с тем печальные уроки вульгарной социологии предостерегают против игнорирования аксиологического подхода. Психологический метод, не учитывающий ценностный характер духовного мира человека, проявляющегося в эстетическом освоении мира, в художественном творчестве и восприятии его результатов, пройдет по касательной мимо специфической сферы эстетического.

Эстетическое мироотношение — явление в высшей степени синтетическое и постижение его невозможно без системного единства и взаимодействия различных подходов. При этом не будет преувеличением сказать, что аксиологический подход играет роль связующего звена. Конечно, любой подход принципиально связан с другим, как, например, гносеологический — с семиотическим, психологическим, социологическим и т. д.; семиотический — с гносеологическим, психологическим, социологическим и т. д. Но эти связи способствуют выявлению специфики эстетического и художественного в той мере, в какой они опосредуются аксиологическим подходом, учитывая ценностную природу исследуемого объекта.

---

²⁸ А. Зис с.б. Указ. работа.

О ПОЗИТИВИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ФИЛОСОФИИ ПРАВА» В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. Н. Грязин

Современное развитие научно-правовой мысли выдвинуло в центр внимания ряд методологических вопросов познания юридических явлений. Эти проблемы обсуждаются в данный период как в марксистской, так и в буржуазной теоретической литературе. Одним из центральных вопросов методологической проблематики юридической науки является вопрос о месте философии права в системе юридического знания.

Понятию «философия права» в марксистской литературе последних лет придавалось различное содержание — оно отождествлялось с общей теорией государства и права, с историческим материализмом, с правосознанием как формой общественного сознания; оно рассматривалось также как гносеологическая теория правопведения и как форма синтезирующего обобщения юридических знаний. Последний взгляд весьма распространен также и в современной буржуазной юридической науке.

Основные методологические концепции права в современной буржуазной теории могут, в конечном счете, быть сведены к общим направлениям «правового реализма» и «правового концептуализма»¹. В данном случае следует обратить внимание на разное осмысление данных терминов в философской и правовой литературе. Под концептуализмом буржуазными юристами понимается вся т. н. традиционная философская юриспруденция, включая труды классиков немецкого идеализма и марксизма. Правовой реализм тесно связан с позитивизмом. Отрицая самостоятельное значение общих теоретических понятий, «правовой реализм» рассматривает их как результат простого обобщения или как инвариант частных словоупотреблений. В своих край-

---

¹ См. напр. M. Radin. Law as Logic and Experience. New-Haven. Yale Univ. Press, 1940, p. VII—VIII.

ностях это направление становится на позиции релятивизма и номинализма.²

Концепция философии права как «объединения» юридических знаний не нова. Она была развита на принципах позитивистской методологии еще в середине прошлого века и получила распространение в русской дореволюционной либерально-буржуазной правовой мысли. Возрождение этой концепции в современной буржуазной литературе придает рассмотрению позитивистской концепции философии права и ее критике в русском дореволюционном правоведении определенную актуальность. Именно в позитивистском направлении русской буржуазно-либеральной правовой мысли наблюдается наибольшее сосредоточение внимания относительно проблем познания права,³ поскольку позитивистская философия ориентировалась на изучение вопросов, связанных с процессом познания в частных науках. В статье будет рассмотрен и вопрос, тесно связанный с позитивистской концепцией философии права — вопрос о способности позитивистски построенного знания отражать процессы реального развития общества.

Реформы 1861 года затронули весьма широкую область государственно-правовой жизни — судебное устройство и процессуальное право, административное управление, нормы материальных (т. е. непроцессуальных) прав и т. п. В 1911 году В. И. Ленин писал: «Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию».⁴

Конец же XIX века ознаменовался началом пролетарского этапа революционной борьбы в России, обострением классовой борьбы, вследствие чего заметно усилилась крайне реакционная роль крупной буржуазии. А так как крупная буржуазия все яснее начинала проявлять свое экономическое господство, то эти обстоятельства, вместе взятые, и повлекли за собой принятие ряда контрреформ, направленных на сохранение существовавших ранее порядков, например, расширение прав жандармерии в 1871 году, передача дел по обви-

---

² См. напр. G. Cohn. *Existentialism and Legal Science*. N.-Y.: Oceana Book, 1967.

³ Ряд имен, представленных в данном направлении (Шершеневич, Коркунов), обладали в свое время международным авторитетом. Следует, однако, отметить, что среди современных буржуазных идеологов их имена остаются затемненными другими авторами, относящимися к этому же периоду. Речь идет о своего рода «воскресении» иррационалистической концепции Н. Бердяева. (Напр., его «Философия свободы», М., 1911). Однако один из его современников справедливо заметил, что философия права Бердяева является лишь «следствием разочарования в знаниях». (Б. А. Кистяковский. *Социальные науки и право*. М., 1916, с. 8). Последние два десятилетия знаменуют собой постепенное понижение роли позитивистской концепции в буржуазной философии. Популярность же мистицизма Бердяева объясняется, видимо, усилением позиций экзистенциалистского направления и тем самым имеет мало общего с философскими вопросами научного познания.

⁴ В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, т. 20, с. 165.

нению в преступлениях против управления из окружных судов (присяжных) в судебные палаты или военные суды, принятие в 1871 году «Положения о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия» и т. д.

Раздвоение позиций буржуазии в целом выступало особенно рельефно. В. Д. Зорькин пишет: «Заинтересованная в установлении парламентарных институтов, она из-за боязни революционного крестьянства и пролетариата в то же время мирилась с царизмом. Это служило питательной почвой политического движения и политической теории буржуазии — либерализма».⁵

Умеренность либеральных программ, идеализирование государственной формы конституционной монархии, воззвания к восстановлению «духа 1861 года», преувеличение значения чисто академических дискуссий, — все это отражало социально-политическое положение русской буржуазии конца XIX века.⁶ Созвучность русской буржуазно-правовой мысли с ведущими в то время западными идеями, несмотря на феодальную отсталость и реакционность царско-чиновнического правопорядка («православие, самодержавие, народность») лишней раз подтверждает положение марксизма о том, что право и правосознание наряду с их обусловленностью экономическим базисом обладают также и определенной внутренней логикой развития, связь которой с социально-политической действительностью прослеживается иногда лишь косвенно.

Любое философское учение, претендующее на правильное отражение мира, неизбежно вынуждено считаться с фактом развития, изменения, движения объективной реальности и человеческого познания. Отражение этих сложных процессов предполагает явное или неявное признание определенной общеметодологической схемы построения теоретического знания, принципов категориальных отношений. Одной из таких схем была философия Гегеля. Глубина раскрытия диалектики, совмещенная с энциклопедическим охватом исследования в учении Гегеля, по свидетельствам К. Маркса и Ф. Энгельса, произвело громадное впечатление на философские умы своего времени и во многом предопределила дальнейшее развитие общетеоретической мысли. Заметным было и влияние Гегеля на развитие русской буржуазной философской мысли. Наиболее видным последователем его идей явился профессор права, идеолог либеральной буржуазии Б. Н. Чичерин.

Параллельно с учением Гегеля, достигшем наибольшей высоты идеалистического рационализма, зарождалось и другое философское направление — позитивизм, получивший также значительное распространение в русской дореволюционной буржуазной теоретико-правовой мысли. Если учение Гегеля являлось продолжением классической немецкой философии и, в каком-то смысле, ее «венцом», то позитивизм занял по отношению

⁵ В. Д. Зорькин. Из истории буржуазно-либеральной мысли России второй половины XIX и начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М., 1975, с. 5.

⁶ В ряде статей В. И. Ленин показал, что либеральное движение буржуазии не является по существу революционным, а добывается компромисса с царизмом. Ленин писал: «Либералы — враги революции» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, с. 10).

к философской традиции весьма радикальную позицию: объявив классическую философию «метафизикой», умозрительной спекуляцией, лишенной какого-либо здравого смысла, позитивизм вообще отверг классическое понимание философии, а также ее роль в научном познании. В «Журнале гражданского и уголовного права» (1882 г., кн. 4 и 5) представитель позитивистского направления в русской буржуазно-правовой мысли, профессор Петербургского университета Н. М. Коркунов писал: «Любопытный момент переживает теперь наука права. Вспоенная и вскормленная под кровом метафизических систем, с падением их она очутилась вдруг лицом к лицу с новым философским мирозерцанием, опирающимся на прочное основание положительного знания, допускающего лишь строго научный метод».⁷ Цель познания — обобщение. Коркунов отмечает и источник потребности в обобщении, а именно: «нравственное удовлетворение познающего индивида». Такое стремление очень сильно. Оно готово заменить недостающий опыт чисто мыслительным путем. Метод такого спекулятивного обобщения может дать единую картину мира. Однако возможны многочисленные способы такого обобщения. В то же время невозможно найти объективные основания для того, чтобы отдать предпочтение одной из них перед другими. Такой путь рассуждения, по мнению Коркунова, неизбежно должен был привести к отрицанию метафизических спекуляций, что и было сделано в учении Конта.⁸

Отвергая, таким образом, умозрительный характер философии Гегеля, позитивизмом было, как мы увидим далее, отвергнуто и то ценное, что было в его учении — диалектический метод. Непосредственное же острое критики Н. М. Коркунова было направлено против того варианта гегелевской философии, которое было развито в трудах Б. Н. Чичерина. Одно из дополнений Чичерина к учению Гегеля заключалось в следующем.

Если диалектическое развитие совершается, по Гегелю, в трех последовательных логических формах — тезис, антитезис, синтезис, то у Чичерина таких логических ступеней четыре: конкрет-

⁷ Следует подчеркнуть, что указанные труды находились в стороне от основного пути философской мысли, проложенной с середины прошлого века в направлении, указанном Марксом и Энгельсом. Ленин неоднократно отмечал, что различия в учениях буржуазных философов, которые им самим нередко казались крайне существенными и принципиальными, на деле являлись лишь незначительными видоизменениями более общих течений философской мысли. Таким образом, несмотря на определенные различия во взглядах официальных правоведов царской России, можно отметить определенную подверженность влияниям Конта — хотя в некоторых случаях и в «отрицательном» плане (т. е. труды, основанные на критике его взглядов). Принятие учения Конта создавало лишь видимость восполнения пробела, образовавшегося отсутствием единой фундаментальной основы научного познания в качестве альтернативы материалистической диалектики.

⁸ Н. М. Коркунов. Лекции по общей теории права. СПб., 1898, с. 3—5.

ное сочетание, единство, множество, их соотношение. Так, если у Гегеля противопоставлены право и мораль и их конечным соединением является нравственность, то Чичерин добавляет еще понятие общежития, как изначальное конкретное состояние.

В целом, отрицая философию Гегеля за ее умозрительный характер, Н. М. Коркунов все же предпочитает умозрительность Гегеля умозрительности Чичерина. По сравнению с Чичериним, концепция Гегеля обладает, по мнению Коркунова, серьезным достоинством: «Формула Гегеля содержит в себе несомненно момент поступательного развития, эволюции». У Чичерина это движение «не поступательное, а вращательное, циклическое. С его формулой нельзя уйти вперед, а топчешься на одном месте». Чичерин «признает одинаково возможным... начинать с каждого из четырех определений. Раз конец совпадает с началом, нет, собственно говоря, ни начала, ни конца, а только безвыходный круг... Поэтому в истории мысли г. Чичерин видит только «постоянное повторение одних и тех же воззрений».⁹

Схема Чичерина по мнению Коркунова не может быть выдержана до конца. Коркунов приводит ряд примеров, в которых сам Чичерин нарушает ее принципы и явно пренебрегает фактической точностью приводимых им данных. «Автор так уверен в исключительном методологическом достоинстве своей схемы, что фактические данные представляются ему чем-то совершенно второстепенным, едва заслуживающим внимания. Только этим можно объяснить встречающиеся у него местами поразительные фактические погрешности».¹⁰

Из этой критики Чичерина Коркуновым видно, что Коркунов отдает предпочтение такой философии, которая способна отражать процесс эволюции. Эта тенденция — стремление к отображению развития — характерна позитивизму первого этапа. Противопоставляя свою философию «метафизическим» концепциям, О. Конт характеризовал ее как «действительное познание истинной истории».¹¹ Конт считал, что «его» теория о трех фазах в человеческой истории (теологической, метафизической, положительной) является логической (по словам самого Конта «догматической») формулой истинного развития процесса познания, обусловленного «природой человеческого духа».¹² Еще более рельефно эта позиция наблюдается в плоско-эволюционистском учении Г. Спенсера, ставящей своей задачей отражение «развития», «вечно меняющихся отношений», «великого преобразования вселенной».¹³ По мнению Спенсера, его концепция должна

⁹ Н. М. Коркунов. История философии права, СПб., 1908, с. 362—363.

¹⁰ Там же, с. 368, 370—371.

¹¹ О. Конт. «Курс положительной философии», т. I. СПб., 1900, с. 34.

¹² Там же, с. 4.

¹³ Г. Спенсер. Основные начала. Киев, 1886, с. 134, 135, 365.

являться «путевдой нитью» в будущее, т. е. обладает прогностической функцией.¹⁴

Основной целью применения «положительного метода» является, таким образом, отражение развития (эволюции), основанное на фактическом материале. Логично было бы предположить, что позитивистский отказ от гегелевской схемы означал принятие концепции исторического развития Конта или Спенсера.¹⁵ То, что этого не произошло, объясняется специфическим пониманием природы философии, следующим из общих методологических принципов раннего позитивизма.

Рассмотрим далее, как решался этот вопрос в русской позитивистской теоретико-правовой литературе.

Исследуя один аспект этого вопроса, проблему соотношения философии и частных наук, Г. Ф. Шершеневич (профессор Казанского университета) в работе «История философии права» оставляет за философией лишь ту сферу, которая еще не покрыта самостоятельными науками.¹⁶ Рассуждая о будущем философии, он формулирует вопрос следующим образом: «... Может быть, существует такая область мысли, которая остается и навсегда останется вне научного исследования, а потому способна действительно составить исключительно достояние философии». Некоторые склонны видеть такую область в теории познания. Но теория познания, по мнению Шершеневича, выступает уже как частная наука. Философия, в таком случае, теряет свой специфический характер. Кроме того, эта область «уже почти занята логикой и психологией».¹⁷ Поскольку философия не может быть также построена как «метафизика», то неизбежно встает вопрос о соотношении науки и философии. Следовательно, задача философии, по мнению Шершеневича, состоит в объединении результатов частных наук в целях построения «цельного мироздания».¹⁸ Именно такое понимание, считает Шершеневич, имеет исторические корни и способно объять все предшествующие философские системы. (Г. Спенсер писал: «Давая опреде-

---

¹⁴ Г. Спенсер. Личность и государство. СПб., 1908, с. 82.

¹⁵ У Спенсера в роли общего закона, отражающего развитие в обществе, выступает движение от «военного государственного режима» к «промышленному режиму» и через определенные промежуточные фазы их перехода. (Г. Спенсер. Личность..., с. 82).

¹⁶ Г. Ф. Шершеневич. История философии права. СПб., 1907, с. 3—4 и его же: Общая теория права. М., 1911.

¹⁷ Там же, с. 5.

¹⁸ Там же, с. 7. Понимание «философии» как простого обобщения знаний, очевидно, одна из наиболее характерных черт позитивизма. Несмотря на те значительные изменения, которые претерпел позитивизм Конта, Отто Нейрат еще в 1944 году писал, что общетеоретические понятия могут быть либо метафизическими спекуляциями, либо метафорами, принципиально переводимыми на язык эмпирических наблюдений. (O. Neurath. Foundations of the Social Sciences. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1944, p. 4).

лению философии самую простую и ясную форму, мы скажем: знание низшего порядка есть знание *необъединенное*, наука — знание *отчасти объединенное*, философия — знание *вполне объединенное*).¹⁹ В «Общей теории права» Шершеневич раскрывает понятие «объединение» следующим образом. Например, понятия «право», «государство», «наказание» и др. используются в большей или меньшей мере во всех отраслевых юридических науках, но наполняются неодинаковым содержанием. «И нет науки, которая бы объединила все эти понятия и подвергла их одновременной однородной критике, устранила бы те противоречия, которые создаются вследствие ограниченности материала» (т. е. материала каждой из отраслевых наук). Осуществить это должна философия. Несмотря на некоторую расплывчивость понятия «единовременной, однородной критики» возможен вывод, что философия выполняет, по мнению Шершеневича, в отношении отдельных отраслей права функцию поиска инварианта различных понятий.²⁰

Н. М. Коркунов рассуждает так.

Развитие наук привело к их дифференциации. Вследствие этого человеческое знание выступает в качестве свода между собой не связанных научных идей и теорий. Таким образом, для унификации знания требуется уже выделение особой науки, которая занималась бы изучением других наук, «определением духа каждой из них», выражением их взаимоотношений и связей. Такая наука должна, при возможности, сводить их частные принципы к меньшему числу общих принципов, «строго держась положительного метода».²¹ Это обобщение получается следующим образом. Во-первых, — анализ наших представлений, их разложение на составные элементы и поиск общих элементов. Во-вторых, — комбинирование полученных элементов, исходя из целей научного исследования, и получение новых понятий. И, в-третьих, — классификация полученных научных понятий.²² «При таком взгляде на дело обобщенное знание уже не отличается от специального своим источником. Оно не отрешается от данных опыта, не получает метафизического характера, не претендует

¹⁹ Г. Спенсер. Основные начала, с. 6.

²⁰ Г. Ф. Шершеневич. Общая теория права. М., 1911, с. 17. Б. Н. Чичерин отмечал: «Заметим, что у Конта не совсем ясно, что следует разуметь под однородностью учения...» (Б. Н. Чичерин. Положительная философия и единство науки. М., 1892, с. 4). Видный буржуазный криминалист XIX века Ангельм Фейербах в известном труде «Идея и необходимость универсальной юриспруденции» писал о необходимости сравнения прав всех стран с целью выявления их общих инвариантных черт, что и составило бы впоследствии «универсальную юриспруденцию», чистую науку права. (Подробнее см. С. Л. Зивс. О методе сравнительного исследования в науке о государстве и праве. — «Советское государство и право», 1964, № 3).

²¹ Н. М. Коркунов. Лекции..., с. 6.

²² Н. М. Коркунов. Сборник статей 1877—1897. СПб., 1898, с. 57.

на абсолютное значение. Оно ставит себе задачей лишь высшую степень обобщения того же самого познания явлений, следовательно, познания относительного, что составляет содержание и специальных наук».²³ Таким образом, речь идет о своего рода «синтезе наук».

Итак, методологическая программа Коркунова сводится к тому, чтобы получить индуктивным путем новое знание, основанное на строго эмпирическом материале.

Таким образом, пытающееся описать общий ход исторического развития, учение Конта о трех стадиях не было принято потому, что оно не вытекало из общих методологических установок самого позитивизма и оказывается с точки зрения позитивистской методологии «метафизичным».²⁴

Как справедливо отмечает советский философ И. С. Нарский, «это учение оказалось малопримемым для большинства тех философов, которые выступили в роли хранителей и продолжателей позитивистской традиции. Они хотели быть позитивистами, но немногие из них ... пожелали стать последователями Конта».²⁵ Контом совершена та же непоследовательность, за которую позитивист Коркунов упрекал волевою теорию Йеринга — за внесение в теорию «метафизических» исходных понятий.²⁶ После отвержения классической философской традиции и умозрительных элементов в учении самого основоположника позитивизма, можно сказать, что концепция философии как объединения знаний являлась следствием радикального пересмотра традиционного понятия философии вообще. Дополнение же Контом позитивистской методологии спекулятивным учением о трех стадиях развития

---

²³ Позитивистское учение Конта получило свое специфическое научно-правовое выражение в направлении англо-американского «правового реализма» (см. напр., K. N. Llewellyn Jurisprudence, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1962, pp. 3—41.) Тут, однако, уже нет речи о проблеме обобщения а скорее — наоборот: целью правопведения провозглашается изучение (опять-таки при помощи позитивистского метода) действительной юридической практики, того, «что суды на самом деле делают». Связь правового реализма и позитивизма отмечена и Коркуновым (Н. М. Коркунов. История философии права, СПб., 1908, с. 409), однако этот способ применения позитивистского метода к реальному процессу функционирования правового механизма признается им несостоятельным. Причина такой оценки четко выражена С. П. Мокринским: «Не каузальная оценка права, как явления социальной жизни, но само право, как таковое, нормативная природа права составляет предмет юриспруденции» (С. П. Мокринский. Система и метод науки уголовного права. СПб., 1906, с. 3—4).

²⁴ В. Д. Зорькин отмечает, что принятие методологических основ контовского позитивизма далеко не всегда означало принятие его социологической концепции. (В. Д. Зорькин. Юридический позитивизм: некоторые аспекты соотношения с философским позитивизмом и позитивистской теорией права. — «Вестник Московского университета», серия: «Право», 1977, № 2, с. 10).

²⁵ И. С. Нарский. Очерки по истории позитивизма. М., 1960, с. 63.

²⁶ Н. М. Коркунов. История ... с. 416.

общества свидетельствует о том, что эта методология сама по себе процесса общественного развития не отражала.

Основная буржуазная критика позитивизма в области философии права исходила из лагеря неогегельянства. Защищая права рационального мышления и дедуктивной логики, Б. Н. Чичерин писал: «Умозрительные определения человеческого разума, или способы понимания явлений, составляют цельную систему, развивающуюся по собственным внутренним признакам... Метафизика в человеческом сознании развивается по тому же самому закону, как царство растений и животных, откуда, в свою очередь, вытекает неотразимое заключение, что она составляет такое же реальное начало, как и то, которое лежит в основании органической жизни».²⁷ Несмотря на идеалистичность взглядов, Чичериным был выдвинут ряд справедливых возражений позитивизму.

Два года спустя после появления книги Коркунова Б. Чичерин писал о состоянии социологии (в контовском смысле): «... Поле тут совершенно чистое: пиши, что хочешь! Беда в том, что как бы мы ни посмотрели на социологию, будем ли мы видеть в ней абстрактную или конкретную науку, в обоих случаях «осуществление ее логических возможностей» встречает неодолимые препятствия».²⁸ В чем же состоят, по мнению Чичерина, принципиальные трудности позитивистской социологии?

Во-первых, если социология, как философия общества является конкретной наукой, то она должна воплотить в себе весь общественно-научный фактический материал. Это практически невозможно и будет неизбежно заменено спекуляцией.

Во-вторых, если социология как философия общества абстрактная наука, то ей необходимы общие принципы, которые могут быть получены либо индуктивным, либо дедуктивным путем. Индуктивный путь построения философии общества невозможен, поскольку соответствующие общественные науки «основаны на метафизике». Невозможен и дедуктивный путь. Дедукция из «метафизики» противоречит самой идее положительной философии, как философии человеческого опыта. Невозможна и дедукция из принципов других наук в силу иного характера закономерностей и явлений, изучаемых этими науками.²⁹

Как видно, Чичерин довольно метко раскрыл основные внутренние противоречия принципов позитивистской методологии. Таким образом, наряду с обнаружением противоречия, пользуясь выражением Энгельса, «системы» и «метода» в рамках самой

---

²⁷ Б. Н. Чичерин. Положительная философия..., с. 324—325.

²⁸ Б. Чичерин. Философия права. М., 1900. Б. Н. Чичерин — выдающийся русский правовед и политический мыслитель, профессор государственного права, Почетный член Академии наук.

²⁹ Б. Чичерин. Философия права..., с. 10—11.

позитивистской методологии, выявляется и принципиальная невыполнимость этой программы. Для позитивизма существовало две альтернативы — либо абсолютная полнота фактических данных, либо умозрительная спекуляция. Так как первое недостижимо, то невозможна и подлинная наука, достоверное знание. Общее знание оказывается, таким образом, лишь «наиболее удобной и рациональной»³⁰ формой организации опыта. Позитивистская эпистемология оказывается не гносеологией, а теорией упорядочения обобщенного знания.

*

Шершеневич заявляет, что взаимоотношение философии и философии права есть «прежде всего отношение части к целому, от которого она (философия права — И. Г.) не может отличаться по существу»³¹ и в другом месте: «Отличие ее (философии права от философии вообще — И. Г.) не качественное, а только количественное: среди юридических наук философия права призвана играть в миниатюре ту же роль, которая выпала на долю философии в отношении всего человеческого знания».³²

Понимание самой философии ставит таким образом и ясный отпечаток на рассуждения о философии права. Философия права, считает Шершеневич, должна устанавливать основные категории правовой науки, абстрагируясь от их конкретно-юридического содержания, «не применяясь к тому разнообразию содержания, какое дается условиями времени и места ... Она ищет постоянное в изменяющемся».³³

«Решение такой теоретической задачи, — продолжает Шершеневич, — возможно только при том условии, если философия права откажется от исканий сущности основных понятий в материальной стороне, а постарается открыть ее с формальной стороны».³⁴ «Без перехода к формальному моменту философия права не выполнит своей задачи — дать правоведению основные понятия, независимые от исторического многообразия ... Только при формальном направлении философии права возможна история права и сравнительное правоведение».³⁵

Таким образом, цель философии права ясна — добиться объединения всего правового знания путем формального анализа и синтеза частных правовых понятий. В конечном итоге должны

³⁰ О. Конт. Курс..., с. 25.

³¹ Г. Ф. Шершеневич. Общая теория права. М., 1911, с. 25.

³² Там же, с. 9—20. (Анализ современных взглядов буржуазных правоведов на соотношение философского и юридического позитивизма см. В. Д. Зорькин. Юридический позитивизм..., с. 3—13.)

³³ Там же, с. 20.

³⁴ Там же, с. 21.

³⁵ Там же.

быть достигнуты общие понятия «государства», «права» и т. д., являющиеся инвариантными всех частных отраслевых трактовок.³⁶

Если Шершеневич на словах не отрицает значения философии права как методологической науки, то Н. М. Коркунов при определении задач философии права придерживается еще более узкой точки зрения. Он говорит о философии права лишь в смысле создания общего учения о праве.³⁷ Философия права может иметь при этом значение лишь предварительной стадии в деле создания общей теории права.

Коркунов решительно возражает против более широкого понимания философии права. Он пишет: «Понимание философии права как особой науки предполагает, во-первых, возможность познания помимо чувственного опыта и, во-вторых, необходимость, или по крайней мере, желательность полного отделения сверхчувственных элементов знания от знания эмпирического».³⁸ И то и другое, по мнению Коркунова, невозможно. При этом в своей борьбе против более широкого понимания философии права Коркунов пользуется следующим приемом. Он ведет родословную философии права с Гуго Гроция, т. е. с возникновения школы естественного права. Более того, порою Коркунов отождествляет философию права с учением школы естественного права. Такой прием предоставляет ему возможность вести борьбу под видом борьбы с естественной школой права, с философской постановкой правовых вопросов вообще. Следует отметить, что на этот прием буржуазных правоведов обратил внимание в свое время итальянский марксист Антонио Лабриола.³⁹

Несмотря на некоторые различия, Коркунов и Шершеневич обнаруживают полную общность взглядов в понимании того, чем

---

³⁶ Г. Ф. Шершеневич. *Общая теория...*, с. 17. Понимание философии права как простого обобщения отраслевых правовых знаний встречается нередко и в современной буржуазной литературе. Так, например, в идеалистически направленном труде Ф. Кастберга речь идет о праве как таковом (т. е. право как идеальное) и его соотношении к действительному, положительному знанию о праве, являющемся обобщением частных случаев, требующих официального вмешательства (F. Castberg. *Problems of Legal Philosophy*. Oslo and London: Oslo Univ. Press, 1957, pp. 1, 42—43, 54). Э. Боденгеймер описывает формирование правовых понятий следующим образом: «Правовые понятия могут быть рассмотрены как рабочие инструменты, применяющиеся с целью сопоставления, при помощи коротких описаний, типичных ситуаций, которые характеризуются идентичными или общими элементами». (E. Bodenheim. *Jurisprudence. The Philosophy and Method of the Law*, Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1962).

³⁷ Н. М. Коркунов. *Лекции...*, с. 26—29.

³⁸ Там же, с. 20. Обратим внимание на заметное влияние в данном фрагменте не только контовского, но и махистского позитивизма, проявляющегося здесь в сведении всего опыта к опыту чувственному.

³⁹ А. Лабриола. *Очерки материалистического понимания истории*. М., 1960, с. 156—157.

философия права не может быть, а именно она не может быть теорией познания.⁴⁰

Г. Ф. Шершеневич пишет: «Встречаются попытки отвести философии права область, чуждую какой-либо юридической науке. Такую специальную область должна составить теория познания права, преследующая вопрос не о том, что такое право, а о том, как мы его изучаем... Но философия права, как и вообще философия, не может, не потеряв своего философского характера, стать специальной наукой...»⁴¹ Действительно, если признать философию только «объединением» частных знаний, то не может быть и речи о ее гносеологической функции.⁴²

Индуктивизм такой методологии придает научному знанию феноменалистский характер. Как известно, уже Конт считал, что наука не только не должна, но и не способна что-либо объяснить, а может лишь описывать.^{42а} Той же точки зрения придерживался и Спенсер. И так как лишь объясняющий уровень теоретической науки может выполнить прогностическую функцию, то феноменалистское знание оказывается не способным определить общие пути дальнейшего научного поиска.

Гносеологическим значением обладает знание только в том случае, если оно правильно отражает определенные закономерности внешнего мира, если оно истинно. Истинное же отражение сложного объекта включает в себя и его объяснение на основе раскрытия более глубоких условий и закономерностей его существования и развития. Описания же, их обобщения даже в наиболее полном виде, такой природой не обладают.

Противоречие между программой позитивистской методологии и ее реализацией особенно рельефно выступает в известном труде О. Конта «Дух позитивной философии». С одной стороны, считает Конт, цель предлагаемой им методологии в исследовании законов явлений, но, с другой стороны, наше познание никогда не будет «в состоянии проникнуть в тайну их образования». Это противоречие становится объяснимым, если принять во внимание, что под законами Конт понимал «постоянные отношения, существующие между наблюдаемыми явлениями».^{42в} Таким образом, указанное противоречие принимает

⁴⁰ Н. М. Коркунов. Лекции..., с. 24.

⁴¹ Г. Ф. Шершеневич. Общая теория..., с. 19.

⁴² Теоретически одной из наиболее весомых оппозиций позитивизму в рамках самой буржуазно-правовой мысли являлось, очевидно, неокантианское направление, возглавляемое Б. А. Кистяковским. В данном случае он резонно отмечает, что теория, построенная как простое обобщение, может дать лишь «сводку эмпирически добытых знаний о явлениях, но не объяснить их» (Б. А. Кистяковский. Социальные науки..., с. 393—394).

^{42а} Наиболее характерной чертой любого «метафизического» знания является, по Конту, стремление к раскрытию сущности изучаемого. (О. Конт. Дух позитивной философии. СПб., 1910, с. 14.)

^{42в} Там же, с. 17.

новый вид, становясь противоречием между чувственно-эмпирическим характером науки и ее прогностической функцией.

Критика приложений позитивистской философии к проведению нередко встречалась в статьях, опубликованных в специальной периодике. Основная тенденция такой критики состояла в обосновании необходимости привлечения дедуктивно выведенных понятий в юридических исследованиях.

Так, цивилисты А. Гольмстен и С. Пахман рассматривали философию права как изучение чисто логических соотношений правовых категорий и определенных вневременных правовых аксиом⁴³ (например: «кто осуществляет свое право», тот никому не вредит», «никто не может нарушить свое право» и т. д.). Эти юридические принципы должны выражать не правовые догмы, а логическую необходимость. В какой-то мере налицо продолжение гегелевского способа изучения права. Логика этой критики такова: если указанные соотношения понятий всеобъемлющи, необходимы и чисто индуктивным путем невыводимы, то соответствующая позитивистская программа не в состоянии раскрыть сущностные связи правовых явлений.

Другой основной аргумент заключается в следующем. Выведение теоретических юридических понятий индуктивным путем может основываться лишь на предположении о совпадении содержания и формы и права, «что в форме права может заключаться только право и ничего более».⁴⁴ На самом деле, как отмечает В. Э. Вальденберг, содержание правовой нормы может быть неправовым по своему существу (выражая, например, нормы морали, моды и т. д.) или же, являясь правовым, исходить не из «начал права», а из начал «не-права».⁴⁵ Эти различия феноменалистическая теория раскрыть не способна. Так некий А. Котельников отмечал, что оценка действующего права может быть осуществлена лишь с позиции признания права как «должного» в его противопоставлении праву как «сущему».⁴⁶

В современном буржуазном правоведении концепция философии права как сопоставления права «сущего» и права «должного» развивается в трудах Х. Харта.⁴⁷

---

⁴³ А. Гольмстен. Этюды о современном состоянии науки права. — «Журнал гражданского и уголовного права», 1884, № 3, с. 91—126; С. Пахман. О современном движении в науке права. — Там же, 1882, № 3, с. 1—68.

⁴⁴ В. Э. Вальденберг. О задачах философии права. — «Вопросы философии и психологии», 1897, № 40, с. 925. В. Э. Вальденберг — автор ряда публицистических статей по вопросам юридического образования, учебника по торговому праву и обширной монографии о философско-правовом наследии Т. Гоббса.

⁴⁵ В. Э. Вальденберг. Указ. соч.

⁴⁶ А. Котельников. Философия права как самостоятельный предмет юридического факультета. — «Наблюдатель», 1893, № 6, с. 65—74.

⁴⁷ Н. Л. А. H a r t. Positivism and the Separation of Law and Morals. — In: «Philosophy of Law», California: Dickenson Publishing, 1975.

Итак, можно сделать некоторые выводы. Позитивистское направление в русской дореволюционной юридической мысли ставило перед собой основными целями отражение поступательного развития правовых явлений, логическое обобщение понятий на основе индукции из строго-эмпирического материала. Принятие спекулятивной концепции О. Конта могло создать видимость решения этой задачи, но противоречило бы второй цели. Первая цель не была достигнута. Чистоиндуктивное же построение теории феноменалистски прикрывало диалектику сущности и явления, формы и содержания права, лишая, таким образом, теорию ее объясняющей функции.

Буржуазная критика методологических принципов позитивизма в данном случае исходила из идеалистических основ учения Гегеля. Конкретная критика позитивистской концепции философии права обосновывала необходимость рационального изучения некоторых, наиболее общих понятий правовой теории. Идея о сопоставлении права как «сущего» и права как «должного» имплицитно содержит в себе методологическую необходимость в общей мировоззренческой позиции при изучении правовых явлений.

Такой прочной мировоззренческой основой марксистской философии права являются диалектический и исторический материализм, выступающий и в качестве методологического базиса изучения природы, общества и мышления.

Как отмечалось в начале статьи, проблема роли философии права как методологической теории в системе юридических наук является в данный момент ключевой для решения некоторых принципиальных вопросов познания юридической науки в целом. В советской литературе эти вопросы связаны, в первую очередь, с работами С. С. Алексеева, А. М. Васильева, В. П. Казимирчука, Д. А. Керимова, В. О. Тененбаума, В. А. Шабалина и др.

Несмотря на ряд спорных моментов, по которым научные дискуссии еще продолжаются, основная идея сводится к следующему. Возникновение специфических гносеологических проблем познания юридической науки свидетельствует о существовании некой полуфилософской научной дисциплины (т. н. философии права), занимающей место между общей теорией права и историческим материализмом. Чему же учат нас уроки прошлого?

Вряд ли может идти речь о марксистской философии права (как следствии наиболее высшей степени развития философской мысли — марксизма) как о простом индуктивном обобщении частных правовых наук. Более оправданным является акцентирование методологической функции марксистской философии во всех частных правовых науках. Задача философии заключается не столько в простом объединении частнонаучных выводов, сколько в изучении теоретического аппарата этих наук.

Высказывались мнения, что гносеологический анализ наук является характерной чертой позитивизма. Приведенный небольшой обзор дает основания, кроме того, для обратного вывода — позитивизм, в данном случае, открыто выступал против такого подхода и именно позитивистская методология оказалась неспособной решить гносеологические проблемы научного познания права.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ XIX ВЕКА

Р. Н. Блюм

«Шестидесятые годы — слишком серьезное явление в исторической жизни России, и они заключали в себе такую всеобщую обновляющую силу, что о них следует или совсем не говорить, или говорить только с тем глубоким уважением к людям и идеям того времени и к вожакам общественного сознания, какое вызывается величием самого явления и прогрессивным местом, которое оно занимает в ряду других явлений русской истории».¹

Н. В. Шелгунов

Шестидесятые годы XIX века были тем временем, когда началось формирование важнейших политических и идеологических направлений, определивших развитие страны на многие десятилетия вперед.² Естественно, что эта эпоха привлекала и привлекает внимание многих исследователей русской общественной мысли. Имеется довольно большая литература, обсуждающая с разных сторон идейные течения, теоретические взгляды всех более или менее значительных шестидесятников, их отношение к кардинальным проблемам своего времени. Уже сам факт наличия такой литературы требует предпослать данной статье два необходимых разъяснения.

Первое. Автор видит свою задачу ни в введении в научный оборот каких-либо новых фактов, ни в подробном анализе взглядов на революцию тех или других шестидесятников. И то и дру-

¹ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, Н. Л. Михайлов. Воспоминания. Т. I. М., 1967, с. 138.

² «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию». В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, с. 174—175.

гое сделано в работах М. К. Лемке, В. Е. Евгеньева-Максимова, Б. П. Козьмина, Ш. М. Левина, М. В. Нечкиной, Э. С. Виленской, Ф. Ф. Кузнецова, Р. В. Филиппова, Л. Э. Варустина, П. С. Рейфмана, Е. Л. Рудницкой, Н. Н. Новиковой, Я. И. Линкова, Н. Г. Сладкевича и многих других исследователей.³

Целью статьи является философско-социологический анализ проблемы революции в системе взглядов наиболее известных представителей радикальной общественной мысли 60-х гг. В советской литературе уже сложилась традиция такого анализа. Достаточно назвать работы Г. Г. Водолазова, И. К. Пантина, Ю. Ф. Карякина, Е. Г. Плимака, А. И. Володина, В. Г. Хороса.⁴ Выбор предмета исследования определяется, с одной стороны, тем, что до сих пор в литературе отсутствует общая картина взглядов шестидесятников на революцию, а, с другой, стремлением автора проверить и уточнить концепцию развития революционной мысли, которая сформулирована в прошлых работах⁵ и

---

³ М. К. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907; Его же. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1907; В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбом. Л., 1936; Его же. Последние годы «Современника». М., 1939; Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; Его же. Литература и история. М., 1969; Его же. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957; Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века. М., 1958; Э. С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.) М., 1965; Ее же, Худяков. М., 1969; Ф. Кузнецов. Журнал «Русское слово». М., 1965; Его же. Публицисты 1860-х годов. М., 1969; Р. В. Филиппов. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова (1863—1866). Петрозаводск, 1964; Его же. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ» (1863—1874). Петрозаводск, 1967; Л. Е. Варустин. Журнал «Русское слово» 1859—1866. ЛГУ, 1966; П. С. Рейфман. «Современник» и «Русское слово» перед «расколом в нигилистах». «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 251, Труды по русской и славянской филологии XV. Тарту, 1970; Е. Л. Рудницкая. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975; Н. Н. Новикова. Революционеры 1861 года. М., 1968; Я. И. Линков. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1965; Н. Г. Сладкевич. Очерки истории общественной мысли России в конце 50 — начале 60-х годов XIX века. ЛГУ, 1962; Сборники: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1960, 1962, 1965, 1968, 1970, 1974.

⁴ Г. Г. Водолазов. От Чернышевского к Плеханову. МГУ, 1969; И. К. Пантин. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973; Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966; В. Г. Хорос. Народническая идеология и марксизм. М., 1972, А. И. Володин, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Чернышевский или Нечаев? М., 1976.

⁵ Р. Н. Блюм. О понятиях «политическая» и «социальная» революция. «Ученые записки ТГУ», вып. 324, Труды по философии XVII, 1974; Проблема революции в русской общественной мысли дореформенного периода. Там же; Проблема революции во взглядах Д. И. Писарева. — «Ученые записки ТГУ», вып. 404, Труды по философии XIX, 1977.

тем самым определить место революционной теории шестидесятников в истории русской революционной мысли.

Известно, что в трактовке многих важнейших событий шестидесятых годов среди советских исследователей существуют разногласия, которые в значительной степени определяются пробелами в фактическом материале и различием первичных установок. При этом нередко недостаточно учитывается, что взгляды революционного теоретика не беспорядочное собрание разнородных идей, а целостность, система, где имеются устойчивые логические связи. «Истинное действительно только как система», — очень точно подчеркивал Гегель. В системе взглядов революционного мыслителя центральное место, без сомнения, занимает понимание им сущности и характера революции, сущности и характера социального изменения вообще. Именно это понимание и составляет образующую теоретической системы, характеризует определенный тип революционного мышления. Такой тип всегда связан с некоторой философско-социологической позицией и во многом зависит от нее. На основании этой позиции и вытекающего из нее типа революционного мышления можно со значительной точностью предсказать, как будут решаться тем или иным мыслителем конкретные проблемы в различных сферах общественной жизни.

Мы исходим из гипотезы, что развитие революционной мысли определяется борьбой и взаимодействием двух основных концепций революционного процесса: **политической** и **социальной** концепций революции. На наш взгляд, многие трудности, возникающие при интерпретации идейных поисков шестидесятников, и в особенности при анализе теоретических споров и расхождений внутри революционного лагеря, окажутся легче разрешимыми, если подходить к ним с точки зрения указанных концепций.

И второе. Определенное расхождение заглавия статьи с предметом обсуждения требует сделать некоторые уточнения. Революционные взгляды Чернышевского, Добролюбова, Писарева рассмотрены нами отдельно в другом месте (см. сноску 5). Поэтому в данной статье их взгляды специально не анализируются. Не обсуждаются также неревolutionные и контрреволюционные идеи, достаточно широко распространенные тогда в различных кругах русского общества.

Абстрактное единство политического и социального подходов к революции, характерное для теории Чернышевского и Добролюбова, уже в начале 60-х годов распадается на противоположности. Политическая и социальная концепции революции разошлись и оказались в состоянии заметного идеологического противоречия. Констатируя это расхождение, нельзя не сказать, что оно характеризует лишь **главную** линию развития взглядов на революцию в рассматриваемое время, особенно после ареста Чернышевского. Что касается начала 60-х годов, то было бы,

по-видимому, упрощением сводить все существующие революционные идеи к концепции Чернышевского и его ближайшего окружения. Духовная жизнь того времени была столь богата, что рисовать ее одним цветом — значит исказить историческую действительность. «Сохраняя общие основы, революционная теория имела большое число оттенков. Выявление этих оттенков и их значения в процессе идейной эволюции задача не менее важная, чем подведение под общий знаменатель этих оттенков».⁶

Часто за противопоставлением либерального и революционно-демократического лагерей, между которыми в то время проходил главный политический и идеологический водораздел, из поля зрения исследователей выпадают различия, порой существенные, внутри этих лагерей. Несомненно, мешает также широко распространенное представление, что то или иное отступление от революционной позиции Чернышевского автоматически означает переход «по ту сторону баррикады». С этим же связано стремление унифицировать революционную деятельность ранних шестидесятников, во что бы то ни стало найти общий центр, общий план, единую и единственную организацию во всех без исключения антиправительственных акциях. Такой подход, как правило, исходит из априорных установок и вряд ли способствует пониманию истинного положения вещей.

Расхождения в революционной теории, в конечном счете, отражали процессы дифференциации в социальной структуре русского общества, в рядах радикальной интеллигенции, выражающей в той или иной мере интересы широких слоев крестьянства и вообще буржуазного развития страны, в то же время они вытекали из стремления революционеров найти такой путь в революции, который бы оказался наикратчайшим в существующей социально-экономической и политической обстановке. Нельзя не учитывать также логику самой достаточно еще абстрактной теории, имманентно свойственные ей тенденции к раздвоению на противоположности.

Раздвоение на политическую и социальную концепцию революции можно уже обнаружить в документах (прокламациях) революционного подполья начала 60-х годов. В этот, по словам Н. В. Шелгунова, «прокламационный период русской истории» различные группы радикально настроенной интеллигенции высказывали свое отношение к революции, которая казалась им делом ближайшего будущего.⁷

---

⁶ Э. С. Виленская. Революционное подполье в России, с. 42.

⁷ О революции тогда очень много говорилось не только среди революционно настроенных людей, но и в кругах, враждебно относящихся к ней. «Вокруг каких бы тем и вопросов ни велась... полемика, почти всегда она упиралась в вопрос о том нужна ли не нужна революция». В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 577.

В этой связи интересно сопоставить три номера «Великорусса», с одной стороны, и прокламацию «К молодому поколению» и «Ответ «Великоруссу», с другой.⁸ Анализ текста «Великорусса» показывает, что основные тезисы его имеют своим основанием политическую концепцию революции. Эти тезисы: **политическая** свобода (конституционный порядок, законность),⁹ ориентация на меньшинство нации,¹⁰ при безусловной революционности и отрицании самодержавия.¹¹ Политическая позиция Комитета «Великорусса» ясна из следующего положения: «для мирного водворения законности необходимо решить крестьянский вопрос в смысле удовлетворительном по мнению самих крестьян»,¹² т. е. разрешение крестьянского вопроса является **средством** установления законности, а не наоборот. Нам остается только присоединиться к словам Э. С. Виленской: «великоруссы подошли к вопросу социально-экономических и политических преобразований с позиций, диаметрально противоположных позициям Чернышевского, Огарева, Шелгунова. Последние рассматривали политическое переустройство России как средство для достижения социально-экономических преобразований. Авторы «Великорусса» объявили социально-экономические преобразования условием для осуществления и упрочения политического переворота».¹³

Осуществление политических преобразований без активного участия народных масс, силой «образованных классов», означало в условиях России отказ от курса на народную, крестьянскую, **социальную** революцию, стремление к революции без «пугачевщины». Точности ради надо сказать, что великоруссы не исключали варианта народной революции, но только в том случае, «если образованные классы почтут себя бессильными, не почувствуют в себе решимости обуздать правительство и руководить им».¹⁴ Таким образом, народная революция оказывается запасным, неглавным вариантом. Кроме того, и это, пожалуй, главное, она в любом случае выступает в качестве средства, а не цели.

⁸ Содержательный и убедительный анализ этих документов проведен Э. С. Виленской («Революционное подполье в России», с. 84—131), к главным выводам и оценкам которой мы присоединяемся.

⁹ «Все согласны в том, какие черты законного порядка должна установить конституция. Главные из них: ответственность министров, вотирование бюджета, суд присяжных, свобода исповеданий, свобода печати, уничтожение сословных привилегий, самоуправление по областным и общинным делам». — Русско-польские революционные связи. М., 1963, т. 1, с. 79.

¹⁰ «Надобно образованным классам взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства...» (Там же, с. 75). «Водворение законного порядка — общее желание просвещенных людей» (с. 76).

¹¹ «Законность и нынешняя династия — вещи, которые нельзя соединить», (Там же, с. 80—81).

¹² Там же, с. 76.

¹³ Э. С. Виленская. Указ. соч., с. 94.

¹⁴ Русско-польские революционные связи, т., с. 75.

Целью же остается политическое, а не социальное преобразование. Нельзя не видеть также, что в «Великоруссе» народная революция явно используется для специфического воздействия на так называемые образованные классы — если вы не будете действовать, то . . .

Все сказанное, разумеется, ни в коем случае не умаляет революционного значения листков «Великорусса». В них отчетливо формулируется позиция широких слоев реалистически мыслящей радикальной интеллигенции, не без основания считающей, что перед Россией в первую очередь стоит задача политического демократического преобразования. И если использовать известные политические категории, то следует согласиться с В. Е. Евгеньевым-Максимовым, полагающим, что в «Великоруссе» «излагались сравнительно умеренная программа правого крыла тогдашнего революционного движения».¹⁵ Мы вряд ли погрешим против истины, если назовем это крыло революционными конституционалистами, разрабатывающими свои идеи в русле политической концепции революции.

Приняв во внимание внутреннюю логику и известную целостность теории революции Чернышевского, ее основополагающие принципы и явную «социальную» ориентацию,¹⁶ то даже с учетом всех возможных тактических соображений, нельзя признать убедительным вывод Н. Н. Новиковой и И. М. Миллера о причастности Н. Г. Чернышевского к составлению листков «Великорусса».¹⁷ Сама Н. Н. Новикова отмечает, что для Комитета «Великорусса» «конституционная монархия была программой минимум, а демократическая республика — это выдвигаемый Комитетом максимум».¹⁸ Но разве не известно, что у Чернышевского были совсем другие программы минимум и максимум?

---

¹⁵ В. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова, с. 495.

¹⁶ «Ориентация на народ, признание его решающей исторической роли представляет существенную, определяющую черту воззрений Чернышевского и Добролюбова. Этому они учили также своих учеников и последователей» (Ш. М. Левин. Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века, с. 96). Неоспоримо, что для «Великорусса» характерно ориентация не на народ, а на «образованные классы».

¹⁷ См. Н. Н. Новикова. Революционеры 1861 г. М., 1968; И. М. Миллер. Вокруг «Великорусса». — В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965. Нельзя не отметить, что в названных работах отчетливо проявляется стремление авторов подогнать исторические факты к основанной на предвзятой установке априорной схеме. Книга Н. Н. Новиковой полна разного рода домыслами, преувеличениями, абсолютно недоказанными версиями, при этом то, что высказывается в качестве гипотетического положения, буквально на другой странице выдается за решенный в науке вопрос. Предположение об авторстве превращается в факт не подлежащий сомнению, гипотеза о наличии «общего плана», «общего центра» через несколько абзацев становится почему-то доказанной и преподносится как категорическое утверждение и т. д.

¹⁸ Н. Н. Новикова. Указ. соч., с. 58.

Точка зрения, согласно которой почти все прокламации начала 60-х гг. исходят из единого центра, имеющего точно разработанный план, опровергается, как совершенно недвусмысленными свидетельствами самих шестидесятников (Н. В. Шелгунов, П. Д. Баллод, Н. А. Серно-Соловьевич), исследованиями советских историков (Б. П. Козьмин, Э. С. Виленская, Я. И. Линков и др.), так и анализом содержания революционных документов, который показывает наличие двух, во многих отношениях противоположных концепций революционного процесса и различных вариантов внутри этих концепций. Нелишне отметить, что сами шестидесятники отчетливо сознавали принципиальные расхождения в двух, характерных для середины XIX века, подходах к проблеме революции.

Вторая, социальная концепция революции нашла свое выражение в появившейся почти одновременно с «Великоруссом» прокламации «К молодому поколению», авторами которой были Н. В. Шелгунов и М. Л. Михайлов. Основной лейтмотив этой прокламации — провозглашение права народа самому определять свою судьбу, призыв к народной революции, к социальному преобразованию. «Нам не нужна власть, оскорбляющая нас, мешающая умственному, гражданскому и экономическому развитию страны».¹⁹ «Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого».²⁰ Социальная направленность прокламации наглядно выявляется в требованиях сохранить и укрепить общину, отказаться от частной собственности на землю, «чтобы земля принадлежала не лицу, а стране».²² разделить землю между крестьянами, развивать начала самоуправления. Вспомним, что эти требования в то время в России рассматривались как важнейшие элементы со-

---

¹⁹ Странники теории «единого центра» очень своеобразно используют свидетельство Н. В. Шелгунова, что все прокламации «принадлежали очень небольшому кружку людей, действующих отдельно и в глубокой тайне». Из этого свидетельства делается вывод, что существовал кружок, специально занимающийся выпуском прокламаций. Но, во-первых, слово кружок в 60-е гг. использовалось, по-видимому, не всегда в том смысле, к которому мы привыкли; она означало по-просту **круг** людей, **круг** единомышленников, где отсутствовали еще какие-то организационные связи. Во-вторых, игнорируются следующие за кружком слова Шелгунова — «действующие **отдельно**»; а ведь только применяя слово «кружок» в смысле «круг» можно понять, почему речь идет о действиях **отдельно**. И, наконец, в-третьих, сам Шелгунов в другом месте недвусмысленно отмечает, что это были партизанские действия, не имеющие общего центра (Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов, Воспоминания. Т. 1. М., 1967, с. 158).

²⁰ Там же, с. 333.

²¹ Там же, с. 339.

²² Там же, с. 344.

циализма.²³ В прокламации обнаруживается отчетливое противопоставление социального и политического, явно заимствованное у Герцена: «Европа не понимает, да и не может понять, наших социальных стремлений; значит она нам не учитель в экономических вопросах. Никто не идет так далеко в отрицании, как мы, русские. А отчего это? Оттого, что у нас нет политического прошлого...»²⁴ Из того же источника восприняты, занявшая много места в прокламации, идея самобытности России, резкое противопоставление ее социального развития развитию Запада²⁵ и антибуржуазность.²⁶

Н. Н. Новикова, сопоставляя «Великорусс» и прокламации «Барским крестьянам» и «К молодому поколению», приходит к выводу о совпадении их основных положений.²⁷ С этим выводом нельзя согласиться, так как исходные принципы, теоретические основания этих прокламации различны. То, что у них есть общность — это несомненно: у революционеров был общий ненавистный враг и это уже определяло значительную общность многих положений (такое явление характерно для истории практически всех революционных периодов). Но за этой общностью нельзя не видеть принципиальных расхождений. Прокламация «Барским крестьянам» ориентируется на народ, стремится к тому, чтобы «народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало»,²⁸ «Великорусс» же ориентирован на «образованные классы» со всеми вытекающими отсюда последствиями, отнюдь не имеющими только тактическое значение. Что касается прокламации «К молодому поколению», в которой революционная программа изложена подробно, то лишь на основе поверхностного анализа, исходящего из предвзятой, априорной схемы, можно обнаружить совпадение «программно-тактических установок» двух документов революционного подполья.

Если в прокламации «К молодому поколению» не всегда последовательно защищается социальная точка зрения и в ней имеется довольно много традиционных политических требований, явно вступающих в противоречие с исходными позициями авторов

---

²³ «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю». В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, с. 257.

²⁴ Н. В. Шелгунов и др. Указ. соч., с. 339.

²⁵ «В нашей жизни лежат начала, вовсе не известные европейцам. Немцы уверяют, что мы придем к тому же, к чему пришла Европа. Это ложь. Мы можем, точно, прийти, если наденем на себя петлю европейских учреждений и ее экономических порядков; но мы можем прийти к другому, если разовьем те начала, какие живут в народе». Там же, с. 337.

²⁶ «Мы хотим уничтожения мещанства, этой неудавшейся русской буржуазии...» Там же, с. 345.

²⁷ Н. Н. Новикова. Указ. соч., с. 107—113.

²⁸ Мих. Лемке. Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. СПб., 1907, с. 344.

(не исключен даже вариант сохранения царской власти), то куда более определеннее высказана социальная концепция Н. А. Серно-Соловьевичем. В статьях «Мысли вслух» и «Ответ «Великоруссу» он противопоставил курсу на революцию «образованных классов», курс на народную революцию. «Великорусс», — пишет он, — сознает неизбежность борьбы; он хочет подвинуть на нее «общество». Но если он серьезно взялся за дело, ему следует действовать несколько иначе. Надо обращаться не к «обществу», а к народу». ²⁹ Привилегированные классы желают «перемены системы», преследуя «собственные личные интересы», «они говорят теперь: **все для народа** — а заканчивают эту фразу: **но не народом**». Но «те только искренно хотят действовать за народ, формула которых **все для народа и только народом**». ³⁰ Последовательный сторонник народной революции — Н. А. Серно-Соловьевич разрабатывает в общем виде план соединения революционного меньшинства с «ограбленным, обманутым, доведенным до остервенения народом». ³¹ И далее. Серно-Соловьевич ставит главный, по его словам, вопрос: какие цели стоят перед революцией? К чему должен стремиться союз народа и революционного меньшинства? Ответ его совершенно определенно свидетельствует об ориентации именно на **социальную** революцию и, по крайней мере, об известном равнодушии к политическим задачам, к политическим изменениям. «Пусть конституции добиваются те, кому она может быть полезна. Нам не следует ни помогать, ни мешать им **теперь**. Пусть они идут своей дорогой, мы своей. Конституция лучше самодержавия тем, что при ней будет больше простора для действия, если она принесет право собрания и свободу печати. Мы не знаем, вызовет ли сила обстоятельств конституцию, но мы знаем, что не она цель и последнее слово. Наша цель — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться самим собою, освобождение и свободный союз областей». ³²

Итак, различия между «Великоруссом» и «Ответом «Великоруссу», а также прокламацией «К молодому поколению» очевидны. В первом случае основная ориентация на политический переворот, во втором, — на социальный. В конкретных условиях того времени эти различия проявлялись не только в отношении к народу как решающей силе будущей революции, но, главным образом, в понимании социально-экономического характера предстоящего радикального преобразования. «Социальщики» полагали, что крестьянская революция должна быть революцией социалистической, у «политиков» социалистические идеи либо

²⁹ Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 235.

³⁰ Там же, с. 166.

³¹ Там же, с. 236—238.

³² Там же, с. 238.

отсутствовали, либо отодвигались на задний план, и их осуществление рассматривалось как далекая перспектива, не имеющая отношения к реальным задачам дня.³³ То, что у великорусцев отсутствовала какая-либо социалистическая программа, признают все без исключения авторы, а это в решающей степени и означает наличие фиксируемого нами различия.

В свете сказанного представляется мало убедительным предположение об общем авторстве «Великорусса» и «Ответа Великорусса»,³⁴ тем более, что оно основано на домыслах, а не на фактах. Факты же говорят о том, что программы революционной борьбы, защищаемые в этих двух документах, отличаются друг от друга в своих основаниях, они свидетельствуют о наличии двух противоположных концепций революции в русской общественной мысли.

В мае 1862 г. появилась, наделавшая много шума, прокламация «Молодая Россия», автором которой был П. Г. Заичневский. Она встретила неодобрение не только в антиреволюционном лагере (что вполне естественно), но и в лагере революционеров. Б. П. Козьмин, подробно изучивший впечатление, произведенное прокламацией, пришел к выводу, что «явные и тайные друзья «Молодой России» сколько бы их ни было, составляли все же меньшинство в рядах революционеров того времени. Большинство же было настроено отрицательно, а подчас даже враждебно, к идеям и тактике этой прокламации». И даже меньшинство, указывает он, принимало не позитивную программу авторов прокламации, а «их призыв к немедленным революционным действиям, смелость их мысли, их готовность идти на крайние средства».³⁵

В чем же дело? Почему революционная прокламация почти не нашла сторонников среди радикально настроенных слоев русского общества? Чтобы ответить на эти вопросы проанализируем текст прокламации, не вдаваясь при этом в детали.³⁶

Революция мыслилась Заичневским как результат действий

---

³³ «Содержание обоих документов... отчетливо указывает на наличие весьма существенных разногласий, имевших место в то время в петербургском подполье», — пишет И. Б. Володарский и продолжает: «расхождения между Серно-Соловьевичем и «Великоруссом» по вопросам тактики революционной борьбы вытекали из известного различия в подходе революционеров 61-го года к коренным проблемам идеологии — роли народных масс и революции в освободительной борьбе». (Ответ «Великоруссу» и его автор. — В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 72). Следует лишь отметить, что расхождения касались не тактических, а стратегических вопросов.

³⁴ И. С. Миллер. Вокруг «Великорусса». — В сб.: Революционная ситуация в России, 1965.

³⁵ Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, с. 290.

³⁶ Обстоятельно исследована прокламация в работе Б. П. Козьмина «П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». Указ. соч., с. 243—290.

революционной партии, использующей благоприятное стечение обстоятельств. Революция является единственным выходом из современного общественного строя. Инициатива переворота должна исходить не от народа, а от войска и, главным образом, от молодежи, из среды которой и выйдут вожаки движения. Народу, т. е. крестьянству, отводилась роль поддерживающей силы, которая выступит в защиту своих прав и окончательно решит дело. Революция отождествлялась с восстанием, с захватом Зимнего дворца и истреблением императорской фамилии. В случае, если будет оказано сопротивление со стороны императорской партии, необходимо призвать народ «в топоры», «и тогда ... бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам».³⁷ После захвата власти революционная партия устанавливает революционную диктатуру, целью которой является, во-первых, истребление всеми способами врагов революции, причем, «кто будет не с нами, тот будет против; кто против — наш враг»,³⁸ во-вторых, проведение выборов в Национальное собрание, куда могут быть выбраны только сторонники революционного правительства, в-третьих, создание централизованной Русской социальной и демократической республики, в-четвертых, осуществление «великого дела социализма», который понимается как общественный строй, основывающийся на общинной собственности на землю, с передачей ее во временное пользование каждому члену общины, на системе общественных фабрик, на общественном воспитании детей, на полном освобождении женщины, уничтожении брака и семьи, на постепенной замене постоянной армии всеобщим народным ополчением. Обращает на себя внимание подчеркивание необходимости террора — революционная диктатура не должна останавливаться ни перед чем. «Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 1848 года, но и великих террористов 1792 года ... мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить второе больше крови, чем пролито якобинцами в 1790-х годах».³⁹

Понятно, что такой радикальный взгляд на революцию не мог устроить революционные круги в России, состоящие из «социальщиков» и «политиков». Последовательных «социальщиков» никак не устраивала тактика заговора, фактическое отстранение народа от революционной борьбы,⁴⁰ последовательных «политиков» — крайняя революционность, апология террора.

³⁷ «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, с. 7.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 6.

⁴⁰ В прокламации «Предостережение», которая была ответом на «Мо-

Взгляды Заичневского на революцию, которым он оставался верным всю свою жизнь, почти по всем основным принципам соответствовали принципам политической концепции революции. Так их оценивали современники,⁴¹ так оценивал себя он сам («я — якобинец-бланкист»). Но и без этих, в какой-то мере субъективных оценок, объективный анализ деятельности Заичневского приведет нас к тем же выводам. Недооценка или даже игнорирование революционных возможностей народа,⁴² расчет на революционную активность меньшинства, на заговор, вера во всемогущество политической власти, политический «реализм»,⁴³ отрицательное отношение к индивидуальному террору, неверие в возможность крестьянского восстания, позитивное отношение к конституционному движению, — все это позволяет сделать вывод о действительном месте взглядов Заичневского на революцию.⁴⁴ По всем важнейшим признакам эти взгляды не отличаются от основных положений бланкизма. В них, как и вообще в бланкизме, имелась особенность, выходящая за пределы политической концепции, а именно, убежденность, что политическая власть способна осуществить не просто назревшие социальные преобразования, а преобразования самого глубокого характера — ввести социализм.

лодную Россию» и вышла, по гипотезе Б. П. Козьмина, из явно «социально» направленного кружка Н. И. Утина, указывалось: «Революционная партия никогда не бывает в силах сама по себе совершить государственный переворот ... перевороты совершают народы» (Цит. по: Б. П. Козьмин. Указ. соч., с. 275). Об отрицательной реакции на «Молодую Россию» Герцена, Бакуннина и Чернышевского см. там же, с. 265—273.

⁴¹ По словам Н. С. Русанова, Заичневский был «прежде всего политический революционер, и в значительной мере заговорщического типа» (Цит. по: Б. П. Козьмин. Указ. соч., с. 323).

⁴² Г. В. Плеханов, вспоминая о слышанном им выступлении Заичневского, писал, что его поразило «неслыханное им от революционера мнение о неизбежной будто бы инертности народа» и «презрительные нотки» по отношению к нему. (Соч., т. III, с. 154, примечание).

⁴³ «В Заичневском... авантюризма совсем не было», — отмечает его ближайшая ученица М. П. Голубева («Пролетарская революция», 1923, № 6—7, с. 31.)

⁴⁴ Ю. В. Куликов, пытается доказать, что точка зрения «Молодой России» соответствует взглядам Чернышевского. Совершенно произвольно интерпретируя факт отрицательного отношения Чернышевского к прокламации (будто бы это было лишь тактическое разногласие), он полностью игнорирует и оценки современников, и самооценку Заичневского, и различие принципов. Более того, Ю. В. Куликов утверждает, что «Молодая Россия» далека от бланкизма, при этом в его толковании бланкизм становится мало похожим на то, чем действительно он был. («Вопросы революционной программы и тактики в прокламации «Молодая Россия» (1862)». — Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 250). О характере аргументации автора свидетельствует такой факт: приведя положение прокламации о необходимости наступать на Зимний дворец с развернутыми знаменами, Ю. В. Куликов делает такой неожиданный вывод — «наступать на цитадель самодержавия с развернутыми знаменами и боевым кличем могла только большая масса вооруженных людей» (с. 251). Подобным способом можно доказать все, что угодно.

В прокламации «Молодая Россия» говорится прямо о том, что России «вышло на долю первой осуществить великое дело социализма». И хотя в дальнейшем Заичневский высказывался в том смысле, что не сразу можно «войти в царство социализма», что для этого «нужно вырастить новое поколение»⁴⁵, тем не менее в этом вопросе он, по-видимому, не отличался от большинства русских революционеров, верящих в социалистические потенции русского народа. Правда, при этом нельзя не обратить внимания на отмеченный Б. П. Козьминым контраст между крайним радикализмом в области политики и большой осторожностью в планах перестройки экономики. Намеченные «Молодой Россией» реформы вряд ли можно назвать социалистическими.⁴⁶

Таким образом, анализ прокламаций 1861—62 гг. свидетельствует о наличии в русском революционном движении того времени, по крайней мере, трех основных течений: политического, социального и промежуточного, бланкистского, которое можно было бы назвать **политико-социальным**, ибо оно, находясь в целом в русле политического направления, по конечным целям своим и по некоторым исходным принципам (революционный активизм) выходит за рамки этого направления.

Существовавшая с 1861 по 1864 г. организация «Земля и воля» «представляла собой временный союз идейно разнохарактерных (а частично еще находящихся в процессе выработки своего мировоззрения) кружков и организаций, объединившихся на основе взаимного компромисса ввиду ожидавшейся крестьянской революции и для того, чтобы, встав у руководства восстанием, направить его в русло политической борьбы с самодержавием».⁴⁷ Поэтому она включала как «социальщиков», так и «политиков». Такое сосуществование по-необходимости не могло быть длительным и прочным. Тем более, что поражение восстания в Польше, крах надежд на массовое выступление крестьян в 1863 г., жесткие репрессии и правительственная реакция подорвали основу компромисса, на котором держалась организация.

В основе компромисса между различными течениями революционного движения лежало убеждение в «неминуемом восстании ограбленного и подавленного народа» и в необходимости привлечения «образованных классов на сторону интересов народа» с целью предотвращения или ослабления возможного кровопролития. Такая задача диктовала и целевую установку — «вести дело ... к разрушению императорского самодержавия и к торжеству народных интересов, которое должно выразиться прежде

---

⁴⁵ М. П. Голубева. Воспоминания о Заичневском. — «Пролетарская революция», 1923, № 6—7, с. 31.

⁴⁶ Б. Козьмин. П. Г. Заичневский и «Молодая Россия». М., 1932, с. 128—129.

⁴⁷ Э. С. Вленинская. Революционное подполье в России, с. 139.

всего в созвании **Народного собрания** из выборных представителей свободного народа. Собрание это само определит новый общественный строй нашего свободного отечества...»⁴⁸ Если к сказанному добавить практическое отсутствие социалистических требований, то необходимо согласиться с теми советскими исследователями (Б. П. Козьмин, Э. С. Виленская), которые считают программу «Земли и воли» число политической.⁴⁹ То, что «социальщики» пошли на принятие такой программы показывает, насколько сильным еще было влияние идей Чернышевского. Но о том, что они делали это с большими оговорками и весьма неохотно также свидетельствуют многочисленные факты.⁵⁰

В революционном движении середины 60-х годов наблюдается значительно более резкое размежевание между сторонниками политической и социальной концепций революции. Это размежевание хорошо прослеживается в деятельности кружка ишутинцев. Ишутинцы, как впрочем и все революционеры того времени, ясно сознавали противоположность двух подходов к революции. Об этом, например, свидетельствует характерное рассуждение Каракозова: «социальный вопрос породил в литературе два направления, из которых одно стремится к перевороту экономического, другое же, признавая необходимость экономического переворота, в то же время доказывает невозможность его, утверждая, что экономический переворот невозможен при этой неразвитости простого народа и при недостатке даже самих средств к развитию. А поэтому нужен прежде всего политический переворот, который бы доставил народу более свободы и самоуправления, более материальных средств, без которых немыслимо народное образование; при таком только положении дела возможен становится и переворот экономический».⁵¹

Каракозов в своих показаниях передавал мнение Ишутина, что «политический переворот только вредит делу».⁵² Из этой точки зрения логически вытекало крайне отрицательное отношение к конституции и конституционалистам, так как в случае их победы «народу будет в сто раз хуже, чем теперь, ибо ... встанет жизнь русскую в рамку западной жизни; эта конституция найдет сочувствие как в среднем, так и в высшем сословии, ибо она гаран-

---

⁴⁸ Русско-польские революционные связи, т. 2, с. 64, 65.

⁴⁹ Б. П. Козьмин. Русская секция Первого Интернационала, с. 36—37; Э. С. Виленская. Указ. соч., с. 132—141. Я. И. Линков также отмечает: «главной целью тайного общества было политическое освобождение России от самодержавного деспотизма и предотвращение возможной реставрации уже свергнутой царской власти» (Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и «Земля и воля» 1860-х годов, с. 343).

⁵⁰ Э. С. Виленская. Указ. соч., с. 166—170.

⁵¹ Цит. по: Э. С. Виленская. Указ. соч., стр. 445.

⁵² Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. 1, М.-Л., 1928, с. 295.

тирует личную свободу, даст дух и жизнь промышленности и коммерции, но не гарантирует от развития пауперизма и пролетариата, а скорее способствует». ⁵³ Ш. М. Левин, процитировав эти и другие им подобные высказывания ишутинцев, приходит к выводу, что они по-существу не ставили в качестве самостоятельной задачи политическую борьбу и что в этом отношении они разделяли страхи, характерные для народников начала и середины 70-х годов. ⁵⁴ На той же точке зрения стоят и другие исследователи (М. М. Клевенский, В. Г. Базанов, Р. В. Филипов). По мнению Э. С. Виленской, названные исследователи приняли показание ишутинцев и Худякова, сделанные на следствии с целью маскировки своих истинных взглядов, за чистую монету. На самом деле, пишет она, «нет никаких оснований абсолютизировать аполитизм ишутинцев. Так же как и их предшественники, они стремились объединить политическую и социалистическую революцию в единый акт, рассчитывая одним ударом ликвидировать самодержавие и предотвратить возможность капиталистического развития России. Но именно поэтому они, как и их предшественники, были противниками «чистого» политического переворота, не обеспечивающего социалистических преобразований». ⁵⁵

На наш взгляд, Э. С. Виленская недостаточно убедительно опровергает точку зрения Ш. М. Левина и др., стоящих на той же позиции авторов, ибо такая политическая революция, которая одним ударом решает сразу две задачи, по-существу, сводится только к одной — к **разрушению** царского самодержавия, а без необходимости этого предварительного шага не мыслил себе революцию ни один самый последовательный отрицатель политики, ни один сторонник бакунинского анархизма, ни один «чистый социальщик». Тем более, что сам автор вступает в противоречие со своим же тезисом, во-первых, указывая на отношение Ишутина к конституционным преобразованиям как к буржуазным, т. е. антинародным, ⁵⁶ во-вторых, отмечая близость идейных и организационных основ ишутинского «Ада» и «Организации» такой социальной теории, как бакунизм, ⁵⁷ и, в-третьих, указывая на то, «что в Ишутинском кружке соединялись два типа революционного движения, которые в дальнейшем историческом развитии России были представлены двумя течениями в народничестве». ⁵⁸

Во всяком случае в распоряжении исследователей имеется достаточное количество фактов, свидетельствующих о прiverжен-

⁵³ Цит. по: Ш. М. Левин. Указ. соч., с. 253.

⁵⁴ Ш. М. Левин. Указ. соч., с. 253.

⁵⁵ Э. С. Виленская. Указ. соч., с. 455.

⁵⁶ Там же, стр. 461.

⁵⁷ Там же, с. 383—385.

⁵⁸ Там же, с. 463.

ности большинства ишутинцев к социальной концепции революции, а, следовательно, об их аполитизме как преобладающем программном мотиве. Ведь социальная концепция революции представляет собой довольно целостную **систему** взглядов, а сказавши а, должен сказать и б. Что касается фактов, то большая часть их говорит о том, что ишутинцы были явно ориентированы на социальный, экономический, а не на политический переворот. Именно социальный переворот, социальное преобразование было их **главной** целью. Вот как выглядит эта цель в показаниях подсудимых на процессе. «Целью общества «Организация» должно было быть образование пропагандистов, возбуждение народа путем социальной пропаганды к восстанию; а если восстание удастся, устройство экономических отношений на ассоциационных принципах» (В. Шаганов). «Целью общества . . . произвести революцию, чтобы основать новое правительство, которое в своих действиях держалось бы главного принципа общества, т. е. признание за каждым членом государства права на известную часть земли и общинное владение остальной частью . . .» (Н. Ишутин). «Целью общества должно быть устройства государства на социалистических началах» (М. Загибалов). «Целью общества должно было быть произвести экономическую революцию» (А. Иванов).⁵⁹

После сказанного убедительным представляется вывод Э. С. Виленской: «в перенесении центра тяжести на социалистические требования и пропаганду проявилось отмежевание социалистического крыла революционного подполья от всех его несоциалистических элементов, более или менее радикально настроенных в эпоху падения крепостного права и ожидавшегося всеобщего восстания».⁶⁰

Общая направленность на социальную революцию предопределила и отношение ишутинцев к народу. В народе они видели решающую силу будущей революции, пропаганду социалистических идей в народе считали своей главной задачей. Отрицательное отношение к Писареву объяснялось убежденностью, что публицисты «Русского слова» отошли от демократизма, изменили народному делу, порвали с традицией, идущей от Чернышевского.⁶¹ По-существу, позиция ишутинцев укладывается в характерную для «социальщиков» формулу: «революция для народа и посредством народа».

---

⁵⁹ Покушение Каракозова, т. II, с. 269, 270, 271.

⁶⁰ Э. С. Виленская я. Указ. соч., стр. 255.

⁶¹ Активный член кружка ишутинцев П. Ф. Николаев писал: «Мы не только не были поклонниками Писарева, но даже его яркими врагами, так как в его деятельности видели значительное отклонение от основных идей Чернышевского о службе народу и главным образом крестьянству». Покушение Каракозова, т. II, с. 373.

Во взглядах ишутинцев обнаруживаются определенные черты антиинтеллектуализма, свойственные многим сторонникам социальной концепции революции и вытекающие из их идеализации народа. Так, в показаниях Черкезова отмечалось, «что, как по мнению Ишутина, так равно и Каракозова, Загибалова, Страндена, Ермолова и Юрасова наукою заниматься — дело пустое, негодное, потому что люди, занимающиеся ею, позабывают нужды мира и делаются умственными генералами, т. е. людьми, желающими повелевать всеми». По словам другого обвиняемого, Ишутин советовал ему бросить учебное заведение и идти пропагандировать. «Образование, говорил он, для политического деятеля ничего не значит, тут нужно знать только жизнь людей».⁶²

Все эти особенности, плюс упоминавшееся уже резко отрицательное отношение к политическому перевороту и к конституции, бесспорно доказывают приверженность ишутинцев к социальной концепции революции. Не в состоянии опровергнуть этого вывода и наличие заговорщических и террористических тенденций, характерных для деятельности ишутинцев. Дело в том, что заговор и террор могут быть составными частями, как социальной, так и политической концепций революции. Но для первой, они — лишь средство для разжигания народной революционной инициативы, лишь спичка, брошенная в пороховой погреб, для второй же, они — как правило, самоцель, способ, при помощи которого достигается конечная цель.

Парадокс революционного движения в России 60-х годов состоял в том, что крайняя революционность и непринятие социальной действительности со стороны молодой интеллигенции, революционность, которая была необходимым ответом на политическое бесправие, на отсутствие элементарных условий для развития свободной личности, не находила адекватной массовой базы в стране. Отсюда, с одной стороны, поиск различных путей активизации народных масс (в том числе и через террористические акты), что вполне согласуется с философией активизма, которая лежит в основе «социальных» теорий, а с другой, усиление утопического элемента в воззрениях революционеров — попытки обнаружить в народной жизни зрелую революционность, готовность к социальному перевороту и социалистические начала.

Стремление к созданию прочной революционной организации, заговорщические тенденции ишутинцев вряд ли можно истолковать как неверие в революционные возможности народа, что делает Э. С. Виленская.⁶³ В этом пункте точка зрения Р. В. Филиппова, утверждающего, что «ишутинцы видели в крестьянстве не пассивную массу, а носителя громадных потенциальных сил,

⁶² Покушение Каракозова, т. II, с. 366.

⁶³ Э. С. Виленская. Указ. соч., с. 464, 472.

основную движущую силу революции»,⁶⁴ кажется нам более убедительной, так как она соответствует социальной концепции революции, разделяемой большинством членов ишутинского кружка.

По сравнению с «Землей и волей» ишутинское тайное общество сделало следующий шаг вперед в разделении «социальщиков» и «политиков», хотя эта дифференциация еще далеко не завершилась. Суть этого шага состоит не только в, может быть, не столько в увеличении количества элементов аполитизма во взглядах на революцию у ишутинцев, а эта суть лежит в очень правильно отмеченном Э. С. Виленской (к сожалению, только в заключении) обстоятельстве: «действительное отступление революционеров 60-х годов от мировоззрения Чернышевского состояло в том, что они начали отходить от объективной оценки реальной действительности, перенося центр тяжести на субъективный фактор... В деятельности ишутинцев мы видим много такого, что не опиралось на объективную оценку действительности и что свидетельствовало об утрате «социологического реализма», свойственного Чернышевскому».⁶⁵ С другой стороны, взгляды «политиков», ориентирующихся на Писарева был ближе к «социологическому реализму» Чернышевского.

В этой связи интересна позиция И. А. Худякова — руководителя петербургского революционного подполья, тесно связанного с ишутинцами. Большинство исследователей считает, что его точка зрения на революцию существенно отличалась от взглядов, господствующих в московском кружке. Выражая этот взгляд, Ш. М. Левин писал: «И. А. Худяков придавал завоеванию демократических политических форм громадное значение и признавал необходимость демократической конституции и земского собора на основе «поголовной» подачи голосов».⁶⁶ В то же время есть основание предполагать, что он рассматривал политический переворот не как самоцель, а как этап приближающий переворот социальный. Такая постановка вопроса, а также положительное отношение к намерению организовать покушение на царя, позволили ему, по-видимому, найти основу для совместной работы с ишутинцами.

Непосредственная ориентация на политический переворот, признание социализма как конечной цели, стремление к просвещению народных масс, общий научный характер деятельности и высокая оценка роли науки сближают Худякова с Писаревым.

⁶⁴ Р. В. Филиппов. Указ. соч., с. 205. Хотя утверждение автора, что заговорщичество и терроризм у ишутинцев «находились в серьезном противоречии с их программно-тактическими устремлениями» (с. 76), мы не можем признать правильным.

⁶⁵ Э. С. Виленская. Указ. соч., с. 473—474.

⁶⁶ Ш. М. Левин. Общественное движение в России, с. 254.

На наш взгляд, свидетельство П. Ф. Николаева о «писаревских» симпатиях петербуржцев имеет весьма серьезную основу.⁶⁷

Примерно на тех же идейных позициях стоял и другой видный участник петербургского подполья Н. Д. Ножин. В своей содержательной монографии Е. Л. Рудницкая приходит к выводу, убедительность которого подтверждена детальным анализом обширного фактического материала: «Близость Ножина к идейной платформе «Русского слова», его отношение к науке и образованию, его оценка мыслящего меньшинства-реалистов, его резко критические высказывания по поводу возможности внедрить социалистические формы организации производства в условиях современного ему государства, его солидарность с Зайцевым в трактовке Шопенгауэра делают очевидным, что ему была близка установка на революцию, при которой инициативная и ведущая роль принадлежит революционной интеллигенции, а захват политической власти предполагается необходимым условием для осуществления социализма».⁶⁸

Таким образом, в революционном движении середины 60-х гг., наряду со сторонниками социальной концепции революции (ишутинцы), действовали приверженцы политической концепции, которые, в свою очередь, подразделяются на «писаревскую группу» (ориентация на политический переворот, с конечной целью социализмом) и на, так сказать, ортодоксальных «политиков» (политический переворот как самоцель). К последним принадлежала довольно аморфная группа т. н. конституционалистов. Существование такой конституционной партии или группы доказано исследованиями Э. С. Виленской.⁶⁹ Необходимо при этом подчеркнуть, что размежевание между «социальщиками» и «политиками» было размежеванием **внутри** революционного лагеря, и его не следует рассматривать, что часто делается,⁷⁰ как анта-

---

⁶⁷ В отношении к писаревцам, вспоминал П. Ф. Николаев, «между нами и нашими питерскими товарищами Никольским и Худяковым была целая пропасть» («Русская мысль», 1913, № 2, с. 103—104). Нельзя согласиться с утверждением Э. С. Виленской об отсутствии у Писарева позитивной революционной программы (указ. соч., с. 190) и Р. В. Филиппова о неревolutionности писаревской «теории реализма» (указ. соч., с. 138). Критика этих положений у Л. Э. Варустина («Журнал «Русское слово», с. 176—177), см. также нашу статью «Взгляды Д. И. Писарева на революцию» («Ученые записки ТГУ, Труды по философии XIX»). Из такого понимания революционности Писарева логически вытекает категорическое утверждение Э. С. Виленской: отнесение Худякова к лагерю «писаревцев» представляется вопиющей несообразностью» (стр. 457), утверждение, с которым трудно согласиться.

⁶⁸ Е. Л. Рудницкая. Шестидесятник Николай Ножин, с. 213—214.

⁶⁹ «скорее всего под конституционной партией подразумевались остатки несоциалистического крыла землевольцев (типа великорусцев), выдвигавших на первый план политическое преобразование страны в том или ином виде, а также представители польского революционного движения, которое в эти годы не имело социалистической окраски» (Указ. соч., с. 446).

⁷⁰ Например, Р. В. Филиппов. Указ. соч., с. 188—189.

гонизм между либералами и революционными демократами. Это не исключает того, что взгляды «ортодоксальных политиков» могли смыкаться и смыкались во многих пунктах с либералами.

Центром, объединившим вокруг себя сторонников политической концепции революции, стал журнал «Русское слово». Редактор журнала — Г. Е. Благосветлов отбирал в сотрудники молодых талантливых литераторов-публицистов, которых он рассматривал как своих единомышленников. Не подлежит сомнению, что реконструкция подлинных взглядов Благосветлова во многом проясняет позицию журнала в целом. Сложность и противоречивость этой личности, отмечаемая всеми исследователями, с неизбежностью породила различные оценки деятельности редактора «Русского слова». Нам думается, что многие трудности отпадут, а противоречия могут быть разрешены, если рассматривать взгляды Благосветлова как взгляды достаточно последовательного сторонника политической концепции революции (имеется в виду, главным образом, Благосветлов — шестидесятник; эволюция его взглядов — отдельная проблема).

Многие авторы, писавшие о Благосветлове, вообще отказываются считать его революционером, революционным публицистом.⁷¹ В исследованиях Ф. Кузнецова приведен большой фактический материал, бесспорно доказывающий, на наш взгляд, как активное его участие в конспирациях «Земли и воли», так и революционный характер его публицистической деятельности.⁷² В самом деле, как может один из руководителей подпольной революционной организации быть в то же самое время мирным просветителем?⁷³ Да и анализ статей Благосветлова неоспоримо свидетельствует о симпатиях их автора к революционным движениям в европейских странах. Что касается положения в России, то свое недовольство реформой 1861 г. и стремление к революционному преобразованию общества он не раз демонстрировал в весьма прозрачной форме в статьях, посвященных различным сюжетам. Так например, обращаясь к реформам испанского короля Карла III и его преемников, Благосветлов отмечал, что эти реформы оказались неудачными не потому, что испанцы «отпетый и погибший народ», а потому, что они не пошли дальше поверхности и не изменили порядка вещей в самой его сущности. В Испании (читай в России) «нужны были такие же радикальные средства, как радикальна была сама болезнь».⁷⁴ В той же

---

⁷¹ Так, Л. Е. Варустин, хотя и с оговорками, определяет взгляды Благосветлова как умеренные и отделяет их от взглядов Писарева («Журнал «Русское слово». 1859—1866. ЛГУ, 1966, с. 37, 50, 53), при этом он упрекает Ф. Кузнецова за якобы искусственное преувеличение революционности Благосветлова.

⁷² Ф. Кузнецов. Журнал «Русское слово». М., 1965, с. 24—37.

⁷³ Ф. Кузнецов. Публицисты 60-х годов. М., 1969, с. 96—97.

⁷⁴ Сочинения Г. Е. Благосветлова. СПб., 1882, с. 225.

статье он с одобрением цитирует Бокля: «С XVI же столетия местные беспорядки уменьшаются, но их поглощают большие революции, которые уничтожают несправедливость в самом ее источнике. Нет сомнения, что эта перемена благодетельна».⁷⁵ Характеризуя взгляды Оуэна, Благосветлов подвергает критике реформистские иллюзии великого утописта, преувеличение им роли образования: «провозвестник будущего, как он сам называл себя, взял указку школьного учителя и видел в ней рычаг Архимеда для общественного переворота. В этом вся ошибка этого неутомимого деятеля».⁷⁶

Количество таких примеров можно было бы увеличить, но вред ли в этом есть необходимость, так как то, что для Благосветлова революция есть необходимый и желанный выход из застоя испанского (русского) типа, представляется неоспоримым. Но какая революция? Социальная или политическая? Народная или верхушечная? Различие между ними, как было показано выше, было центральным пунктом полемики внутри революционного лагеря. Благосветлов в этой полемике безоговорочно стал на позицию сторонников политической революции. Об этом совершенно недвусмысленно пишет Н. В. Шелгунов,⁷⁷ об этом свидетельствует весь дух, вся направленность его политической программы, об этом говорит высокая оценка деятельности и взглядов таких буржуазных мыслителей, как Тюрго, Бокль, Маколей, наконец, это подтверждает его довольно устойчивые англофильские настроения, стремление представить английские порядки в качестве образца политического устройства.

Добавим к сказанному, что Благосветлов отчетливо видел (как впрочем и большинство его современников) различие двух сторон общественной жизни: политической и социальной и соответствующих им двух типов общественного преобразования. Достаточно сослаться на статьи «Политические предрассудки» (1863 г.) и «Страна живых контрастов», где речь идет о необходимости ясного разграничения двух начал — политического и социального.⁷⁸

---

⁷⁵ Сочинения Г. Е. Благосветлова, с. 227.

⁷⁶ Там же, с. 70. Как согласовать с этим тезисом утверждение Л. Е. Валустина, что Благосветлов видел пути обновления России во всеохватывающей системе образования и воспитания» (Указ. соч., с. 53).

⁷⁷ Человек по преимуществу политический, он по своим симпатиям, по умственному складу и по образованию держался преимущественно политической почвы и . . . , в первое время своего редакторства в «Русском слове» хотел дать журналу преимущественно политическое направление». (Сочинения Благосветлова, с. XXVI).

⁷⁸ «Эти две сферы совершенно различны по своим направлениям и результатам» (Сочинения Г. Е. Благосветлова, с. 146). «Кто хочет понимать Англию, тот не должен спутывать двух совершенно различных ее начал — политического и социального» (Там же, с. 142).

На народ, как на революционную силу, Благосветлов по существу не рассчитывает, тем более, ему совершенно чужда идеализация трудящихся масс, он не без основания полагает, что стихийные, неподготовленные выступления, «бессмысленные политические драмы», могут привести к тяжелым последствиям, «безумным реакциям и упадку нравственных сил народа». «До тех пор, пока народ не выработал результатов для своего переживания, не приготовил себя путем строгого опыта и постоянного развития, все попытки его сбросить с себя ветхую жизнь остаются безуспешными».⁷⁹ Иными словами, народ, сам себе предоставленный, не в состоянии совершить переворота в общественных отношениях, он даже не чувствует потребности в нем. Разбудить эту потребность, подготовить его к активной деятельности способно лишь радикально настроенное образованное меньшинство, которое состоит из людей, сочетающих в себе разностороннее образование и общественную активность в соединении с «глубокой симпатией к человечеству».⁸⁰

При реконструкции взглядов Благосветлова на революцию необходимо, по крайней мере, учитывать два обстоятельства. Во-первых, жесткий контроль цензуры над журналом требовал умелой маскировки своей истинной позиции, вынуждал к созданию своеобразного шифра, разгадка которого во многом зависит от исходной позиции исследователя. Во-вторых, революционные взгляды Благосветлова отличаются неразработанностью и, более того, противоречивостью, так что вряд ли можно говорить о какой-то вполне сложившейся самостоятельной концепции.

⁷⁹ Сочинения Г. Е. Благосветлова, с. 328.

⁸⁰ Резко ополчается Благосветлов против односторонности, частичности, столь распространенной в сфере интеллектуального труда. С его точки зрения, далеко не каждый человек, занимающийся умственным трудом, может входить в это меньшинство. «Всякое социальное знание, — писал он, — бывает полезным знанием только тогда, когда оно построено на широком и прочном основании общего образования. Можно быть хорошим химиком, лекарем, инженером, математиком, и в то же время совершенным невеждой; можно быть превосходным специалистом и человеком крайне ограниченным, не имеющим никакого гражданского достоинства. Такие личности, столь обыкновенные в настоящем поколении, развиваются угловато, подобно тем несчастным уродам, у которых спинной горб или брюшные наросты поглощают развитие головы или ног... Нет спору эти люди полезны в материальном отношении...; но они бесполезны и, если угодно, вредны в социальном отношении. Их человеческие симпатии простираются не дальше личного успеха... С эгоизмом, как признаком умственного кретинизма, у них соединяется паразитическая тупость во всем, что выходит за черту их ремесла. В народных вопросах, требующих энергии, некоторого самоотвержения и столько же сердца — сколько ума, общество всего менее может рассчитывать на них. В такие минуты, обыкновенно, они страдают столбняком. Есть другого рода люди, которые также делаются специалистами, но здесь специальность не есть узкая односторонность или забитость мозга; она не опережает общечеловеческого развития, а на нем возводится и им сплодотворяется. И это очень важно, если воспитание образует в нас человека, тогда всякое знание, какая бы ни была его степень и направление, служит в пользу.» (Там же, с. 295—296).

Тем не менее у Благосветлова была совершенно определенная теоретическая позиция, с которой он приступил к редактированию «Русского слова», и именно она длительное время определяла лицо журнала. Понять эту позицию, на наш взгляд, возможно, лишь имея в виду приверженность редактора журнала к политической концепции революции.

Итак, в самом общем виде взгляды Благосветлова на революцию выглядят следующим образом. В условиях России необходима политическая революция, которая уничтожит старый, обветшалый, бюрократический государственный механизм и обеспечит политические свободы, как обязательное условие общественного прогресса. «Без политической свободы нет свободы труда, а без свободы труда нет народного богатства».⁸¹ Такая революция должна быть делом меньшинства, во главе которого стоят люди с «разносторонним образованием и глубокой симпатией к человечеству». Непросвещенные и неподготовленные народные массы способны только к отрицанию и к разрушению, очень часто кровавому, старых порядков, а не к истинной демократической жизни и не к созиданию. Нельзя одобрить такую революцию, которая меняет лишь форму правления, приводит к власти новое правительство, вводит новую конституцию, такую политическую революцию, которая является идеалом либералов. «Задача нашего времени состоит не в том, чтобы лепить разные теории и системы правительства, а в том, чтобы возвратить народу его здравый смысл, поднять общий уровень умственного образования и нравственного достоинства нации».⁸² Для этого требуется истинная политическая свобода, «полная народная самостоятельность», способность народа управлять собой, чуждое сектантству общественное мнение. В этих условиях могут быть решены «такие вопросы, как собственность, право труда, право участия народа в его собственных делах, экономические отношения сословий и коренные основания общественной жизни»,⁸³ т. е. собственно социальные проблемы.

Возникает естественный вопрос: не является ли эта программа программой социальной революции, а Благосветлов ее сторонником? Вопрос законен еще и потому, что некоторые исследователи (Л. Е. Варустин, П. С. Рейфман) полагают, что редактор «Русского слова» на первый план выдвигает социально-экономические проблемы и исходит из второстепенности политических форм.⁸⁴ Попытаемся ответить на этот вопрос и разрешить это противоречие.

⁸¹ Сочинения Г. Е. Благосветлова, с. 263.

⁸² Там же, с. 171.

⁸³ Там же, с. 159.

⁸⁴ Л. Э. Варустин ссылается на статьи Благосветлова «Токвиль и его политическая доктрина» (1862 г.) и «Политические предрассудки» (1963). Но из текста названных статей никак нельзя прийти к такому заключению. Как

Социальная революция, как известно, является революцией для народа и **посредством** народа, следовательно, необходимым ее признаком выступает активное и решающее участие народа. Благодетель же, как и другие сотрудники «Русского слова», весьма скептически относился к участию масс в революции.⁸⁵ Чтобы народ мог стать субъектом революции его надо воспитать и образовать, а чтобы его воспитать и образовать нужны соответствующие условия, в первую очередь, политические, иными словами, для их сознания необходима революция — таков порочный круг, и разрывается он у Благодетеля путем включения совершаемой меньшинством политической революции. Что касается социальных изменений, то они, по-видимому, должны происходить постепенно, медленно, нереволуционным путем, по мере созревания благоприятных условий, по мере умственного и нравственного развития масс, по мере роста материального благосостояния и обеспечения свободы труда. Итак, **политическая** революция, с одной стороны, **социальная** эволюция, с другой — вот подлинная позиция Благодетеля, полностью соответствующая политической концепции революции.

Глубокий социальный переворот осуществляется не посредством революции, а посредством народного воспитания. «Это — лучшее средство для возрождения народов; оно не обещает ни громких побед, ни ярких триумфов; зато оно не требует ни разорения, ни бедности, ни смерти, расточаемых войной, оно совершается тихо и незаметно... За победами следуют поражения, за революциями реакции, но за народным образованием никогда не возвращается варварство. Идеи медленно проникают в массы, но раз занесенные в сердце их, они приносят десятиричный

раз наоборот, автор их указывает, что только при политической свободе возможны подлинные социальные преобразования, с другой же стороны, эти социальные преобразования способны подкрепить политическую свободу. «Всякое правление есть только средство в руках народа для достижения его благосостояния... Общественная жизнь должна служить основанием политическому устройству» (Сочинения Г. Е. Благодетеля, с. 146). Разве из этого высказывания следует отрицание политики? Ведь средство тоже имеет существенное значение — без него не достигнешь цели. Политические формы, указывает Благодетель, «сами по себе ничего не значат» (с. 145). Но разве из этого вытекает, что они вообще мало чего значат? Лишь сами по себе, оторванные от социальных условий, от общественной жизни, они превращаются в «мертвую силу».

⁸⁵ «В Русском слове вопрос о революции осложняется отношением редакции к проблемам народа. Размышляя об уроках истории, о причинах подготовивших торжество реакции, о роли народа в недавних русских событиях и в революционных событиях на Западе, редакция «Русского слова» приходит к выводу, что в деле социально-экономического преобразования общества нельзя рассчитывать на народ при существующем уровне его развития». (П. С. Рейфман. «Современник» и «Русское слово» перед «расколом в нигилистах». Уч. записки ТГУ. Вып. 251. Труды по русской и славянской филологии. XV, Тарту, 1970, с. 67).

плод за труд и пот сеятеля».⁸⁶ Это написано в 1860 г., а через три года Благосветлов уже не придает образованию столь всеобъемлющего значения, указывая, что «образование хорошо действует и приносит огромную пользу там, где и другие социальные условия не худы».⁸⁷ Но общий принцип остается неизменным.

Подчеркивая политический характер взглядов Благосветлова на революцию, нельзя не отметить, что он полностью не исключал возможности социального переворота. «В истории всякого народа можно найти эпохи, в которые он развивался под влиянием тех или других политических причин, помимо процесса его образования, достигая сравнительно высших фаз социального развития».⁸⁸ Но такой путь является столь редким, что его можно назвать чудом.⁸⁹

Приверженность к политической концепции отчетливо прослеживается и во взглядах редактора «Русского слова» на будущее социально-экономическое и политическое устройство общества. В начале своей публицистической деятельности Благосветлов идеализировал политический строй Англии, который по его мнению воспитывает в гражданах чувство личной ответственности, индивидуального достоинства, способности к самоуправлению и уважение к законности. В последующем его отношение к Англии стало куда более критичным, продолжая высоко оценивать ее политический строй, он резко осудил английскую социальную жизнь с нищетой трудящихся масс, экономическим неравенством, преступностью и т. п. Отделив политическое устройство от социального и противопоставив их друг другу, Благосветлов пишет: «прогресс первого пропорционален отсталости второго».⁹⁰ Таким образом, можно констатировать, что в политической области идеалом Благосветлова осталась буржуазная демократия...

Но политическое устройство только тогда может быть названо хорошим, когда оно основывается на разумном социальном порядке. Как же мыслит Благосветлов этот разумный социальный порядок? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к его программной статье «Политические предрассудки» (1863). «Свобода труда и материальное довольство — это два основные столпа, на которых покоится все социальное знание... инициатива и ведение общественных дел будут принадлежать не отдельному классу, не исключительным интересам, а всему народу»,⁹¹ — читаем в статье. При этом «важны не отвлеченные

⁸⁶ Сочинения Г. Е. Благосветлова, с. 496.

⁸⁷ Там же, с. 224.

⁸⁸ Цит. по: Ф. Кузнецов. Публицисты 1860-х годов. М., 1969, с. 105.

⁸⁹ «И если Европа каким-нибудь чудом не выйдет из своего трудного положения, еще два или три века пройдут для народа в неблагодарном и рабском труде» (Сочинения Г. Е. Благосветлова, с. 127).

⁹⁰ Там же, с. 142.

⁹¹ Там же, с. 147.

идеи, а практические результаты». И тут мы прямо наталкиваемся на главное звено всей социальной программы автора. «Качество этих результатов прежде всего обнаруживается в умении народа устроить свои экономические отношения, из которых **равновесие труда и капитала составляет главное дело**. Чем лучше достигается эта цель, тем больше обеспечивает себе общество будущее нравственное развитие и материальное счастье. Для хорошего социального устройства возможны и свобода, и высокое умственное развитие, и политическое могущество; напротив, дурно сложившийся экономический порядок ведет к бедности масс, а бедность и рабство неразлучны в истории. Следовательно, для обеспечения возможно лучшего прогресса прежде всего необходима **социальная сила, уравнивающая экономические отношения общества**».⁹² (Выделено нами. Р. Б.)

Мы привели эту пространную цитату для того, чтобы, во-первых, показать буржуазный характер социальной программы и идеала Благосветлова и, во-вторых, еще раз убедиться в последовательности его теоретической позиции, базирующейся на признании политической концепции революции.

Утверждения Ф. Кузнецова, что Благосветлов на всем протяжении существования журнала «Русское слово» неустанно пропагандировал социалистический идеал и мечтал о народной революции,⁹³ представляются преувеличенными и недоказанными. Аргументов, приводимых для доказательства этого тезиса, немного — критическое отношение к капитализму и порождаемым им антагонизмам, защита рабочих ассоциаций и пропаганда идей Оуэна. Что касается критического отношения к капитализму, то оно характерно для всех буржуазных демократов (здесь особенно важно, с каких позиций ведется критика). Требование рабочих ассоциаций становится действительно социалистическим требованием только в контексте борьбы за завоевание пролетариатом политической власти. Наконец, положительное отношение к Оуэну нельзя однозначно трактовать как сочувствие к социализму. По словам Энгельса, Оуэн превратился из филантропа в социалиста тогда, когда он открыто выступил против частной собственности, религии и существующей формы брака.⁹⁴ Благосветлов скорее одобряет филантропическую деятельность Оуэна, чем его подлинные социалистические идеи.

Несомненно, у Благосветлова можно найти высказывания, свидетельствующие о симпатиях к социализму, но эти высказывания спорадичны и очень слабо связаны с теми принципами, которые определяют общий характер его взглядов, в особенности взглядов на революцию.

---

⁹² Сочинения Г. Е. Благосветлова, с.

⁹³ Ф. Кузнецов. Публицисты 1860-х годов, с. 110, 112,

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 274.

Итак, перед нами типичный «политик», последовательно отстаивающей политическую концепцию революции в статьях на самые различные темы. Основное направление редактируемого Благосветловым журнала также определялось разделяемой им концепцией. Об этом можно судить и по мировоззрению и по публицистической деятельности таких ведущих сотрудников «Русского слова», как Д. И. Писарев и В. А. Зайцев. Поскольку о Писареве уже специально шла речь,⁹⁵ остановимся кратко на взглядах Зайцева на революцию.

Утверждения некоторых исследователей (В. Я. Кирпотин, М. Н. Пеунова), о якобы реформистском характере его идейной позиции убедительно опровергнуты Ф. Кузнецовым.⁹⁶ Но само наличие сомнений, хотя и недостаточно основательных, в революционности взглядов Зайцева нуждается в объяснении. (Эти же сомнения высказываются и относительно Благосветлова и даже Писарева). Дело в том, что политическая концепция революции с ее неверием в революционную самодеятельность народа, с ее утилитарно-позитивистской установкой, с ее ориентацией на реализм значительно легче ассимилирует те или другие реформистские идеи, чем социальная концепция.

Политическая позиция Зайцева отчетливо выявляется при анализе его статей в «Русском слове». Публицист постоянно подчеркивает необходимость соблюдения принципа реализма и утилитаризма. Всякий выход за пределы существующего, за пределы наблюдения, факта, действительности, всякие фантазии, мечтания, рассуждения о должном третируются им как пустое и вредное занятие. Именно на этом основании он приходит к фактическому отрицанию значимости искусства, а слово эстетик для него просто ругательство. Нельзя, по-видимому, считать случайными также откровенно расистские высказывания Зайцева относительно биологического неравенства белых и цветных народов и вытекающей отсюда оправданности невольничества. Дело в том, что «политик», как правило, позитивист, и единственным приемлемым аргументом для него являются факты, добытые наукой. В данном случае Зайцев ссылаясь на авторитетные, по его мнению, свидетельства Фогта, Гексли, Бишоффа, а также на социал-дарвинистские идеи. Позитивистские установки, как это не раз случалось, сыграли с их приверженцем злую шутку, еще раз показав, насколько ограниченной и даже опасной является абсолютизация подобного подхода.

Не подлежит сомнению, что Зайцев весьма низко оценивал революционный потенциал масс. Известное его высказывание: «народ груб, туп и вследствие этого пассивен: это, конечно, не его вина, но это — так, и какой бы то ни было инициативы с его

⁹⁵ См. Р. Н. Блюм. Проблема революции во взглядах Д. И. Писарева. Ученые записки ТГУ, вып. 404, Труды по философии XIX, 1977.

⁹⁶ Ф. Кузнецов. Публицисты 1860-х годов, с. 142—238.

стороны страшно ожидать»⁹⁷, — рельефно выражает совершенно определенную точку зрения. Отрицание какой-либо активности масс и в то же время страстное желание радикальных перемен заставляет Зайцева искать субъекта революции в образованном меньшинстве. Именно это меньшинство он облачает полномочиями принести блага народу даже в том случае, если он их не желает. «Если признана необходимость навязать насильно народу образование, то я не могу понять, почему ложный стыд перед демократическими нелепостями может ... мешать признать необходимость насильственного дарования ему другого блага, столь же необходимого, как образование, и без которого последнее невозможно, — свободы».⁹⁸ Хороша свобода, дарованная насильственно! Но такова логика убежденного «политика», основанная на вере во всемогущество образованного меньшинства. Так идея реализма (народ к революции не готов), одобренная революционным нетерпением (действительность необходимо немедленно и радикально преобразовать) и элитаризмом (мы одни знаем, что действительно нужно народу) сближает крайнего «политика» через активизм с крайними «социальщиками». По-видимому, неслучайно в дальнейшем Зайцев сотрудничал с Бакуниным, выступал против Маркса в I Интернационале и поддерживал программу народовольцев. В «Русском слове» он близко сошелся с Н. В. Соколовым, который по своим взглядам на революцию явно расходился с основным направлением журнала.

В конце 1865 г. Соколов и Зайцев заявили о своем уходе из редакции. Раскол в «Русском слове» вряд ли объясняется чисто финансовыми разногласиями. Думается, что одной из решающих причин была позиция «социальщика» Соколова (инициатора конфликта), которая по необходимости рано или поздно должна была вступить в конфликт с политической линией журнала. Об этом прямо писал Благосветлов: «работать вместе с г. Соколовым становится уже неприлично, тем более что и солидарности между ним и редакцией было мало».⁹⁹ (выделено нами. Р. Б.)

В интересном и содержательном очерке Ф. Кузнецова о Н. В. Соколове убедительно раскрыта революционная сущность мировоззрения публициста «Русского слова», его стремление сое-

---

⁹⁷ В. А. Зайцев. Избранные сочинения в двух томах. М., 1934, т. 1, с. 96. И хотя он делает исключение для французского народа, с его точки зрения, более развитого и образованного, тем не менее это исключение лишь смягчает, но не отменяет явного неверия в силы народа, свойственного публицисту «Русского слова». Трудно согласиться также с утверждением Ф. Кузнецова, что «Зайцев неустанно и последовательно проводит мысль о благотельности народной революции» («Публицисты 1860-х годов», стр. 165). О какой благотельности может идти речь, когда Зайцев прямо пишет, что народную инициативу страшно ожидать.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Цит. по: Б. Козьмин. Литература и история. М., 1969, с. 388.

динить прудонизм с революционностью (книги «Социальная революция», «Отщепенцы»).¹⁰⁰ Присоединяясь к основным выводам Ф. Кузнецова, укажем лишь на резкое, в известном смысле абсолютное, противопоставление политического и социального, проходящее через печатные работы Н. В. Соколова. «Историческая задача нашего века состоит в том, чтобы улучшить материальное состояние народа, который живет своим трудом. Политические вопросы... совершенно чужды народу; он их никогда не понимал и не поймет, потому что сохранил много здравого смысла и дорожит им. История не повторяется, и политические вопросы отжили свое время».¹⁰¹ Поэтому будущая революция может быть только социальной, время политических революций позади. Эта революция своим острием должна быть направлена против государства, так как свобода личности — основная цель социальной революции, — несовместима с принципом государственности.

Нельзя пройти мимо вопроса, почему такой «социальщик», как Соколов довольно долго сотрудничал в журнале Благовестова? Ответить на этот вопрос нелегко. Можно предположить, что редактор привлекал к работе в «Русском слове» сотрудников, исходя из относительно узкой специализации, которая обеспечивала квалифицированное освещение тех или иных общественных проблем и не слишком противоречила основной линии журнала. Так, Соколов занимался вопросами экономики, а анархист («социальщик») Эли Реклю вел отдел внешней политики. Естественно, при этом сохранялась какая-то общая единая основа (в данном случае непринятие существующего общественного устройства, радикализм, революционность).

Кроме того, если сравнить позицию Соколова в начале его публицистической деятельности с более поздними временами, то нельзя не увидеть известной эволюции в сторону все более ортодоксальной социальной точки зрения. Вместе с этой эволюцией, по-видимому, нарастала и напряженность в редакции, кончившаяся острым конфликтом и уходом Соколова. (Вряд ли пра-

---

¹⁰⁰ Ф. Кузнецов. Публицисты 1860-х годов, с. 243—326.

¹⁰¹ Цит. по: Ф. Кузнецов. Указ. соч., с. 265. В. Г. Лейкина-Свирская в статье о Соколове (Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1970), отметив, что в его анархизме «нет мотивов аполитизма» (с. 145), стремится представить Соколова сторонником политической борьбы (хотя зачастую и невольным). Даже упуская из виду то обстоятельство, что анархизм по самому своему существу не может не быть аполитичным, следует указать, что автор приводит ряд подлинных высказываний Соколова, прямо противоречащих такому утверждению (с. 145, 153). Что касается слов Соколова о государстве, которое должно ввести коммунистическое устройство, то это, по существу, уже не государство, так как оно «должно быть и может быть абсолютной народной волей», осуществляемой для народа и через народ. Как известно, управление, полностью слитое с народом, перестает быть государством.

вильно объяснять этот уход лишь финансовыми противоречиями и диктаторскими замашками Благосветлова, скорее всего это был предлог, за которым лежали куда более существенные идейные основания).

Нельзя не заметить, читая многие современные исследования, посвященные взглядам шестидесятников, что в них эти живые люди, ищущие, сомневающиеся, спорящие с другими и с собой, представлены в каком-то застывшем состоянии, будто бы они родились и умерли с неизменным, разумеется, прогрессивным мировоззрением. И тем человек прогрессивнее, чем меньше у него колебаний, тем ближе он к «эталону» революционности и философской целостности (за такой «эталон» обычно принимается Чернышевский). Но ведь это были самостоятельно мыслящие, а, следовательно, развивающиеся люди, находящиеся в постоянном становлении, для которых сомнения и поиск являлись, по словам одного из них, «обыкновенным процессом неустановившейся мысли, колеблющейся между противоположными очевидностями».¹⁰²

В этой связи интересна позиция автора этих слов Н. В. Шелгунова, о котором в начале статьи шла речь, как о «социальщике». Анализ его работ, написанных после возобновления журнала «Русское слово» (1863 г.), свидетельствует о существенных изменениях во взглядах этого мыслителя на революцию. В первую очередь, эти изменения касаются вопроса о соотношении политических и социальных начал в историческом процессе, а, следовательно, о соотношении политической и социальной революций. Вся мировая история, по Шелгунову, и есть борьба указанных двух начал: социального — народной самодеятельности, «народного романтизма» (в России — «земской идеи») и политического — государственной власти со всеми ее атрибутами, «государственного классицизма». Так, «русская историческая жизнь распадается на два русла и слагается из деятельности двух элементов — идеи власти, постепенно развивающейся в идею государственного классицизма, и земского начала, постепенно поглощаемого государством и служащего целям отвлеченного представления об идеале государственного блага. Земская идея, предоставленная себе и исключенная из участия во внешнем ходе внутренних событий зреет под давлением своих собственных интересов и под влиянием развивающихся экономических сношений, знающих только свою экономическую логику».¹⁰³

Укажем, кстати, что Шелгунов рассматривал отмеченную двойственность в очень широком плане. Сущность исторического развития он видит в борьбе мысли и чувства («Государственный классицизм»), нравственности и права («Народный романтизм»),

¹⁰² Сочинения Н. В. Шелгунова. СПб, 1891, т. 1, стлб. 486.

¹⁰³ Там же, стлб. 349—350.

коллективизма и индивидуализма («Философия застоя»), автономии личности и централизма («Россия до Петра I»), свободы и права («Право и свобода»). Итак, с одной стороны, народная самодеятельность, народный романтизм, чувство, нравственность, коллективность, автономия личности, свобода, с другой, — государственная власть, мысль, право, индивидуализм, централизм. Как в одном, так и в другом случае перед нами ряды тесно связанных, друг из друга вытекающих, взаимопроникающих моментов. Исследуя философские, социологические и психологические основания социальной концепции революции, убеждаешься в том, что ее логико-философским базисом является принцип свободы и творчества, социологическим — коллективизм, народная самодеятельность и автономия личности, психологическим — воображение, она широко пользуется моральной аргументацией. В то же время политическая концепция революции характеризуется опорой на принцип исторической необходимости, она претендует на научность, трезвость, реализм, ориентируется на политическую власть и правовую регуляцию общественных отношений, считает субъектом изменений образованное, знающее меньшинство, поведение которого определяется утилитаризмом и индивидуализмом.¹⁰⁴

Совокупность всех отмеченных моментов составляет то, что можно в широком смысле назвать социальным и политическим подходами к действительности. И тот факт, что Шелгунов обратил внимание на эту связь таких, на первый взгляд, разнопорядковых явлений, сам по себе свидетельствует о глубине его исторического видения. И тем не менее мы не найдем в его работах сколько-нибудь стройной теории, основывающейся на зафиксированной им связи. Плодотворная идея не была развита, она осталась лишь намеченной.

Как же мыслил Шелгунов революционное преобразование России? Какой была его революционная программа? Эта программа предусматривала сложный путь развития русского революционного процесса, конечным результатом которого должно быть установление коллективистского строя, социалистического общества. Но социалистическое преобразование дело далекого будущего не только для России, но и для других более развитых стран мира. Непосредственно же перед страной стоит задача демократического переворота, который смог бы утвердить строй экономического равенства, основанного на мелкой частной собственности, и республиканское политическое устройство. Образцом такого строя для Шелгунова, по-видимому, были Соединенные Штаты Америки в период и после революционной войны за

---

¹⁰⁴ Подробнее см. об этом в нашей статье «О понятиях «политическая» и «социальная» революция». — «Ученые записки ТГУ», вып. 324. Труды по философии XVII, 1974.

независимость (конец XVIII — начало XIX в.) Нельзя считать случайным многократное обращение публициста к истории этой страны (статьи «Очерки по истории Соединенных Штатов» (1864), «Три народности» (1864), «Очерки по истории Североамериканского союза (1865), «Американские патриоты» (1868), «Социально-экономический фатализм» (1868)).

Поскольку, пишет Шелгунов, «каждый колонист явился собственником, создалась в Америке имущественная равноправность и выработались демократические учреждения; а потому, что каждый работал лично на себя, — общее экономическое благосостояние».¹⁰⁵

Таким образом, можно предположить, что, с точки зрения Шелгунова, Россия непосредственно стоит перед политической, по своему содержанию буржуазно-демократической, революцией, которая призвана разрушить абсолютистско-крепостнические порядки и создать общественный порядок, где «каждый производитель является хозяином своего производства»¹⁰⁶ и где «свободное развитие каждого индивидуума составляет главную задачу государства».¹⁰⁷

Правда, такой уровень организации общества и государства нигде еще не достигнут. Даже американская революция, не говоря уже о французской, остановилась на полпути. «Во Франции, как в Америке, передовыми деятелями явились юристы, и все толковали о правах в то время, как сущность заключалась в социально-экономическом вопросе... В этом причина, что французская революция вышла только половиною дела и исключительно политическим явлением, несмотря на свою экономическую сущность».¹⁰⁸ Иными словами, речь идет о политической революции, куда более радикальной, чем все прошедшее буржуазные революции, ибо она серьезно вмешивается в социально-экономические отношения и создает такое демократическое устройство, которого не достигла еще ни одна буржуазная революция. И тем не менее и это не идеал, а лишь необходимая переходная ступень в историческом развитии. «Подобное состояние общества, — читаем мы у Шелгунова, — не есть идеал, на котором бы можно успокоиться... Не индивидуализм есть производительная сила, а сочетание труда. Поэтому распавшееся общество неизбежно приходит к мысли о сотрудничестве, и сепаратизм сменяется коллективностью... Только есть одна прочная форма сотрудничества, слабый зародыш которой появился на Западе, — ассоциация».¹⁰⁹ Поскольку под ассоциацией тогда понималась основная

---

¹⁰⁵ Сочинения Н. В. Шелгунова, т. 2, стлб. 249.

¹⁰⁶ Там же, т. 2, стлб. 270.

¹⁰⁷ Там же, т. 1, стлб. 122.

¹⁰⁸ Там же, т. 2, стлб. 250.

¹⁰⁹ Там же, т. 2, стлб. 270—271.

ячейка социалистической формы жизни, то ясно, какой идеал имеет в виду Шелгунов. Заметим, кстати, что ему, как и другим публицистам «Русского слова», чужда идеализация общины, столь распространенная в то время в среде радикально мыслящей интеллигенции.

Как же оценить взгляды Шелгунова на революцию, его революционную программу? Прежде всего обратим внимание на один, так сказать, личностный, но, как нам представляется, очень существенный момент. Всякий истинный революционер болезненно переживает трудно разрешимую коллизию — коллизию чувства и мысли, революционного нетерпения и трезвости, революционного романтизма и реализма. Будучи человеком дела (а только такой человек имеет право называться революционером), он стремится как можно быстрее осуществить свои преобразовательные планы, воочию увидеть новый разумный мир. Но суровая действительность постоянно охлаждает его революционный пыл, заставляет «вставать на горло собственной песне», сдерживать, обуздывать свое нетерпение . . . и ждать.

Но спит народ под тяжким игом,
Бойтся пуль, не внемлет книгам.
О Русь, когда ж проснешься ты . . .

Правда, ожидание — не бездействие. Ожидание — это напряженная работа мысли, это — пропаганда революционных идей, это — подготовка к историческим переменам. Таков ответ серьезного революционера на вызов реальностей окружающего его мира. Именно таким серьезным революционером, чуждым экстремизма, был Шелгунов.

Симпатии его явно на стороне тех, кого он называет представителями народного романтизма. Народное вольнодумство, стихийный протест, непокорность, «возбужденные страсти и сильные порывы», такие люди, как Разин и Пугачев описываются Шелгуновым с искренним сочувствием и порой даже с восхищением.¹¹⁰ Вспомним, что он начинал свою революционную деятельность как «социальщик». Изменение ситуации в годы после реформы 1861 г., работа в журнале «Русское слово», влияние идей Писарева, увлечение естественными науками, наконец, перемены в собственной судьбе, не могли не оказать влияние на позицию Шелгунова. В ней все больше и больше выявляется склонность к реалистической оценке исторических событий и перспектив развития России, и вместе с тем наблюдается поиск

---

¹¹⁰ «Русский народный романтизм, стремившийся к активному протесту, выразился вполне в этих двух замечательных народных личностях. Они — зеркало народа, отражающее всю силу народной страсти, его стремлений, его чувств и в то же время бессилie народной мысли» (Там же, т. 1, стлб. 445).

объективных закономерностей и признание роли политики и политических учреждений.

Явно возмущая крайним «социальщикам», для которых революции в Америке и Франции были чисто политическими переворотами, не имеющими существенного значения, Шелгунов писал: «Для людей, стоящих на пути социального прогресса столетий на пять позади американцев, политическая деятельность Вашингтона, Гамильтона, Франклина и других может показаться, пожалуй, незаслуживающей внимания и даже ничтожной. Но именно в ее простоте и вся ее трудность. Трудность ее в том, что гораздо легче быть страшным, заносчивым, неуступчивым и самолюбивым, чем спокойным и рассудительным».¹¹¹ Спокойствие, рассудительность, выработка организационных средств и планов, знание, что делать дальше — необходимые условия успешной революционной деятельности. «Не выработав зрелой мысли, Россия хотела решить свои вопросы чувством — и только теряла головы, которым было бы выгоднее оставаться на плечах»,¹¹² — не без основания заключает Шелгунов. Эти условия тем более необходимы для народной, демократической революции, так как «ни одна из форм правления не требует такого пространства в народе здравых, зрелых понятий, как правление народное».¹¹³ Такие рассуждения неизбежно ведут к вопросу об исторической роли образованного меньшинства и об отношении этого меньшинства к народу, вопросу, который играет решающую роль во всех дискуссиях, затрагивающих проблему общественных изменений. Несомненно влияние политической концепции революции на решение этого вопроса Шелгуновым. Тем не менее было бы ошибочным полагать, что он перешел на позиции политической концепции. Социальные мотивы оставались центральными в его творчестве, осталась также общая ориентация на революцию с участием народных масс, наконец, альфой и омегой всех общественных изменений продолжает оставаться свободная нравственная личность.

Как же сочетаются во взглядах Шелгунова политические и социальные элементы? Сразу скажем, что объединить, синтезировать политическую и социальную концепцию революции ему не удалось, не удалось ему даже достичь уровня абстрактного единства политического и социального, свойственного взглядам Чернышевского. Политические и социальные элементы в революционных взглядах Шелгунова — это два ряда, между которыми практически нет мостов, они просто рядоположены. В этом смысле можно говорить об известной эклектичности его воззрений. Видимо, поэтому в работах публициста нередки противо-

---

¹¹¹ Сочинения Н. В. Шелгунова, т. 1, стлб. 153.

¹¹² Там же, т. 1, стлб. 447.

¹¹³ Там же, стлб. 250.

речивые, а порой прямо противоположные высказывания. Эти противоречия обнаруживаются не в каких-то второстепенных деталях, а в основополагающих принципах. Так, например, Шелгунов в принципиальной для его взглядов статье «Социально-экономический фатализм» утверждает, что народная жизнь и история движутся «только в одном направлении — социально-экономическом; оно заключается в стремлении людей построить свое благосостояние по среднему уровню большинства»; это движение, являясь движением в народе, носит фатальный характер, «социально-экономический фатализм есть сила роковая; ничто не может устоять против нее: как она вела человечество до сих пор, так поведет она его вперед и в будущем».¹¹⁴ Далее в этой же статье утверждается, что не экономика, а «человеческий ум есть главный фактор прогресса», и «только ум есть двигающая сила, только интеллект двигает человечество. Прочно не то, что создается фатализмом, а что создается сознанием».¹¹⁵

Такие противоречивые суждения являются неизбежным результатом дуализма принципов, в данном случае, принципов политической и социальной концепций революции. Г. В. Плеханов, характеризуя воззрения утопических социалистов точно заметил, что у них «фатализм, вообще, нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом».¹¹⁶ То же самое можно сказать и о Шелгунове. И это понятно, так как мировоззренческие основы у него и у утопических социалистов общие. Потеряв надежду на активные народные масс, он ищет активное начало вне народа. «Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает, — писал К. Маркс о подобной точке зрения, — что обстоятельства изменяются людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно вынуждено поэтому делить общество на две части — из которых одна возвышается над обществом».¹¹⁷ В своеобразной форме у Шелгунова воспро-

¹¹⁴ Сочинения Н. В. Шелгунова, т. 2, стлб. 245.

¹¹⁵ Там же, стлб. 262, 272. Приведем пример еще одного подобного противоречия. В статье «Цивилизация Китая» (1865) читаем: «Экономический быт народа зависит от его политических учреждений, а эти учреждения от степени умственного развития населения и его мировоззрения» (т. 1, стлб. 207—208), а в статье 1872 г. «Фатализм исторического прогресса» утверждает совершенно противоположное: «Экономическое начало является основным двигателем всех внутренних и внешних отношений», а «внутренняя политическая организация служит только экономическим целям» (стлб. 533). Вряд ли это противоречие можно объяснить эволюцией взглядов. Уж слишком резко расходятся эти тезисы.

¹¹⁶ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. ОГИЗ, 1938, стр. 27.

¹¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 42, с. 262. Только по недоразумению можно сказать, что статья «Социально-экономический фатализм», где содержатся отмеченные противоречия, «носит печать влияния марксизма» и что ее «основная идея порождена влиянием работ Маркса и Энгельса» (История философии в СССР, т. 3, 1968, с. 184).

изводится известная антиномия субстанции (исторического фатализма, народного субстрата) и самосознания (человеческого ума, интеллигентного меньшинства), которая является философским основанием противоположности двух основных концепций революции, о чем нам уже приходилось писать.¹¹⁸

Где же выход из обнаруженного противоречия? Что может и должен делать радикально мыслящий человек? Сблизиться с народом, отвечает Шелгунов, и продолжает: «Сущность этого заключается в объединении образованных с необразованными, в объединении интересов моральных и материальных тех и других, в дружных соединениях общих усилий к достижению одной общей цели, заключающейся в общем благополучии... Слияние верхов с низами, интеллигенции с народом, не есть пустая мечта. Слияние это есть неустрашимый исторический закон, оно есть путь нашего прогресса, основа того «русского слова», с которым мы, как культурный народ, должны занять свое место среди других культурных народов и работать вместе с ними в интересах общечеловеческого прогресса».¹¹⁹

Существует внешнее сходство этой программы с программой Писарева и других публицистов «Русского слова». Впрочем, о сближении с народом шла речь практически у всех революционеров-шестидесятников. Серьезные, можно сказать, принципиальные различия начинаются там, где речь идет о народе, как субъекте революционной борьбы, о характере и задачах предстоящего революционного переворота и о формах взаимоотношения между народом и интеллигенцией. Разрешение Шелгуновым этих проблем позволяет, по-видимому, говорить о его специфической позиции, отличающейся от позиции других революционных идеологов 60-х гг. Следует, правда, сказать, что эта позиция нигде четко не сформулирована и в ней много пробелов. Это объясняется тем, что работа в подцензурной печати не давала возможности прямо обсуждать такого рода проблемы, да и взгляды самого Шелгунова часто бывали далеки от последовательности и ясности.

Весьма симптоматичны высказывания Шелгунова, почти дословно повторяющие тезисы утопистов-социалистов о роли социальной среды в изменении человека и о механизме этого изменения. «Возьмем в пример хотя Германию и Францию. Сильное, критическое умственное движение началось в них в половине прошлого столетия. Небольшая кучка прогрессивных людей вызвала прогрессивные изменения в учреждениях, законодательстве, и только новое законодательство создало новых людей» («Дело», 1867, № 9, с. 5). И в другом месте: «Народы те же дети. Детей учит школа; народ — учреждения и закон, указывающий, куда им идти можно, куда нельзя, чтобы общественное благополучие не потерпело ущерба» (там же, с. 7).

¹¹⁸ См. нашу статью «Проблема революции в ранних работах К. Маркса и Ф. Энгельса». «Ученые записки ТГУ», вып. 361. Труды по философии XVIII, 1975, Тарту.

¹¹⁹ Сочинения Н. В. Шелгунова, т. I, стлб. 308, 318.

В отличие от «политиков» Шелгунов, во-первых, верит, в народную революцию, а не в революцию меньшинства, он полагает, что даже на первом демократическом (по-существу, буржуазном) этапе очень многое зависит от степени участия народных масс в революционных преобразованиях. Во-вторых, он куда более демократичен в решении вопроса о взаимоотношениях интеллигенции и народа, говоря не о руководстве, а о слиянии.

В отличие от «социальщиков» он, во-первых, реалистически оценивает перспективы предстоящей революции, обнаруживает ее действительные задачи и считает социалистические преобразования делом относительно далекого будущего, во-вторых, не думает, что народ всегда готов к революции и в-третьих, ему чуждо негативное отношение к политике и государственной организации.

На наш взгляд, революционную позицию Шелгунова можно определить как **социально-политическую**, так как, сохраняя социальные основания и цели, она в ряде существенных моментов выходит за рамки социальной концепции революции. Шелгунов является основателем этой линии в русском революционном движении. Затем она была продолжена и подробно обоснована П. Л. Лавровым. Именно Лавров стал, как известно, властителем дум революционной молодежи в начале семидесятых годов XIX в. Это объясняется, как нам представляется, тем, что он сказал логически последовательно, ясно и определенно о многих проблемах, лишь намеченных в статьях Шелгунова.¹²⁰ О близости взглядов этих революционных мыслителей лучше всего говорит рецензия Шелгунова на знаменитые «Исторические письма», в которой автор заявляет: «В основных мыслях Миртова мы не находим ничего, в чем-бы могли с ним не согласиться. Все в них верно, искренно и честно».¹²¹

В заключении остановимся кратко на так называемом «расколе в нигилистах», дискуссии между журналистами «Современник» и «Русское слово». Об этой дискуссии написано много, и нам нет необходимости вдаваться в детали.¹²² Отметим лишь, что в понимании причин столь острого столкновения двух журналов, находящихся, по общему мнению, по одну сторону баррикады, существуют серьезные расхождения.

Если оценивать спорящие стороны по принципу «кто прав — кто виноват», то каждый исследователь, исходя из своих симпатий и антипатий, способен без особого труда подобрать нужное

¹²⁰ См. нашу статью «Взгляды П. Л. Лаврова на революцию». — «Вопросы философии», 1974, № 6.

¹²¹ Сочинения Н. В. Шелгунова, т. 1, стлб. 339.

¹²² См. литературу по этому вопросу: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. т. 6, М., 1968, с. 640. Кроме того, П. С. Рейфман. «Современник» и «Русское слово» перед «расколом в нигилистах». — «Ученые записки ТГУ», вып. 251. Труды по русской и славянской филологии, XV. Тарту, 1970.

количество цитат в подтверждение своей установочной позиции. В результате у одних авторов Щедрин оказывается последовательным революционным демократом, продолжателем линии Чернышевского, а Писарев и его радикальные единомышленники выступают «против курса на революционное сближение передовой интеллигенции с крестьянством».¹²³ У других, наоборот, Щедрин отошел от революционных идей Чернышевского и не может быть назван «последовательным революционным демократом».¹²⁴

Трудность оценки связана и с бросающейся в глаза чрезмерной резкостью и даже грубостью полемики. Но эта резкость не должна вводить в заблуждение. Вряд ли она свидетельствует о глубине расхождений и несоответствии исходных позиций и общих целей. Исторический опыт показывает, что сходство исходных установок и целей отнюдь не ведет к терпимости по отношению друг к другу, скорее наоборот, чем ближе общие идейные платформы спорящих сторон, тем ожесточеннее и резче полемика (особенно по форме).

Близость исходных позиций двух журналов определялась принадлежностью их к революционно-демократическому лагерю, резко критическим отношением к социально-политическим порядкам России. Видимо, поэтому некоторые исследователи стремятся объяснить разногласия не идейными, а организационными соображениями, утверждая, что они есть результат отсутствия общего политического центра, в силу чего различные отряды революционеров демократов не могли договориться и согласовать общую политическую линию.¹²⁵ Думается, что такое объяснение переводит проблему совсем в другую плоскость и уводит от поиска подлинных причин **идейных** разногласий. Выходит, все дело в том, что они не смогли сесть за один стол и договориться.

П. С. Рейфман безусловно прав, усматривая причину полемики в существенном изменении обстановки. «Победа реакции привела революционных демократов к некоторой потере ясности перспектив движения, к крушению надежд на близкую народную революцию, к осознанию трагичности своего положения. Сложные и противоречивые поиски, неясность перспектив, новых путей, когда старые оказались несостоятельными, определяют и сущность полемики между «Современником» и «Русским словом».¹²⁶ Это все так. Но остается неразрешенным вопрос, почему жур-

---

¹²³ С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. М., 1956, с. 365. Этой же точки зрения придерживаются В. Я. Кирпотин и Я. Е. Эльсберг.

¹²⁴ Ф. Кузнецов. Журнал «Русское слово», с. 242.

¹²⁵ Л. Е. Варустин. Журнал «Русское слово», с. 196.

¹²⁶ П. С. Рейфман. «Современник» и «Русское слово» перед «расколом» в нигилистах». — «Ученые записки ТГУ», вып. 251. Труды по русской и славянской филологии, XV, Тарту, 1970, с. 49.

налы отвечали на один и тот же вызов изменившейся действительности по-разному, что же в конце концов обусловило столь острую полемику?

Чтобы определить характер и причины полемики, нельзя, на наш взгляд, остаться на уровне эмпирического наблюдения, ограничиться анализом текста полемических статей, необходимо обратиться к некоторым основополагающим теоретическим принципам, из которых исходили спорящие стороны. Многое, по-видимому, может разъясниться, если принять во внимание, что оба журнала представляют два типа революционного мышления, выступают как сторонники двух, противостоящих друг другу концепций революции — политической и социальной.

Политическая позиция «Русского слова», отчетливо выраженная в статьях Писарева, Зайцева, Благосветлова, проанализирована выше. Можно сказать, что эта позиция определяла решение всех основных вопросов, поставленных в ходе полемики. Среди них, как отмечает В. Е. Евгеньев-Максимов, основным вопросом был вопрос о социализме и о путях к нему ведущих.¹²⁷

В соответствии с главными положениями социальной концепции публицисты «Современника» противопоставляли ориентации на меньшинство своих оппонентов ясно выраженную ориентацию на народные массы. Различие этих ориентаций ими отчетливо сознавалось и не раз подчеркивалось. Очень хорошо писал об этом в декабрьской хронике 1863 г. Щедрин. «Нет ... ничего естественнее, справедливее и святее, как признание прав большинства и защита их против притязания каст ... Ни один ... интерес, ни личный, ни кастический, не может быть приведен к осуществлению прежде, нежели найдет себе поверку в интересах масс ... Поэтому нет вообще того человека в мире, который сознательно или бессознательно, с озлоблением или с удовольствием не признавал бы этого главенства масс и не покорялся ему; в частности же, для многих людей это признание составляет цель всевозможных усилий, искание и смысл всей жизни. Облеченное в определенную форму, это признание возводится на степень социального убеждения, является источником целого образа действий, зерном целой системы. А система, как известно, требует со своей стороны дисциплины».¹²⁸

В этом отношении «Современник» продолжал социальные традиции Чернышевского и Добролюбова. Вера Засулич удачно сформулировала различия в позициях Добролюбова и Писарева (можно, не греша против истины, сказать, что это позиции двух журналов). У Добролюбова, писала она, — твердая вера «в красоту и силу скорого разлива народной реки. Писарева эта вера,

¹²⁸ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. VI, с. 188.

¹²⁷ В. Евгеньев-Максимов, Т. Тизенгаузен. Последние годы «Современника» (1863—1866). Л., 1939, с. 304.

видимо, миновала ... Самобытный, стихийный разлив народной реки не играл в его надеждах на будущее почти никакой роли».¹²⁹

Известно, что «социальщики», в отличие от «политиков», подчиняют свою деятельность интересам будущего. В этой связи в их взглядах большое значение имеет пропаганда идеалов, ориентация на новую действительность. Именно это обстоятельство явно имеет в виду Щедрин, заявляя: «В известные эпохи жизни идеализм, несмотря на всю спорность своего содержания, есть все-таки высшая и самая пригодная форма человеческой деятельности ... самое горькое зло, самая безвыходная пагуба, это — отсутствие руководящей мысли, отсутствие убеждения».¹³⁰ О том же, в сущности говоря, писал и Антонович: передовые люди века «указывают высшую цель современным стремлениям, заявляют самые широкие требования, постоянно держат перед глазами полный идеал будущего, чтобы сравнивать с ним настоящее...»¹³¹

Видимо, по этому пункту возникло расхождение между редакцией «Современника» и Салтыковым-Щедриным. Антонович и другие сотрудники редакции, оставаясь на последовательно социальных позициях, не могли согласиться с уклоном сатирика в сторону практицизма, в сторону политической линии Писарева, уклоном, четко выраженным в словах: «лучше маленькая рыбка, чем большой таракан».¹³² «В мировоззрении, в общественно-политических взглядах Щедрина и Писарева (имеется в виду первая половина шестидесятых годов) было, оказывается, много такого, что их **не разделяло, а идейно сближало**».¹³³ С этим выводом Е. И. Покусаева, подкрепленным убедительным анализом фактического материала, нельзя не согласиться.

Иными словами, во взглядах на революционное преобразование общества Щедрин занял позицию, во многом отличающуюся от взглядов «социальщиков» из редакции «Современника». Эта позиция отличалась тем, что при общей социальной ориентации в ней большую роль играли элементы реалистического подхода к действительности, стремление «поставить свою деятельность на почву реальную»,¹³⁴ т. е. элементы, характерные в полной мере для политической концепции революции. Щедрин наиболее близок в этом отношении к Шелгунову. Таким образом, взгляды его занимают своеобразное промежуточное положение

¹²⁹ «Научное обозрение», 1900, № 3, с. 495, 496.

¹³⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. VI, с. 155.

¹³¹ «Современник», 1863, № 3, с. 71.

¹³² М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. VI, с. 252. См. об этом: Е. Покусаев. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957, с. 219—243.

¹³³ Е. Покусаев. Указ. соч., с. 234.

¹³⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. VI, с. 329.

между социальной и политической концепциями революции и могут быть, как и взгляды Шелгунова, определены как **социально-политическая позиция**.

Итак, подводя итог нашему затянувшемуся анализу, следует сказать, что в общественной мысли шестидесятых годов можно отчетливо зафиксировать две основные концепции революционного процесса — политическую и социальную. Сторонники этих концепций, сходясь в признании необходимости революционного преобразования, расходились (порой в весьма острых формах) в решении вопроса о целях и задачах, средствах и методах этого преобразования. Обнаруживаются и попытки, хотя и нереализованные, преодолеть крайности этих двух концепций, найти более синтетический вариант революционной теории. Во всяком случае, шестидесятые годы стали временем, когда практически зародились важнейшие варианты революционной теории, сыгравшие столь большую роль в революционном движении России в последние десятилетия XIX столетия.

Выступая в дискуссии за «круглым столом» о наследии революционных демократов, А. И. Володин сказал, что расхождения во взглядах, острые столкновения далеко не всегда можно объяснить «недоразумениями». «Напротив, это скорее было закономерностью развития данной идеологии в целом, характерными чертами которого оказываются, таким образом, своего рода «рассредоточенность» объективной истины и столкновение разных ее сторон. Причем каждая из этих сторон представляла и крайность, если угодно «ошибку», и вместе с тем момент относительной истины. Мало что дают нашей науке споры о том, кто был прав, а кто виноват в этих столкновениях. Не лучше ли попытаться увидеть в них прежде всего естественную форму восходящего движения революционно-демократической идеологии... Все дело — в дальнейшем углублении наших представлений об этом полном внутренних противоречий наследии в свете, конечно, того исторического опыта, который накоплен за прошедшее столетие и с помощью, разумеется, все более совершенных методологических средств».¹³⁵ Остается надеяться, что в статье это, несомненно, справедливое пожелание в какой-то мере реализовано.

¹³⁵ «Вопросы литературы», 1977, № 4, с. 80, 81.

**АВТОРЫ XX ТОМА «ТРУДОВ ПО ФИЛОСОФИИ»
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

- А. Волов** — к. филос. н., ст. преподаватель кафедры философии Таллинского политехнического института.
- Ю. Каеватс** — младший научный сотрудник сектора философии Института истории АН ЭССР.
- Ю. Таммару** — ст. преподаватель кафедры философии Тартуского государственного университета.
- Ю. Матьюс** — к. филос. н., и. о. доцента кафедры философии Тартуского государственного университета.
- Б. Чумаков** — к. филос. н., младший научный сотрудник лаборатории криминологии Тартуского государственного университета.
- А. Порк** — к. филос. н., ст. преподаватель кафедры философии Тартуского государственного университета.
- Т. Киллак** — аспирант кафедры философии Тартуского государственного университета.
- Л. Столович** — д. филос. н., профессор кафедры философии Тартуского государственного университета.
- И. Грязин** — аспирант кафедры философии Тартуского государственного университета.
- Р. Блюм** — д. филос. н., и. о. профессора кафедры философии Тартуского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Волон. К анализу гносеологических категорий	3
Ю. Каеватс. Об одном дополнении гипотетико-дедуктивной теории	14
Ю. Таммару. Антиномичность понятия симметрии	28
Ю. Матьюс. К проблеме истины в «Логических исследованиях» Эдмунда Гуссерля	36
Б. Чумаков. Логическая структура отношений ответственности	45
А. Порк. Проблемы имплицитности экспланандума исторического объяснения	59
Т. Киллак. О позитивистской интерпретации проблемы мировоззрения	67
Л. Столович. Аксиологический подход в эстетике	81
И. Грязин. О позитивистской концепции «философии права» в русской дореволюционной юридической литературе	96
Р. Блюм. Проблема революции в русской общественной мысли 60-х годов XIX века	111

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 465. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ. Труды по философии XX. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор Л. Столович. Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор 24/III 1978. Подписано к печати 15/X 1979. Бумага печатная 60×90 1/16. Печ. листов 9,75. Учетно-издат. листов 10,37. МВ-07375. Тираж 400. Заказ № 1363. Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19. I.

Цена 1 руб. 60 коп.